Анатолий
Полянский

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Анатолий Полянский

Выстрел из прошлого

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОСААФ СССР
МОСКВА 1988

ББК 84Р7
П54

Рецензент А. К. Тараданкин

Полянский А. Ф.

П54 Выстрел из прошлого.— М.: ДОСААФ, 1988.— 239 с.

95 к.

В остросюжетных, наполненных драматическими событиями документально-художественных рассказах и повести, составляющих сборник, показано, как с первого дня существования Советской власти пограничники мужественно и отважно выполняют свой долг. Все ухищрения врага разбиваются о бдительность, стойкость и отвагу людей в зеленых фуражках.

Для массового читателя.

П $\frac{4702010200—026}{072(02)—88}$ 55—88 ББК 84Р7 Р2

ПЕРВЫЕ

В конце пятидесятых годов я в качестве военного корреспондента работал в Приморье. В Спасск, бывший в то время сравнительно небольшим городком, попал зимой. По улицам, переметая их, вихрила жгучая метель. Газик с трудом пробивался вперед, рискуя нырнуть в кювет, притаившийся под сугробами...

В беседе с первым секретарем горкома партии речь зашла о ветеранах границы — она тут рядом, как говорится, рукой подать.

— Вы уже познакомились с Тихоном Ивановичем Шуляковым?— спросил секретарь.— Еще нет? Тихон Иванович — живая история. Здесь, в Приморье, он создавал пограничную службу и в двадцать втором году выставлял первых часовых на рубеже от северной оконечности озера Ханка до восточного берега реки Бекин. Участник революции. Старейший член партии. Сподвижник Дзержинского. Встречался с Владимиром Ильичем Лениным...

После таких слов остаться равнодушным было невозможно, и я незамедлительно отправился по указанному адресу — на улицу Льва Толстого.

Пробившись сквозь заносы, машина остановилась у домика под зеленой крышей с резными наличниками на окнах.

Дверь открыл широкоплечий мужчина в гимнастерке, перетянутой командирским кожаным ремнем, что делало его не по возрасту стройным. Молодо поблескивали веселые карие глаза. Шевелюра с проседью, зато в пышных усах — ни единого белого волоска.

— Вы ко мне?— спросил он и коротко, по-военному, представился: — Шуляков.

Рука у хозяина была крепкой, жилистой. Прищурившись, он цепко, изучающе вглядывался в нежданного гостя.

Вначале разговор не клеился. Тихон Иванович говорил скупо, односложно: да, было... участвовал... встречался... И все больше о других, о себе — сухо, неинтересно. Лишь позже, вечерком, когда мы выпили чаю с домашним вареньем, потолковали о житейских делах, он немного оттаял, вспоминая минувшее, постепенно увлекся.

Я слушал с волнением. Старый пограничник рассказывал о революции, гражданской войне — о событиях, вошедших в историю. Вот почему я постарался записать его воспоминания со стенографической точностью, ничего не прибавляя и не исправляя.

...Во время первой мировой войны я был солдатом русской армии со значительным окопным стажем. Имел два ранения, пережил горечь поражения. Словом, повидал многое и отлично понимал всю гнилость царского самодержавия. В РСДРП, правда, еще не состоял, но входил в группу сочувствующих и активно пропагандировал идеи большевиков. А иначе быть не могло. Мне, сельскому батраку, не имеющему ни кола ни двора, были близки и понятны лозунги ленинской партии.

Наш полк после тяжелых потерь на фронте отвели на отдых и переформирование в Ригу. Революционное брожение к тому времени уже глубоко проникло в войска. Мы связались с рабочими организациями, с ячейками большевиков на заводах Риги и стали вести совместную работу. Во время одной из демонстраций полиция открыла стрельбу. Солдаты вынуждены были вмешаться. Не будешь же стоять в стороне, когда убивают твоего брата рабочего?! Жандармов мы, конечно, прогнали, но без потерь не обошлось. Я тоже был ранен.

Через неделю вызывают меня в полковую ячейку большевиков.

— Как себя чувствуешь?— спрашивают.

— Ничего,— отвечаю,— живой.

— Тут дело такое,— говорят, — в Москву надо ехать, рассказать о нашей работе...

Выехали в середине февраля. Уже по дороге нас застала весть, что в Петрограде началась всеобщая стачка рабочих, переросшая в вооруженное восстание. Основные события в Питере разворачивались в самом конце февраля, когда мы уже находились в Москве. Народ и здесь поднялся на борьбу. Мы, разумеется, сразу примкнули к рабочим и перешедшим на их сторону солдатам. В разных местах города произошли схватки рабочих с полицией. Так случилось, например, на Тверской у булочной Филиппова, где нам пришлось столкнуться с группой жандармов, открывших огонь по рабочим.

К вечеру 1 марта все было кончено. Революция победила и в Москве. Власть перешла в руки народа. Были образованы Советы рабочих и солдатских депутатов, но наряду с ними создано и буржуазное Временное правительство. В стране возникло двоевластие.

Через несколько дней из Петрограда поступило распоряжение направить делегацию москвичей, активно участвовавших в февральских событиях, на похороны жертв революции. От Пресненского Совета и группы солдат-фронтовиков в делегацию вошел и я. Добирались до Питера долго, два дня, наверное. Поезда тащились тогда будто запряженные волами. Ехали и гадали: успеем ли? Очень уж хотелось попасть на митинг. Был слух, что с речью выступит Ленин, вернувшийся из эмиграции.

Однако на похоронах Владимира Ильича не было. Мы увидели его несколько позже, 18 апреля (1 мая), там же, на Марсовом поле, где проходил митинг, посвященный международной солидарности пролетариата.

Накануне на совещании делегатов-фронтовиков в одной из солдатских казарм мы слушали выступление агитатора-большевика. Когда он кончил, солдаты подошли к нему и спросили, будет ли на митинге Ленин.

— Должен,— услышали в ответ.— Обещал быть. А слово свое он всегда держит.

Только взошло солнце — отправились на Марсово

поле. Народу собралось видимо-невидимо. Даже мы, пришедшие загодя, и то с трудом пробирались к трибуне. Стоим, ждем, с ноги на ногу переминаемся. Вдруг народ заволновался.

Ленин!

По узкому проходу среди плотной людской массы быстро шел невысокий человек с аккуратной рыжеватой бородкой. На лице улыбка — приветливая, доброжелательная. Я никогда прежде не видел вождя революции, но сердцем сразу понял, что это Владимир Ильич.

Его речь была четкой и ясной. Голос сразу покорил меня, как и всех других. Я слушал, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово. Ленин сердечно поздравил нас с победой революции, сбросившей наконец иго самодержавия и утвердившей власть народа в лице Советов. Но борьба еще не кончена, предупредил он. Большинство социалистических партий изменило делу интернационального братства трудящихся всех стран, и теперь российскому рабочему классу предстоит создать новый, подлинно пролетарский интернационализм.

— Долой войну!— закончил Ленин свою речь.— Да здравствует мир и борьба за пролетарскую социалистическую республику!..

Я был потрясен простотой и доходчивостью ленинской речи. На другой день мы разъехались по своим частям.

Лето 1919 года для молодой Советской республики было особенно тяжелым. Окруженная кольцом фронтов, истекающая кровью, она напрягала все силы, чтобы выстоять, победить многочисленные войска интервентов и белогвардейцев. Едва весной на востоке был разгромлен Колчак, как с юга надвинулась новая, еще более грозная опасность. Начался второй поход Антанты, главной ударной силой которого был Деникин. К осени его войска захватили Харьков, Царицын и через Курск, Орел и Тулу двинулись на Москву. Положение создалось критическое. «Все на борьбу с Деникиным!» — такова была главная установка партии, выдвинутая В. И. Лениным, взявшим под свой личный контроль отбор и переброску войск на Южный фронт.

Кавалерийский дивизион ВЧК, которым я тогда командовал, потерявший в жестоких боях до половины

личного состава, был отведен на переформирование и располагался в Николаевских казармах на Ходынке.

Однажды (это было в первой декаде июля) меня вызвал Дзержинский — он часто беседовал с командирами частей войск ВЧК — и спросил, готовы ли мы к отправке на фронт.

— Так точно, — ответил я.— Дивизион пополнен до штата. Оружие получили. Бойцы рвутся на фронт.

— Хорошо, что настроение боевое,— улыбнулся Феликс Эдмундович.— Дивизион, конечно, и тут пригодился бы, но там вы нужнее.— Он помолчал, морща высокий лоб, и заговорил уже строже.— На днях состоится беспартийная конференция красноармейцев Ходынского гарнизона. На ней обязательно будет кто-нибудь из правительства. Так что готовьтесь...

День 15 июля — на это число была как раз назначена конференция, о которой говорил Дзержинский,— начался как обычно. С утра чистка лошадей, строевые занятия, подгонка только что полученного обмундирования. Часов в двенадцать прибегает дежурный из штаба и кричит:

— Командир, строй свой дивизион! Да чтоб все в наилучшем виде было. Ленин едет!

Меня охватило волнение и беспокойство. Даже не сразу поверил. Ленин! Неужто сам? Вызываю эскадронных командиров, объясняю ситуацию и наставляю:

— Скорее! Да как следует проверьте экипировку красноармейцев!

Бойцы тоже откуда-то про новость узнали. Заволновались, засуетились. Многие ведь Ленина ни разу не видели. Спрашивают: «Какой он из себя? Как отвечать, если что спросит?»

— Обыкновенно,— говорю.— Отвечать на вопросы по всей форме, открыто. Ленин правду любит.

Построились в четыре ряда. Подъезжает автомобиль. Гляжу — он! Выходит из машины, смотрит на нас, улыбается. С ним приехали секретари Московского комитета РКП(б) товарищи В. М. Загорский и А. Ф. Мясников.

Принял Владимир Ильич рапорт от начальника гарнизона, поздоровался с нами. До этого мы долго спорили, как отвечать на приветствие. Некоторые предлагали: «Здравствуйте, вождь мировой революции!», «Здравствуй, дорогой Ильич», но я и другие командиры прика-

зали, чтоб было попроще, почти по-уставному. Ну строй и грянул:

— Здравия желаем!

Он с улыбкой покачал головой, не знаю, понравилось или нет, и пошел вдоль строя. Остановится возле кого-нибудь из бойцов и спрашивает:

— Как самочувствие?.. Настроение?.. Родом откуда?.. Что из дому пишут?..

Один красноармеец пожаловался:

— Не решаются наши сельчане землицу брать. Боятся, как бы чего не вышло.

Ленин сделал энергичный протестующий жест и решительно сказал:

— Брать, брать землю надо немедленно! Пусть не опасаются! Советская власть отдала землю трудовому крестьянству.

Он был очень подвижен. И хотя на лице видны следы усталости — мы-то понимали, какие великие государственные заботы лежали на его плечах!— Владимир Ильич шутил. У бойца моего дивизиона, стоявшего на левом фланге, спросил:

— Как стреляете, товарищ?— Услышав, что неплохо, заметил: — А надо отлично. Чтоб каждый выстрел разил врага революции.

Конференция проходила в клубе «Кукушка». Народу собралось столько, что яблоку негде было упасть. Все отчаянно курили, махорочный дым стоял стеной. Но вот кто-то сказал:

— Товарищи, Ильич был в легкое ранен эсеркой Каплан. Ему дым вреден.

И тотчас же, как по команде, погасили цигарки. До конца конференции никто в зале не закурил.

Когда слово было предоставлено Ленину, наступила такая тишина, что слышно было, как булькает вода, наливаемая председателем из графина в стакан.

Говорил Ильич недолго. Кратко обрисовал обстановку, в которой оказалась Советская республика, не скрыв опасности, нависшей над первым в мире пролетарским государством. Охарактеризовал положение крестьянства, в том числе и середняков, у которых начался решительный поворот в сторону Советской власти. В заключение Владимир Ильич выразил твердую

уверенность в победе над войсками Деникина, предсказав, что она близка.

Мы долго находились под впечатлением этой речи. Красноармейцы, обсуждая услышанное, говорили:

— Теперь мы покажем белякам!

Через несколько дней наш дивизион выехал на Южный фронт.

Разгромлены Деникин, белополяки. Отгремели бои под Каховкой. Закончился легендарный штурм Перекопа. Крым был очищен от белых.

— В этих завершающих боях отличился и наш дивизион,— продолжает свой рассказ Шуляков.— Помню, при штурме Турецкого вала врангелевцы открыли ураганный огонь. Земля дрожала от разрывов. В упор били десятки пулеметов. Но мы шли вперед, не ведая страха. Многие полегли тогда на поле боя.

Тихон Иванович достает из альбома пожелтевшую от времени фотографию. На ней девятнадцать конников, снятых у развернутого знамени, на котором написано: «15-й Московский кавалерийский дивизион войск ВЧК». Внизу стоит дата — «Ноябрь 1920 года».

— Вот все, что осталось от нашей части, насчитывавшей до боя семьсот сабель,— тихо говорит Шуляков, и в уголках рта ложатся скорбные складочки.— При штурме Перекопа я тоже был ранен. Сперва не хотел покидать дивизион, но рана загноилась, и пришлось лечь в лазарет. Лечился до конца ноября. Как только выписался — сразу в Москву, а оттуда в Горный Алтай. Там орудовала банда Кайгородова, бывшего царского офицера. Что он творил — ужас! Сколько невинной крови пролил, сел спалил — перечислить страшно. Гонялись мы за этой бандой месяц. В конце концов все же настигли. В последнем бою Кайгородов был схвачен и вскоре казнен по приговору революционного трибунала. Дело было сделано, пришла пора возвращаться домой.

Вызывает меня секретарь Алтайского губкома партии и говорит:

— В Москву едете?.. Захватите документы для передачи в Центральный Комитет партии.

Быстро собрался и на другой день выехал в столицу. В Москве стояли крепкие морозы. Иду сразу на Лубянку, докладываю начальнику войск ВЧК об окончании опера-

ции. Он ведет меня к Дзержинскому. Феликс Эдмундович расспрашивает о подробностях уничтожения банды Кайгородова, интересуется общей обстановкой на Алтае, потом посмотрел на часы и говорит:

— Мне пора. Иду к Ленину. А знаете что, товарищ Шуляков, пойдемте-ка со мной. Владимиру Ильичу будет любопытно послушать очевидца событий в Сибири.

...Ленин сидел в кабинете за столом и что-то писал. Увидев нас, он встал, быстро пошел навстречу, поздоровался с каждым за руку. Дзержинский сказал, что я сотрудник ВЧК и только что вернулся с Алтая, где участвовал в борьбе с бандитизмом.

— Ну и как же сейчас на Алтае?— заинтересованно спросил Ленин.— Спокойнее стало? Рассказывайте, рассказывайте...

Слушал он внимательно, не сводя с меня добрых глаз. Изредка бросал короткие реплики. Владимира Ильича, как всегда, интересовало решительно все: продовольственное положение, настроение крестьян, виды на урожай. Он то ходил по кабинету, заложив правую руку за жилет, то стоял, слегка наклонив голову.

— Все, что вы сообщили, товарищ Шуляков, важно,— сказал Владимир Ильич,— и подтверждает наши выводы о положении крестьянства. Но мы сделаем так, что оно безоговорочно станет на сторону Советской власти. Безоговорочно!— повторил он убежденно.— Спасибо вам за правдивый рассказ...

Так я в третий и последний раз видел Ленина. В 1922 году по заданию коллегии ВЧК я выехал в армию Блюхера на Дальний Восток, где развертывалась борьба за окончательное освобождение советской территории от белогвардейцев и интервентов.

Легендарные дни, о которых, как поется в песне, никогда не смолкнет слава, стали темой следующего разговора автора со старым пограничником. На этот раз в Спасске была весна со звонкой капелью и ослепительным солнцем. На правах знакомого я сразу же отправился в уютный домик на улице Льва Толстого.

Тихон Иванович, открыв дверь, обрадовался. Молодецки покручивая усы, он ходил по просторной горнице и делился местными новостями. Потом вдруг сел, положил тяжелые кулаки на стол и строго спросил:

— Так на чем мы остановились?

— Обещали, Тихон Иванович, рассказать, как границу устанавливали.

— Раз обещал — слушай... Было это уже в двадцать втором. Когда Владивосток освободили и интервентов с беляками вышвырнули с нашей земли...

— Тихон Иванович,— попросил я,— пожалуйста, ничего не пропускайте.

— Давно все это было, ну да память, слава богу, еще ясная... Значит, так: после Москвы отправился я на Дальний Восток. Путь этот был долгий, опасный. Поезда не очень-то поспешали, часто останавливались. Вдоль Транссиба шныряли банды, то и дело приходилось браться за оружие.

Дзержинский, пославший меня на Дальний Восток в распоряжение главкома Народно-революционной армией, велел поторопиться. Люди там были крайне нужны, особенно с чекистским опытом. В Приморье назревали большие события.

Белогвардейцы и японские интервенты, зверски расправившиеся с Лазо и его товарищами, хозяйничали во Владивостоке. Но их пребыванию на нашей земле подходил конец. Готовилось наступление, и мне с товарищами предстояло идти в тыл противника, чтобы связаться с партизанскими отрядами, скоординировать их действия, разведать систему вражеских укреплений.

Напутствуя нас в опасную дорогу, главком Иероним Петрович Уборевич сказал:

— Противник сильно укрепил Спасск. Там создана сложная система оборонительных сооружений, сосредоточены значительные силы белых. Чтобы не нести лишних потерь, мы должны точно знать уязвимые места. Выявить их — ваша главная задача, товарищи!

Утром следующего дня мы были уже в пути. До Имана добрались беспрепятственно. Дальше предстояло двигаться по территории, занятой врагом. Пришлось переодеться в армяки да лапти. Но в первом же селе на конспиративной квартире нас неожиданно застал подвыпивший сосед.

— Дай глотку промочить, хозяин!— кричит, а сам на нас уставился.— Кто такие?— спрашивает.

— Прохожие, зашли водицы испить,— отвечает хозяин.— Сплавщиками леса работают. Неужто по «богатой» обмундировке не видать?

— Патроны партизанам сплавляете, сукины сыны!— заорал сосед.

Ну, все, подумал, влипли. И рукоятку нагана в кармане нащупываю. Еще минута — и я бы выстрелил. Но хозяин лучше знал своего соседа и поспешил налить ему ханжи, самогона местного.

Казак опрокинул стакан и вдруг разулыбался:

— Перелякались, лапотники? То-то же... Подавайтесь к моему братухе в Раздольное. Он там карателями командует. Не житуха — малина: за каждого комиссара по шестнадцати рублев выдают. Денежки так и плывут...

Ох как хотелось влепить ему пулю в лоб. Жаль, нельзя, для разведчика главное — выдержка. Да и предложение было заманчивым: под видом «своего» проникнуть во вражеский тыл.

— Валяй,— говорим захмелевшему казаку,— направляй к братухе. Отпиши, мол, надежные люди к тебе прибиться хотят...

Дальше ехали, как нынешним пассажирам и не снится. Поезда не ходили. По рельсам пускали вагонетки, запряженные лошадьми. За день одолевали верст десять — двенадцать, не более. И все же двигались, пока не напоролись на казачий пикет, не очень-то поверивший записке к «братухе». Пришлось предъявить другие «документы». Половину пикета положили на месте, от остальных уходили, отстреливаясь.

Через несколько дней добрались до партизан. Обсудили план совместных действий. А потом я говорю командиру отряда: мне в Спасск надо пробраться.

Задумался партизанский командир. Есть, говорит, зацепка — деликатная. У одного из моих ребят супружница в Спасске проживает. Заместо него можно попробовать сходить навестить...

— А если соседи узнают?— высказываю сомнение.— Да донесут... Я-то ладно, а она? Небось, и детишки есть?

— Как не быть. Но... другого выхода не вижу.

На следующий день отправился я в Спасск под видом обозника «земской рати»— так генерал Дитерихс, ставленник японских интервентов на Дальнем Востоке, именовал свои белогвардейские войска. Документы у меня были надежные, у пленного отобрали. А вот женщина мне не очень-то обрадовалась. Боязно было чужака прятать.

Только уложила меня хозяйка спать в кухне на лавке,

как раздался стук в дверь. Отворяй, кричат, проверка... Что делать? Бежать-то некуда. Ну, думаю, гады, дорого вы заплатите за мою жизнь!..

Тихон Иванович замолкает. Лицо его темнеет, глаза становятся колючими. Вспоминая, он заново переживает давние события.

— Ну и как? Обошлось?— спрашиваю я, растревоженный рассказом.

— Хозяйка выручила,— неожиданно улыбается Тихон Иванович.— Бабы — они мудрые... Заставила меня раздеться до исподнего и в свою кровать затолкала. Представляете? Зашли патрули, обшарили избу. Один даже к кровати подошел и одеяло откинул.

— Окромя ейного мужика, никого нету,— сказал.— Айда отсюдова!

И убрались. А женщина, верите ли, села на лавку и в голос от пережитого завыла.

Утром отправился я к штабу за фуражом. Потом поехал к одному форту, к другому. Их оказалось семь в системе спасских укреплений. Семь фортов, соединенных окопами с блиндажами и прикрытых колючей проволокой в три-четыре кола. Район обороняла Поволжская группа генерала Молчанова, насчитывавшая в своем составе около тысячи восьмисот штыков и семисот сабель.

Как обознику «земской рати» доступ мне был обеспечен всюду. Да и на угощение я не скупился. Пропустит человек стаканчик-другой — и язык у него развязывается. Так что данные собрал довольно полные, и начальник мой, чрезвычайно довольный разведкой, сказал: «Проси чего хочешь. Заслужил!»

А мне ничего было не надо. Только разрешения участвовать в штурме Спасска и своими глазами увидеть, как падет последний оплот беляков.

Послали меня, как старого кавалериста, в полк красных гусар. Командовал полком Колесов, отважный человек. Уже тогда два ордена Красного Знамени имел.

Колесов оказался высоченным, плечистым мужиком, на вид добродушным. Выслушал меня, усмехнулся. При мне будешь, говорит. Обещаю, что в затишке не останешься.

— А когда штурм?— спрашиваю.

— Завтра и начнем, шестого октября, на рассвете...

Утро, как сейчас помню, выдалось тихое, туманное. Горланили петухи в крестьянских дворах, мычали коровы.

Даже не верилось, что вот-вот грянет бой... Мы стояли в балке, изготовившись к атаке. Полк красных гусар был нацелен на южную окраину Спасска.

Первыми открыли огонь бронепоезда. Их было два — силища. Потом «заговорили» артиллерийские батареи, подготавливая путь пехоте. Вскоре двинулись и мы. Загудела земля под копытами коней.

День и ночь продолжался бой. Пал один форт, затем второй, третий. Белые начали отступать. Часть сил откатилась к селу Лучки. Колесов получил приказ выбить их оттуда. Чтобы избежать излишнего кровопролития, командир решил предложить казакам сдаться. Пойти парламентерами вызвались три политрука. Сели они на коней, вооружились белым флагом и поехали в Лучки. Во вражеском штабе долго совещались, обсуждая предложение Колесова... Смотрим, возвращаются наши. И вдруг ударила им вдогонку пулеметная очередь да разом скосила троих...

Побелевший от гнева Колесов выхватил из ножен шашку и крикнул:

— Отомстим за смерть товарищей! Не давать пощады врагу. Вперед!

Белые открыли сильный огонь, но остановить он нас не мог. Через час Лучки были взяты. Мало кому из беляков удалось уйти.

Утром следующего дня началось наступление по всему фронту. Пало еще два форта. Боясь окружения, белые начали отходить. Спасск был освобожден. А вскоре «земская рать» была разгромлена в районах сел Вознесенское и Монастырище. Полки Народно-революционной армии во взаимодействии с партизанскими отрядами взяли город Никольск-Уссурийский, станции Гродеково, Голенка и вышли на ближние подступы к Владивостоку, занятому японскими интервентами. В городе началась всеобщая забастовка рабочих и служащих, требовавших пропустить в город Народно-революционную армию. Японское командование вынуждено было подписать соглашение с правительством Дальневосточной республики о выводе своих войск с Дальнего Востока. Японское командование начало эвакуацию частей. Остатки белогвардейцев бежали за рубеж. 25 октября 1922 года части Красной Армии и партизанские отряды вступили во Владивосток. Так бесславно закончился последний этап иностранной военной интервенции против Советской России.

Тихон Иванович достал из альбома фотографию и протянул мне.

— Это праздничный обед в честь освобождения города, происходивший в знаменитом ресторане «Золотой рог»,— пояснил он.

Я разглядываю снимок. На нем — огромный зал, длинные банкетные столы. Рядами сидят бойцы, командиры, партизаны с красными бантами на груди. Лица мужественные, вдохновенные, веселые. Сразу видно, что прошли они суровый путь борьбы и одержали большую заслуженную победу.

— Память человеческая устроена так, что чем старше становишься, тем ярче встает перед глазами молодость,— говорит Тихон Иванович, и взгляд его теплеет.— Вскоре после освобождения Владивостока я получил под свое командование бойцов от Колесова, из Троицко-Северского и Третьего Забайкальского кавалерийских полков. Нам было приказано стать на охрану государственной границы...

Меня назначили начальником погранучастка, и я выставлял первых часовых в одном из самых ответственных районов Дальнего Востока.

Лиха беда — начало. А потом?.. Потом пошли пограничные будни. Сказать, что это была пусть тревожная, но обычная работа,— значит, ничего не сказать. Мы жили будто на проснувшемся вулкане.

Как-то я подсчитал, что только на Иманском погранучастке за первые шесть лет было разгромлено пятнадцать крупных банд, пытавшихся прорваться к нам из-за кордона.

— Нарушителями были главным образом белогвардейцы, особенно те, у кого руки замараны народной кровью. Уйдя за кордон, они сбивались в стаи и стервятниками налетали на приграничные поселки. Ох и бешеные были...

Тихон Иванович замолкает, вспоминая далекое прошлое. Медленно сворачивает самокрутку, раскуривает.

— Участок наш был большой, народу мало,— продолжает Тихон Иванович.— Пока поспеем на место, бандиты уже расправились с учителем, медиком, да и с мужиками, сеявшими, как заявляли налетчики, «большевистский хлеб». Доставалось и активистам...

Помню банду хорунжего Голумбиевского, бывшего начальника контрразведки у атамана Калмыкова. Раз

шесть банда эта лютовала на нашей территории. Натворит бед и с боем уходит в Маньчжурию. Уничтожить ее удалось лишь зимой двадцать четвертого года. Были еще нашумевшие в свое время банды Рогозина, Ванкуля, полковника Ширяева. О последнем можно, пожалуй, подробнее рассказать...

Как-то раз на рассвете задержали перебежчика. Дозорные выловили его у самого берега. Весна в том памятном двадцать третьем году была поздняя. Стоял конец апреля, а половодье не спадало. Иман вспух, затопил берега. Как удалось перебежчику переплыть реку в такой холод — трудно сказать. Когда его привели на заставу, у бедолаги зуб на зуб не попадал.

Из допроса выяснилось, что он — уссурийский казак из самой бедняцкой семьи.

— Как же тебя бес попутал с беляками связаться?— спрашиваю.

— По глупости,— отвечает,— влип. Как и многие другие...

— Ну а за кордон-то зачем? Дома небось и маманя с батькой имеются?

— Их-то и пожалел,— говорит,— расстрелять родителей грозились. Да и самому пулю в затылок получать не резон. Полковник Ширяев распорядился...

Я знал, что белые силой уводили казаков за рубеж, особенно молодых. А этому еще и двадцати не стукнуло...

Сведения, сообщенные казачком, оказались чрезвычайно важными.

Полковник Ширяев, оказывается, готовил нам праздничный «сюрприз». Близился Первомай, и он, собрав своих головорезов, намеревался прорваться через границу, чтобы пройтись по району, что называется, огнем и мечом.

Сил у бандитов было поболе, чем у нас. Регулярных частей Красной Армии поблизости не стояло, а на то, чтобы подтянуть издалека, времени не оставалось.

Итак, рассчитывать мы могли только на самих себя. А у меня в распоряжении около полторы сотни пограничников и рота ЧОН — существовали тогда подразделения, носившие название частей особого назначения. Формировались ЧОНы из комсомольцев, активистов, работавших в районе, следовательно, из людей, не имевших профессиональной военной подготовки.

Предстояло не только отразить нападение банды, по самым скромным подсчетам насчитывавшей до двухсот пятидесяти штыков, а и охранять весь участок границы. Враг мог попытаться проникнуть и в другие места. И все же главные силы мы сосредоточили в предполагаемом районе переправы нарушителей границы...

Ночь была темная, моросил дождь. Враг всегда выбирает такую погоду, которая ему в помощь. А мы придумали послать на реку лодку с дозорными. Наказал я ребятам: как заметите чужаков, фонарем в нашу сторону посигнальте и побыстрей, чтоб не успели заметить, уходите.

Сидим, ждем. Волнуемся, конечно. Замигал огонек вдали на реке. Молодцы дозорные, упредили.

— Огня до команды не открывать!— напоминаю подчиненным. Бить будем только в упор.

Лодки вынырнули из пелены дождя, темными корытами замаячили совсем близко.

— Пора бы стрелять, товарищ начальник,— шепчет мне лежавший рядом командир пулеметного расчета.— Дистанция подходящая!

— Молчи,— шепчу ему на ухо.— Прицельный огонь в темноте вести трудно. Как на берег выйдут, тогда резанем!..

Дождались мы своей минуты. Только нарушители стали из лодок выскакивать, как я скомандовал:

— Огонь!

И застучало сразу четыре пулемета. Винтовки тоже не бездействовали, гранаты в дело пошли... Попав под кинжальный огонь, бандиты заметались. Многих пуля догнала, но часть успела все-таки залечь и открыть огонь. У нас появились потери, но преимущества у врага уже не было. Момент внезапности бандиты утеряли. Но сдаваться они, конечно, не намеревались. Почти за каждым тянулся кровавый след на нашей земле, и гнев народа был им страшнее смерти. Поэтому и дрались отчаянно, не считаясь с потерями.

И тут случилось непредвиденное. Из села Княжеское, что находилось неподалеку от берега, по нашим позициям вдруг застрочил пулемет. Мы оказались, таким образом, между двух огней...

Что за чертовщина, думаю? Уж не казачки́ ли подняли мятеж?.. И оказался прав. Прискакал с погранпоста нарочный, докладывает: казаки поднялись... Как потом

выяснилось, полковник Ширяев заслал в Княжеское своих людей. Те перебаламутили народ, пообещав казакам все блага мирские... Не очень-то много их было, обманутых-то, всего несколько десятков человек. Но в той обстановке это могло для нас оказаться роковым. Тем более светать стало. Вот же положение!

Подозвал я оперуполномоченного Красникова и говорю:

— Остаешься за меня. Держи бандитов из последних сил, а я с десятком пограничников к селу подамся...

Успели мы вовремя. Казаки прижали наших ребят к стене казармы, а мы им в тыл как раз и ударили. Сработал эффект неожиданности: бунтари рассчитывали, что мы связаны боем на берегу...

И побежали казаки, бросая оружие, поднимая руки вверх. А бандиты на берегу, осмелевшие от неожиданной помощи, продолжали вести яростный бой. Кое-кто, правда, пытался сесть в лодку и удрать, но пограничники об этом заранее «позаботились»: борта были прошиты пулями, и лодки держаться на воде уже не могли.

Красников выполнил поставленную задачу. А тут и мы подоспели. Окружили остатки банды на берегу и добили их.

Утром 2 мая мы торжественно похоронили на берегу Имана наших погибших товарищей.

Прошли годы. Тихона Ивановича Шулякова, прожившего со своей страной славные годы борьбы и побед, уже нет в живых. Он участвовал в революции, был героем гражданской войны, одним из первых советских пограничников.

Память о нем живет и будет жить среди людей.

БАРС

В Душанбе, в штабе Среднеазиатского округа пограничных войск, я впервые услышал имя Ашмурата Латыпова и сразу искренне потянулся к этому человеку. На счету дехканина числилось сто семьдесят пять задержанных нарушителей — басмачей, контрабандистов, диверсантов, террористов.

Человек-легенда, по прозвищу Барс, Ашмурат Латыпов оказался высоким, слегка ссутулившимся. Лицо, иссеченное бороздами морщин, выглядело сурово. Двигался он неторопливо, осторожно, говорил тихим, чуть надтреснутым голосом. Догадавшись, что меня несколько смутила его внешность, Ашмурат улыбнулся, отчего выражение лица стало вдруг ласковым, доброжелательным, и не то чтобы с огорчением, но все же с некоторым сожалением заметил:

— Сдаю понемногу. А раньше думал — не будет износа... Не со мной вам беседу вести надо, а вот с этим...

Аксакал достал из ящика стола сверток, развязал веревку, стягивавшую его, и из множества документов вынул пожелтевшую газету «Коммунист Таджикистана», датированную пятьдесят восьмым годом.

Я развернул газету. С одной из фотографий на меня глядел молодой Латыпов. Пронзительный взгляд,

гордо вскинута голова. Пышные черные усы. Не лоб — лбище с огромными залысинами. Плечи широко развернуты. Джигит! Да, такой, даже если ему грозила смертельная опасность, мог бесстрашно идти на вооруженного до зубов матерого врага.

...Первого нарушителя Ашмурат задержал, когда ему было пятнадцать лет. Стояло грозное время конца двадцатых годов, в Средней Азии еще свирепствовали недобитые басмаческие банды.

Послал отец как-то Ашмурата в горы на летнее пастбище. Идти предстояло через ущелье — путь неблизкий и небезопасный. Но парню было не привыкать, сызмальства вместе со скотоводами кишлака бывал и живал на горных джейляу.

Перевалив хребет, Ашмурат начал спускаться в ущелье, как вдруг увидел человека. Чужак по обличию и снаряжению, тот беспечно спал под скалой, положив под голову мешок и бросив рядом винтовку. Ашмурат стрелять не умел. Тем не менее он подкрался, схватил винтовку и, направив дуло на незнакомца, крикнул:

— Вставай! Руки вверх тяни!

Незнакомец вскочил, растерянно озираясь. Что-то злобно выкрикнул, казалось, сейчас он бросится на Ашмурата. Но тот и виду не подал, что боится, посмотрел в упор на чужака, который все же поднял руки.

— Вперед иди. Я — сзади!— закричал Ашмурат, стараясь не выдать волнения.

Страх заползал в душу Ашмурата — а ну как бандит не послушается? Ведь он даже понятия не имеет, как эта проклятая винтовка заряжается. Но главное, держаться уверенно, не допустить, чтобы голос дрогнул.

— Быстрее ходи. Не крутись. Я не промахнусь,— нарочито грубовато подгонял Ашмурат чужака.

И бандит подчинялся, опасливо вжимая голову в плечи. В тоне юного конвоира чувствовалась железная воля, а во всей фигуре — изрядная физическая сила. Так они и спустились в долину. Тут басмач попытался удрать: прыгнул в кусты и побежал, петляя по-заячьи. Однако далеко не ушел. На крики Ашмурата прибежали с джейляу чабаны, скрутили нарушителя и отправили его к пограничникам. А поскольку задержал басмача Ашмурат, то ему и доверили конвоировать нарушителя на заставу.

— Спасибо тебе, товарищ Латыпов,— сказал началь-

ник заставы и уважительно пожал руку покрасневшему от волнения Ашмурату.— Очень нам помог, дорогой... Этого типа мы давно ищем, ушел от наряда. За то, что задержал, награда тебе положена!

— Награду мне не надо,— попросил Ашмурат.— Я так помогать хочу. Записывай в добровольцы, начальник. А это принимай...— протянул винтовку.

Увидев смущенное лицо юного джигита, начальник заставы одобрительно хлопнул Ашмурата по плечу и спросил:

— А стрелять умеешь? Нет? Не робей. Вижу, парень ты смелый и по характеру волевой. Научим тебя и огонь метко вести, и следы врага находить, уловки его распознавать...

Месяца через два Ашмурат Латыпов уже мог без промаха стрелять из винтовки, метать гранаты, закладывать взрывчатку, идти, не сбиваясь, по следу нарушителя.

И вот как-то зимой по кишлаку прошел слух, что в старой кибитке, одиноко стоявшей в предгорье, ночуют контрабандисты. Сообщать непроверенные данные на заставу Ашмурат не стал: а вдруг не подтвердятся? Хорош же он тогда будет в глазах пограничников. И подговорил товарища, тоже активиста, отправиться на разведку вдвоем. Добрались до кибитки — никого. Но было видно, тут явно кто-то бывает: тропка в снегу расчищена, пепел в кострище свежий. Решили устроить засаду: один возле тропы спрятался, другой — за кибиткой.

Наступила ночь, поднялся ветер, взвихривая снег. Ашмурат закоченел, но с места не двигался. Только крепче сжимал винтовку и ждал... Вдруг с тропы послышался какой-то шум, потом вскрик. Ашмурат бросился туда — товарища на месте нет. В кибитке тоже пусто. Через некоторое время нашел он друга, уже бездыханного, засыпанного снегом. Видно, потерял тот бдительность, задремал. Тут-то его и настигли, всадили нож между лопаток.

Что тут с Ашмуратом сделалось. Даже завыл в голос от горя и злости. Ну погодите, шакалы!.. Ринулся вниз по тропе. Вскоре в темноте замелькали фигуры басмачей. Одного уложил выстрелом из винтовки, другого скрутил, но остальные, не останавливаясь, спешили уйти.

Выстрел Ашмурата разнесся далеко по округе, его услышали. Застава поднялась в ружье. Пограничники устремились к месту происшествия и вскоре настигли басмачей. Их оказалась восемнадцать человек, целая банда.

После этого не раз вступал Ашмурат в смертельные поединки с нарушителями границы и неизменно выходил победителем. Не только в кишлаке, а и на заставе его стали называть Барсом, что в народе было синонимом слова «неустрашимый».

Шло время. В начале тридцатых годов основные силы басмачей в Средней Азии разгромили, однако в труднодоступных горных районах еще скрывались банды. Они нападали на кишлаки, убивали партийных, советских работников, учителей, грабили дехкан. Пограничники вели с ними вооруженную борьбу, но силы порой были слишком неравны. На помощь красноармейцам неизменно приходили местные активисты — Ашмурат в первую очередь. Его на заставе уже давно считали своим, он помогал выслеживать, преследовать, уничтожать бандитов.

Особенно запомнился Ашмурату один случай.

...Сигнал тревоги поступил на рассвете. В ущелье была замечена группа — человек пять-шесть басмачей, направлявшихся к границе. В ту ночь Ашмурат с другом и соседом по кишлаку Пирмахом Мирзоевым как активисты дежурили на заставе.

Тревожную группу возглавил начальник заставы. Вскоре четверо пограничников и Ашмурат с Пирмахом прибыли на место. Дальше ущелье шло как бы двумя рукавами, обтекая торчащий посредине хребет. Оба рукава извилисто спускались к реке, по которой проходила государственная граница.

— Вот что, Синельников,— сказал начальник командиру отделения,— бери с собой Латыпова, Мирзоева и жми по правому рукаву, а я с остальными пойду по левому. Нельзя допустить, чтобы басмачи ушли за кордон или, того хуже, напали на кишлак.— И начальник заставы с двумя пограничниками торопливо двинулся в путь.

Синельников обвел взглядом оставшихся. Он был не только командиром отделения, а и старшим собаководом. На границу он всегда выходил со своим верным Вольтом. Серый, с рыжими подпалинами на боках, пес

вел свою родословную от сибирской овчарки. Даже своих пес не баловал вниманием, признавая лишь хозяина, и если кто-нибудь пытался приласкать, предупреждающе рычал. Однако Вольту прощали скверный нрав. На заставе его любили, стремительные броски его не раз спасали пограничникам жизнь.

— Ну что?— спросил Синельников, оглядев свое «войско».

Отделенный был невысок, но кряжист. Как все волжане, говорил нараспев, окая. Нравом обладал спокойным, казался медлительным, тяжеловатым на подъем и не любил дальних дистанций.

Мирзоев же, тонкий, узкий в талии, был нетерпелив, подвижен. Он и дома-то всегда куда-нибудь спешил. Тем более сейчас ему не терпелось.

— Спешить надо, командир,— заторопился Мирзоев.— Басмач уходит от нас...

— Пирмах прав,— поддержал друга Ашмурат.

В группе он был младшим, но выглядел солиднее товарищей. Рядом с изящным Мирзоевым Ашмурат чувствовал себя гигантом. В ловкости и силе он, конечно же, тоже товарищам не уступал, а в беге ему равных не было. Во время праздников, состязаясь с молодыми джигитами, Барс неизменно выходил победителем. Только горячность иногда мешала. «Ты, Латыпов, как порох,— сердито выговаривал ему начальник заставы.— Чувства свои научись держать так же крепко, как оружие...»

— Тогда пошли,— отозвался Синельников и заспешил вперед, держа на поводке собаку.

Поднялось над заснеженными вершинами солнце, залило ущелье светом, выбелило угрюмые скалы. Воздух быстро накалялся. Да и высота давала о себе знать — дышать становилось все тяжелее. А тропа, петляя между скал, то падала резко вниз, то взмывала к небу. Они шли уже четыре часа. Вольт спокойно бежал рядом, и это означало, что чужаки тут не появлялись.

Все порядком устали. На что уж Мирзоев был нечувствителен к жаре, а и тот временами снимал мохнатую шапку, с которой не расставался ни летом, ни зимой, и рукавом халата вытирал пот со смуглого лица.

— Может, басмачи выше прошли?— высказал предположение Латыпов, когда они остановились на короткий привал.

— Не орлы они, чтоб летать,— отозвался Синельников. Отложной ворот его гимнастерки был расстегнут, а старая, видавшая виды фуражка, сбитая на затылок, держалась только ремешком, опущенным ниже подбородка.

— Зачем летать? Там козья тропа есть. Сам на охоту по ней ходил,— заметил Ашмурат.

— Давай вверх,— решительно сказал Мирзоев.— Правильно, командир?

— Придется,— со вздохом согласился Синельников, надевая через плечо скатку, снятую на время короткого отдыха.

Они с трудом вскарабкались по склону, больше похожему на обрыв,— так вертикально поднимался хребет. Вольт, обнюхав козью тропу, ощетинился и уверенно взял след.

Бежали друг за другом. Замыкающим — Мирзоев. Шел шестой час погони, но результатов — никаких. Все чаще стали останавливаться, лица у всех побагровели, спины потемнели от пота.

Ашмурат подумал, что если они и дальше будут так бежать, то совсем выбьются из сил и не смогут догнать басмачей. Он хотел уже предложить сбавить темп, но его опередил Пирмах.

— Не так скоро ходить будем,— сказал.— Для басмач сила надо иметь!

— Ладно,— отозвался Синельников.— Пойдем тише. Все равно не уйдут гады...

Тем временем солнце нырнуло за снеговые вершины, и сразу наступила ночь. Пройдя еще немного, Синельников распорядился:

— Привал. Дальше идти опасно. Переночуем тут. Огня не разводить...

Они нашли расщелину, где можно было поместиться втроем. Синельников сбросил скатку, постелил шинель на каменное ложе. Друзья тесно прижались друг к другу, и хоть было неуютно и жестко, усталость взяла свое. Они быстро уснули, чувствуя себя в полной безопасности,— их охранял Вольт. Он дремал, привалившись боком к хозяину, однако малейший шорох услышал бы сразу.

Синельников растолкал крепко спавших ребят, едва небо стало сереть. Они наскоро сжевали по сухарю, запили ломившей зубы водой из горного ключа и дви-

нулись в путь. Вольт снова уверенно бежал впереди, ведя за собой людей. Наконец тропа пошла вниз, и друзья увидели узкую долину. Блеснула серебристая лента реки, послышался ее басовитый рокот.

— Вода!— крикнул Пирмах.— Уходил басмач!

— Погоди,— остановил его Синельников.— Оглядеться надо...

Несколько минут все молча рассматривали берег. Широкая река грозно пенила воды на каменных перекатах. Глядеть и то было страшно, не то что по ней плыть...

Спустившись к берегу и пройдя вдоль реки несколько сот метров, они внезапно наткнулись на камышовый плот. Рядом валялись изрезанные бурдюки. Пирмах сокрушенно потряс головой и воскликнул:

— Говорил? Удирал басмач! Шайтан дери...

— Скороспелые выводы делаешь, Мирзоев. Не ушли они, точно,— возразил Синельников.

Ашмурат удивился: как же так — не ушли? У них же плот?.. Еще раз взглянул на плот, и тут до него дошло, что на таком хлипком сооружении из легкого камыша вряд ли кто-нибудь рискнет переправляться через сумасшедшую стремнину. И эти бурдюки? Зачем резать, оставлять следы?.. Значит, бросили лишний груз, чтоб не отягощал в горах. А порезали, лишь бы никому не достались.

— Себя обманываешь, меня обманываешь. Убежал басмач,— не унимался Пирмах.

— Помолчи,— прервал его Синельников и приказал собаке: — След, Вольт. Ищи!

Пес повел их вдоль реки. В одном месте зарычал, метнулся к нависшему над водой камню, едва не вырвав из рук Синельникова поводок. Ашмурат обнаружил сверток, в котором оказалось два халата.

— От лишней одежонки освободились,— усмехнулся Синельников.— Значит, не одни мы устали.

Километра через полтора выбитая в камне тропа, вьющаяся над берегом, внезапно оборвалась. Друзья уперлись в отвесную скалу и недоуменно переглянулись. Не могли же бандиты испариться? Справа — бешеная река, слева... Латыпов взглянул вверх и на высоте примерно двух с половиной метров высмотрел расщелину.

— Надо подниматься,— заявил уверенно.— Бандиты

не колдуны, чудес делать не умеют. Хитрость тут, думаю...

— За чем же дело стало?— сказал Синельников и, подойдя к каменной стене, уперся в нее руками, пошире расставив ноги.— Лезь первым, Ашмурат. Ты легче и ловчее. Давай подсажу!

Быстро вскарабкавшись пограничнику на плечи, Латыпов ухватился за край расщелины и подтянулся на скальный карниз. Сняв веревку, которую носил вместо пояса, он спустил конец вниз.

— Давай Вольта... Потом сами...— крикнул сверху.

Пес не издал ни звука, хотя веревка впилась ему в живот. Зато когда поднимался Синельников, дрожал и царапал камень когтями.

Расщелина уходила вглубь узким извилистым коридором. Друзья осторожно двинулись вперед. Чужаки были неподалеку: об этом можно было судить по поведению Вольта.

Каменные стены постепенно раздвигались, и друзья вскоре оказались в довольно широкой котловине. Дно ее было усыпано щебнем, посредине лежал огромный бархатисто-гладкий валун... И тут они увидели двух басмачей, направлявшихся к валуну с противоположной стороны. Чувствуя себя в полной безопасности, они закинули винтовки за плечи и шли вразвалку, о чем-то громко беседуя.

Вот они, гады, разорившие соседний кишлак, погубившие столько людей! Не выдержав, Ашмурат сорвал с плеча винтовку и выстрелил. Бысмачи попадали за валун и, надежно укрытые, начали стрелять.

— Что ты наделал, Латыпов?— в сердцах крикнул Синельников, прижимая к земле рвавшегося из рук Вольта.— Мы могли их спокойно скрутить. А теперь...

Ашмурат лежал рядом с товарищами и не мог поднять голову, но не потому, что визжали пули. Его жег стыд. Своей невыдержанностью он подвел товарищей, поставил их под удар. Он допустил оплошность, ему и исправлять ее! Ашмурат ужом скользнул вперед...

— Куда? Вернись! — запоздало крикнул Синельников, но Ашмурат даже не оглянулся.

Басмачи почему-то прекратили огонь. Странно! Латыпов представлял хорошую мишень, и все же он благополучно достиг цели. Осторожно, готовый к схватке, обогнул валун и... никого не увидел.

Ошарашенный, Латыпов встал в полный рост. Он даже взглянул на небо, будто басмачи могли вознестись... Друзья уже спешили к нему.

— Не могли же они провалиться под землю, как вы думаете?— растерянно проговорил Синельников. — Вольт!..

Собака тут же рванулась влево, к осыпи, где, как успел заметить Пирмах, промелькнула тень.

Подбежав к осыпи, они увидели четырех басмачей, спешивших от горевшего костра. Заметив преследователей, они открыли огонь.

— Ложись!— скомандовал Синельников.

Басмачи тоже залегли, не прекращая огня.

Перестрелка затягивалась, а Синельников никак не мог решить, как подобраться к басмачам.

— Я попробую сбоку, командир,— предложил Ашмурат, и Синельников одобрительно кивнул.

Прячась за камнями, Ашмурат сбоку подполз к басмачам. Потом он вдруг вскочил на валун, выпрямился во весь рост и крикнул:

— Сдавайся!

Синельников, увидев у джигита в руке занесенную для броска лимонку, спрыгнул вниз с осыпи, еле удерживая рвавшуюся с поводка собаку. Бандиты, оценившие ситуацию, покорно подняли руки и дали себя связать.

— Первый ласточка есть,— рассмеялся довольный Пирмах, наблюдая, как басмачи со страхом смотрят на ощетинившегося Вольта.

— Думаешь, не все?— спросил Синельников.

— Искать надо,— неопределенно ответил Пирмах.— Еще два улетели, а?

— И то верно... Вольт, сидеть! Пошли в котловину.

Вернувшись к большому валуну, они окружили его, внимательно вглядываясь в землю.

— Есть!— обрадованно закричал Ашмурат.— Сюда давай! Видишь, свежий камень лежит? Тут пещера, так думаю...

Под камнем действительно оказался лаз.

— Выходите! Сами откапывайтесь, а то гранатой помогу.

Басмачи не заставили себя ждать. Это были те двое, которые совсем недавно так неожиданно исчезли. Связанных бандитов присоединили к четверым, находив-

шимся под охраной Вольта. И в этот момент где-то внизу прогремел выстрел, за ним второй.

— Оставайся тут,— приказал Синельников Мирзоеву.— Глаз не спускай. Вольт, сидеть! А мы с Латыповым — на площадку...

Вскоре они увидели в камнях группу басмачей. Синельников и Латыпов оказались у них в тылу.

— Знаешь, Ашмурат, с той стороны, наверное, наши во главе с начальником заставы. Как думаешь?

— Обязательно наши. Мы им хорошо поможем. Но... одного не понимаю: зачем рассыпалась банда?

— Небось, из-за добычи перегрызлись,— усмехнулся Синельников.— Нам-то, во всяком случае, это на руку, иначе как бы управились.

— Басмач труслив, как шакал!— презрительно бросил Ашмурат.

— Не скажи,— возразил Синельников.— В стае они дерутся остервенело... Ну, пошли, я — впереди, ты — следом. Прикроешь в случае чего!

Когда до бандитов оставалось метров двадцать, Синельников клацнул затвором и крикнул:

— Бросай оружие! Вы окружены!..

Однако и эти басмачи были не последние. Через час пограничники настигли в горах еще четырех. Предположение Синельникова оказалось правильным. Как выяснилось потом на допросах, банда напала на кишлак. Главарь был убит милиционером, защищавшимся до последнего патрона. Оставшись без вожака, бандиты действительно передрались из-за добычи и, разделившись на мелкие группы, стали уходить... Всего в тот день пограничники и активисты захватили двадцать шесть бандитов.

Много лет простой дехканин Ашмурат Латыпов на далеком южном рубеже нашей страны был верным помощником пограничников. Сначала активист, потом дружинник, еще позже — командир добровольной народной дружины. За проявленные мужество и отвагу был награжден знаками отличия в охране государственной границы и среди них — самая высокая награда — орден Красной Звезды. А ордена, как известно, в мирное время дают за подлинный героизм и мужество.

Нет, не зря народ прозвал Ашмурата Латыпова Барсом.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Память о славном чекисте Иване Андреевиче Шестопалове бережно хранят в Таджикистане. Его именем в Душанбе назван новый жилой массив. А народный поэт республики Хикмат Ризо создал поэму, прославляющую мужество и беспримерную отвагу замечательного сына России, отдавшего жизнь за счастье таджиков.

Читая скупые строки донесений и столь же лаконичные архивные документы, хранящиеся в Центральном музее пограничных войск КГБ, представляешь, какой замечательный героический путь прошел этот старый большевик, подлинный борец за народное счастье.

С фотографии в личном деле смотрит человек с умным волевым лицом. Чуть ироничные глаза, добрая улыбка прячется в пышных «запорожских» усах.

Действительно, Шестопалов был оптимистом, никогда не унывал, умел находить выход из самых критических ситуаций. Так было и в той, последней его схватке с басмачами летом 1931 года в высокогорном кишлаке Джиргаталь.

...Телефон звякнул точно колокольчик, язычок которого обвязали тряпицей. Шестопалов по давней чекист-

ской привычке спал чутко и приглушал сигнал, чтобы трезвон не будил жену и детей. Им состояние постоянной тревоги ни к чему, а звонили Ивану Андреевичу часто. С тех пор, как он два года назад стал начальником Гармского окружного отдела ОГПУ, не было покоя ни днем ни ночью. И почти каждый звонок означал, что где-то с кем-то приключилась беда...

В трубке послышался голос сотрудника отдела Шарофа Асомутдинова, дежурившего нынче ночью по оперпункту:

— Плохо, начальник. Я тебя предупреждал? Так и случилось!

— Расскажи толком,— потребовал Шестопалов.

Они были давними сослуживцами и друзьями. Вместе воевали с басмачами еще в Сары-Чашменском районе, восстанавливая там границу молодой Республики Советов.

— Сообщение есть. Банда Ибрагим-бека на Джиргаталь идет.

Весть была не из приятных. Шестопалов со своими людьми в прошлом году на подступах к Гарму разбил и рассеял шайку Ибрагим-бека в несколько сот сабель. Уцелевшие басмачи скрылись в высокогорных кишлаках, где до них трудно было добраться. Они там отсиживались, но продовольствия у них почти не было. Бандиты озлоблены, устроят резню. Погибнут и стар, и млад...

Асомутдинов действительно неоднократно предупреждал, что Ибрагим-бек не успокоится, вновь сколотит банду и вылезет из своей норы. Шароф предлагал организовать поход по дальним кишлакам и выловить оставшихся бандитов, но Шестопалов не соглашался по двум причинам. Во-первых, у отдела были более неотложные задачи: где-то в окрестностях действовала крупная группа контрабандистов, переправлявших из-за рубежа наркотики, в самом же Гарме зрел контрреволюционный заговор. А во-вторых, он не очень-то верил в возможности Ибрагим-бека. Басмачи получили хороший урок. Большинство из них — простые дехкане, обманутые беком. Должны же они наконец понять бессмысленность борьбы с Советской властью, давшей им землю и воду. Должны увидеть, что власть эта год от года крепнет, и к прошлому возврата быть не может никогда.

— Численность банды известна? — спросил Шестопалов.

— Сабель шестьсот, может, семьсот...

«Сила изрядная», — подумал Шестопалов. В Джиргатале ей сможет противостоять десятка два-три совслужащих и кое-кто из местных, вооруженных допотопными ружьями. Долго ли они продержатся? Минут тридцать. А затем... Страшно было подумать о последствиях. В городе свыше двухсот женщин, детей, стариков...

— Звони пограничникам,— приказал Шестопалов дежурному.— Пусть дадут все, что могут. Наших поднимай, коней готовь. Через час выступаем.

Жена все-таки проснулась. Села в кровати, встревоженно спросила:

— Что, Ваня, уходишь? Куда?

Он постарался успокоить ее: ничего, мол, страшного, обычное дело.

Жена знала — допытываться бесполезно, все равно не скажет. Работа секретная, опасная. И когда наконец покончат с проклятыми басмачами! Так устал от них народ... С этими мыслями она проводила мужа. Шестопалов, шагая по темным улицам, думал о том же. До чего живучи остатки басмачества! Как трудно их искоренить... Конечно, тут играет роль невежественность забитого и безграмотного народа, которого легко обманывают лживыми посулами беки и ханы. А духовенство еще опаснее. Мусульмане — фанатики. Для них слово муллы — закон. «Аллах не велел брать байскую землю»,— вещает он, и люди отказываются от того, что им дают. До сих пор со скрипом проходит земельно-водная реформа. «Боритесь с неверными, и вы попадете в рай»,— проповедует божий пастырь, и дехкане берутся за оружие. Тех же, кто должен разубеждать, доказывать народу вздорность подобных утверждений, пока маловато. Не хватает учителей, врачей, культработников. Явно недостает пограничников. В горах вон сколько звериных троп. Трудно их все перекрыть, чтобы никакая нечисть потом не проскочила...

Во дворе ОГПУ было шумно. Людской гомон смешивался с ржанием лошадей, перестуком копыт. Все спешили. Пограничники привьючивали пулеметы, чоновцы протирали от смазки полученное со склада оружие. Оперативники раздавали патроны, гранаты.

Шестопалов прошел в здание оперотдела. Взяв до-

несение о банде Ибрагим-бека, внимательно прочитал и подошел к висевшей на стене карте, чтобы прикинуть расстояние от места сосредоточения банды до Джиргаталя. Выходило, бандитам понадобятся всего сутки, чтобы добраться до кишлака, а если поторопятся — и того меньше. Их нужно упредить. Непременно! Однако как успеть? От Гарма до Джиргаталя семьдесят километров, дорога — хуже не придумаешь...

— Вано,— окликнул начальника отдела Асомутдинов.— Говорить с тобой хочу, Вано.

По тому, что Шароф назвал его по имени, Шестопалов понял, что просьба будет необычной. Человек исполнительный, Асомутдинов на службе всегда соблюдал субординацию.

— Мне с тобой ехать надо,— тихо сказал он.

— Ты дежурный. Разве не ясно?

— Ясно, почему нет,— возразил Шароф.— Телефон звонит — записывай, еще звонит — записывай... Иванов с раненой ногой пусть сидит. А я с тобой должен.

У Шестопалова потеплело на душе: верный у него друг, надежный. Стриженный наголо, с крючковатым носом, Шароф был очень выразителен, даже красив. Но больше всего привлекала в нем преданность дружбе. Сколько вместе пережили! Помнится, в горном Файзабаде преследовали банду Гаюр-бека. Сутками не слезали с коней. Бывали в таких переплетах, что живыми выбраться и не чаяли... А как ловко Шароф разоблачал подпольных торговцев гашишем, проникавших на Кулябский базар...

В служебных делах Шестопалов был строг и непреклонен. Он любил повторять: вышел на операцию — не вздумай пятиться; заступил на пост — стой до конца. Но отказать сейчас Асомутдинову было несправедливо. Просится ведь не на гулянье, а в самое пекло.

— Ладно, Шароф,— согласился Иван Андреевич,— сдай дежурство Иванову. Пусть передаст в Душанбе: нам в Джиргатале понадобится помощь.

...Отряд быстро двигался к цели. Там, где дорога позволяла, переходили на крупную рысь. Но чем дальше уходили пограничники и оперативники в горы, тем чаще приходилось сдерживать разгоряченных коней. То и дело встречались осыпи, и тогда спешивались, вели лошадей под уздцы, осторожно обходя навалы скальных обломков. Дорога порой переходила в тропу,

вившуюся над пропастью, где даже неверный шаг грозил гибелью. Овринги — гибкие переплетения ветвей, перекинутые через провалы,— едва на них вступали кони и люди, угрожающе раскачивались. А внизу зияла глубокая, утыканная острыми скалами щель, по которой с ревом несся клокочущий горный поток.

И все же Шестопалов поторапливал. Он понимал: если опоздать хоть на час, все усилия пойдут прахом. В кишлаке погибнут люди, а отряд из ста пятидесяти всадников попадет в тяжелейшее положение. Соединившись же с товарищами из Джиргаталя и используя старинную крепость, они смогут противостоять банде Ибрагим-бека, несмотря на ее численное превосходство. Поэтому на одном из привалов Иван Андреевич собрал бойцов и, не скрывая серьезности ситуации, объяснил: выигрыш во времени — единственный шанс на успех.

— Давайте идти без привалов,— предложил командир пограничников, угрюмого вида немолодой человек со следами въевшейся в поры угольной пыли на лице (он был из шахтеров). Уловив сомнение, отразившееся в лице Шестопалова, добавил: — За своих людей я ручаюсь.

— Зачем обижаешь?— воскликнул Асомутдинов.— Твои люди, наши люди — разницы нет.

На том и порешили. Однако без остановок идти не удавалось — необходимо было давать передышку лошадям. Как ни странно, животные уступали людям в выносливости. На крутых подъемах бойцы чуть ли не на себе тащили выбившихся из сил лошадей.

Казалось, пути не будет конца. Лишь к вечеру из-за скалы выглянули зубчатые стены глинобитной крепости, угрюмо темневшие на фоне синего неба, озаренного рыжими отблесками заката.

Успели! Шестопалов даже рассмеялся от радости. Не верилось, что за день отряд смог преодолеть труднейший горный путь, и ощущение того, что они сделали невозможное, вызывало чувство гордости.

Жители встретили их с облегчением. Узнав о подходе банды, все были уверены, что обречены. И вдруг вот она — протянутая дружеская рука...

— Спасибо, братья!— сказал председатель исполкома кишлачного Совета седобородый аксакал и, прижав руки к груди, низко поклонился чекистам.

2 Заказ 6456

— Что ты, отец,— смутился не менее взволнованный Шестопалов.— У Советской власти служебный долг не расходится с долгом сердца.

Все жители Джиргаталя переселились уже в крепость. Вооруженных, как и предполагал Шестопалов, оказалось немного — около тридцати человек. Наступила ночь, но об отдыхе и речи не могло быть. Следовало подготовить крепость к обороне: расставить людей, пулеметы, понадежнее укрыть женщин и детей, накормить бойцов, позаботиться о лошадях... Под утро, отдав последние распоряжения, Шестопалов взобрался на крышу самой высокой кибитки, где был установлен один из пулеметов. Отсюда открывался широкий обзор, здесь командир и определил себе место. Прислонившись спиной к «максиму», Иван Андреевич забылся тревожным сном. Разбудил его Шароф:

— Вставай, Вано. Идут, проклятые!..

Было уже светло. Вскинув бинокль, Шестопалов рассмотрел на дороге всадников. В центре выделялся человек в атласном халате и белой чалме. «Неужто сам Ибрагим-бек пожаловал,— подумал.— Честь-то какая! Встречу достойную не зря мы им приготовили...»

Басмачи ехали не спеша, уверенные, что не встретят серьезного сопротивления.

«Только бы нервы у кого-нибудь не сдали,— волновался Иван Андреевич.— Надо подпустить как можно ближе и ударить кинжальным огнем...»

Басмачи приближались, а крепость молчала. Осталось не более трехсот метров, и Шестопалову самому уже не терпелось нажать на гашетку пулемета. Но он все не подавал команду, решив подпустить врага еще ближе. Шестопалов был опытным бойцом: воевал чуть в империалистическую, потом в гражданскую и вот уже сколько лет здесь, в Средней Азии. В юности он был кузнецом, а мечтал податься на шахту. Романтичной казалась ему работа под землей, связанная с опасностью. Парнем он был горячим, любил риск. Недаром на фронте получил Георгия...

Бандиты словно что-то почуяли, настороженные тишиной. Движение их замедлилось, но всадник в атласном халате что-то крикнул, резко взмахнул рукой, и басмачи пришпорили коней. В этот момент и заговорил «максим» Шестопалова. Лавина конников как бы споткнулась, начала рассыпаться. Застучал второй пулемет,

послышались винтовочные выстрелы. Некоторое время отряд по инерции продолжал двигаться вперед, оставляя позади себя убитых, и вдруг повернул вспять.

— Прекратить огонь!— распорядился Шестопалов.— Нужно беречь патроны.

Оставив на каменистом плато десятка два трупов, басмачи откатились за скалы. Вскоре оттуда послышались «голоса» двух «гочкинсов». Шестопалов определил на слух марку пулеметов и подумал: бандитов вооружали англичане, и у них наверняка полный боезапас.

Новую атаку басмачи предприняли через полчаса. Они мчались во весь опор, беспорядочно стреляя и истошно вопя. Их опять подпустили на предельно близкое расстояние и огнем погнали обратно. Развернуться басмачам было негде: справа и слева — горы. И эта узкая расщелина перекрыта огнем защитников крепости. Но басмачи словно остервенели. Атака следовала за атакой. Дважды они подкатывались к воротам крепости, где стояли пограничники. В ход пошли гранаты. Дошло до рукопашной. И снова бандитов отбросили.

Бой затих, когда на Джиргаталь спустилась ночь. Шестопалов решил обойти крепость. Басмачи боялись темноты, и до утра вероятность атаки исключалась, но на всякий случай командир оставил у пулемета Асомутдинова.

— Смотри в оба,— предупредил,— а главное, слушай. В горах любой звук далеко разносится...

Пограничники встретили Шестопалова молчанием. К крепостным воротам басмачи лезли с особым ожесточением. Конечно же, тут легче, чем в другом месте, прорваться в крепость, потому и поставил Шестопалов сюда пограничников, ребят крепких, закаленных. Часть стены здесь была разрушена и заложена мешками с землей.

— Если так пойдет дальше,— сказал командир пограничников,— у меня скоро не останется бойцов.

— Что же ты предлагаешь?— спросил Шестопалов.

— А что тут предложишь? Уничтожить банду до конца — это ведь наше общее дело. Людей только жаль. Какие хлопцы полегли...

Шестопалов пообещал подбросить на его участок еще один ручной пулемет и побольше гранат, но предупредил, чтоб берегли боеприпасы. На скорую по-

мощь рассчитывать не приходится. Пока в Душанбе получат донесение, соберутся... К тому же и путь неблизкий.

Обойдя отряд и выставив дополнительные посты, Шестопалов вновь поднялся на командно-наблюдательный пост, как окрестил он крышу кибитки. На его шаги обернулся Асомутдинов. Над горами низко висела полная луна. В ее свете Шестопалов увидел вопросительный взгляд друга, разглядел его усталое лицо и невольно подумал: «Шароф молод, едва за тридцать, а как постарел за последние три года».

Шестопалову припомнилось, как он послал Шарофа в логово заговорщиков, окопавшихся в Гарме. Банда Файзуллы Максумова была на подходе, а в городе готовился вооруженный переворот. Чекисты узнали об этом поздно, до выступления заговорщиков оставались сутки, и надо было во что бы то ни стало узнать их планы, места хранения оружия, расположение боевых групп.

Асомутдинов сам настоял, чтобы послали именно его. Шарофа в городе никто не знал, и он мог выдать себя за посланца Файзуллы Максумова, которого накануне захватили чекисты. Заговорщики, подозревавшие всех, подвергли Асомутдинова жесточайшей проверке. Нужно было иметь поистине железные нервы, чтобы ее выдержать и благополучно довести операцию до конца. Заговор был раскрыт. Банда Максумова, не получив ожидаемой поддержки из города, тоже была разгромлена...

— Почему печальный?— спросил Асомутдинов, когда Иван Андреевич устроился рядом.

— Нет причин для веселья,— усмехнулся Шестопалов.— Большие потери, особенно у пограничников... Но беспокоит меня сейчас другое: в крепости нет продовольствия.

Шестопалов разговаривал с председателем кишлачного Совета, и тот сказал, что завтра он ребятишек еще накормит, но на следующий день...

— Почему такой мудрый аксакал запас не сделал!— возмущенно воскликнул Шароф.

— Запас есть. Зерна́, муки заготовили впрок. Только достать весьма трудно.

— Как понимать тебя?

— Продовольствие в складе пекарни,— показал

Иван Андреевич на приземистое строение, возвышавшееся за стенами крепости неподалеку от ворот.

— Плохо, Вано,— покачал головой Шароф.— Басмач прицел держит. Идти нельзя, ползти нельзя.

— В том-то и дело, Шароф. Луна, как на грех, хоть иголки собирай... Ладно, давай-ка спать. Утро вечера мудренее.

Шестопалов завернулся в шинель и постарался уснуть. Предстоял тяжелый день, нужно набраться сил. Но сон не шел... Вспомнился отец. Он учил сына кузнечному делу. Теперь это искусство подзабылось, а когда-то владел молотком неплохо. Во всяком случае, кинжал отковал себе такой, что и на фронте пригодился против немца, особенно когда в разведку ходил...

В памяти отчетливо встало лицо начальника особого отдела корпуса, первого учителя Шестопалова по сыскному делу, Путовского. Был он умным человеком, проницательным. Знаниями делился щедро. Путовский и благословил Шестопалова на должность уполномоченного особого отдела в Сары-Чашму...

Усталость наконец взяла свое, и Шестопалов заснул.

Утро следующего дня снова началось атакой басмачей, но, встреченные дружным огнем, они откатились восвояси. И вдруг наступило затишье.

— Долго молчат, — сказал Шароф встревоженно.— Нехорошо!

Шестопалову эта тишина тоже не нравилась. Обычно бандиты вели себя нетерпеливо. В голову невольно лезли дурные мысли, и Иван Андреевич приказал удвоить бдительность: как бы враг не подобрался внезапно. Но беда пришла с другой стороны. Под вечер появился председатель исполкома кишлачного Совета. Вид у него был взволнованный, седая борода разметалась.

— Скорее, начальник,— взмолился он.— Мальчику плохо! Иди смотри, как помогать!

Иван Андреевич скатился с крыши и бросился вслед за старым таджиком. Возле арыка лежал на земле ребенок. На губах его пузырилась розовая пена. Вокруг толпились перепуганные люди.

— Что случилось с мальцом, кто знает?— спросил Шестопалов.

— Есть нечего... Воду пил...— объяснила стоявшая рядом женщина.

Мелькнула страшная догадка. Чекист поглядел на арык: вода была, как всегда, прозрачная, но имела странный зеленоватый оттенок. Совсем недавно его не было, сам пил из арыка. Значит, басмачи бросили в канал отраву?.. До какого же изуверства нужно дойти, чтобы на такое пойти! Люди они или звери? Знают ведь, что в крепости женщины и дети!

Шестопалов повернулся к председателю и дрогнувшим от гнева голосом сказал:

— Передайте всем: воду из арыка употреблять нельзя. Колодец в крепости есть?

— Совсем старый колодец,— ответил таджик.— Вода на дне.

— Воду брать оттуда только по моему разрешению!

...Томительно тянулось время. Басмачи выжидали, надеясь, что жажда и голод сделают то, чего не смогли пули и шашки. В крепости кончилось продовольствие, воду выдавали по глотку только малышам да раненым...

На пятый день осады после полудня Асомутдинов, обойдя по заданию Шестопалова кибитки, доложил:

— Детишки плачут от голода. Что делать станем, Вано? Муку достать надо.— И жалобно повторил:— Детишки плачут...

— Не мотай душу, — рассердился Шестопалов. — И без того муторно.

— Послушай, Вано, разреши... я попробую,— неожиданно попросил Асомутдинов.

— Что попробуешь?— не понял Иван Андреевич.

— Достать зерно. Я подумал... Сам всегда говорил: прямой путь — лучший путь!

— Кому нужна глупая смерть?

— Зачем смерть? Я жить хочу... Скоро солнце опускаться будет — прямо в глаза басмачу...

Шестопалов покрутил головой. Выдумщик этот Шароф. И отчаянный, каких свет не видывал. Но... может, получится? Попробовать, во всяком случае, стоит. Только рисковать чужой жизнью командир не вправе. Разве что собственной головой...

Мысль мелькнула и пропала. Потом появилась вновь, окрепла, переросла в уверенность. Идти должен он. И не обязательно предполагать худшее. Шароф прав: после полудня солнце действительно слепит басмачей, мешая вести прицельный огонь.

— Пошли,— сказал он Асомутдинову.

— Ты?— удивился Шароф и пристально взглянул на Шестопалова.— Зачем? Начальник руководить должен...

— И впереди, между прочим, идти! Да ты, друг, похоже, не веришь в успех?

— Зачем не верю?— смутился Шароф.

— Тогда вперед!

Не сказав больше ни слова, Шароф спустился с крыши кибитки и пошел за другом. Командир пограничников, услышав распоряжение приоткрыть ворота, посмотрел на чекиста с изумлением:

— Неужели хотите...

— Вот именно,— жестко перебил Иван Андреевич,— без зерна все равно не выживем! Останетесь пока за меня!

...Двое выскользнули за ворота и побежали к складу. Это было настолько неожиданно, что басмачи не успели сделать ни одного выстрела. И лишь когда чекисты, сгибаясь под тяжестью трехпудовых мешков с зерном, двинулись в обратный путь, бандиты открыли огонь. Но меткостью они не отличались: фонтанчики земли от пуль поднимались в изрядном отдалении. Шестопалов с Асомутдиновым благополучно вернулись в крепость.

Сбросив с плеч мешок, Иван Андреевич подмигнул командиру пограничников, довольно улыбаясь.

— Два мешка совсем мало,— равнодушно сказал Шароф.— Народ есть будет. Бойцам еды нет...

— Не стоит второй раз испытывать судьбу,— попытался остановить смельчаков командир пограничников.

Но Шестопалов тоже думал, что два мешка — действительно капля в море. Отряд останется голодным. А тут еще Шароф подлил масла в огонь:

— Второй раз басмач совсем не ждет.

«И то верно,— решил Шестопалов.— Бандитам и в голову не придет, что мы рискнем еще раз».

— Двинули, что ли? — спросил Иван Андреевич, обнимая Шарофа за плечи. — Авось проскочим!

Они снова удачно добрались до склада пекарни, но когда вышли оттуда с мешками, басмачи открыли ураганный огонь.

— Бандит — зверь,— крикнул Асомутдинов,— скорее надо!

Они почти бежали, были близки к воротам. И вдруг в ногу Шестопалова вонзилась пуля. Он упал,

придавленный мешком, Асомутдинов бросился на помощь.

— Назад,— крикнул Шестопалов.— В крепость, Шароф. Приказываю...

Он не договорил. Пуля ударила в голову. Асомутдинов подхватил командира, однако не успел сделать десяти шагов, как и его сразила пуля. Так и остались лежать в обнимку двое друзей у ворот крепости до самой темноты. Лишь ночью пограничники смогли вытащить их тела с поля боя и с почестями похоронить...

Еще два дня банда Ибрагим-бека осаждала крепость. Неоднократно бросались басмачи в яростные атаки, но сделать так ничего и не смогли. Подошедшие на помощь из Душанбе красные конники уничтожили банду. Так была перевернута одна из последних страниц славной летописи героической борьбы с басмачеством.

„МЕДВЕЖИЙ СЛЕД"

Повар с укоризной взглянул на подошедшего к котлу Карабанова, но, ничего не сказав, налил в протянутую миску вкусно пахнувшую похлебку. Говорить бесполезно. Нескладный, долговязый, что коломенская верста, худой, как жердь, Иван все равно бы настоял на своем. У него принцип: сам не будь сыт, а собаку накорми...

Первое время повар все норовил налить собаке поменьше. Хлопцам, мол, еды не хватает, а псина за троих жрет. Карабанов резонно возражал: собаке по рациону полный паек положен, приказом определено. Иначе где ж она силы возьмет для работы. А работа ведь у нее тяжкая.

Но повар, радевший за ребят, держался своей линии и продолжал нажимать на сознательность. Дескать, время нынче такое, что экономить надо во всем. На это трудно было возразить. Первые годы после гражданской войны были голодными, даже армия не получала нужного количества продовольственных ресурсов...

Иван, хоть и окончил всего-то четыре класса сельской школы, политически был подкован. В комсомольской ячейке села вел кружок политграмоты, обстановку он понимал. Но дать Аякса в обиду не мог. Собака —

тварь бессловесная, а службу несет — дай бог каждому...

— Ты мне, раз такие дела, довольствие урежь,— миролюбиво предлагал он повару.— Я все стерплю, к голодухе привычный. Только пса не обижай.

— И урежу!— ворчал повар, все же наливая миску до краев.

Аякс встретил хозяина радостным повизгиванием. Поставив миску в вольер, Иван потрепал пса по шее и приказал: «Ешь!». Без разрешения собака к пище не притронется — так была приучена. Но кто бы знал, чего это Ивану стоило...

Наблюдая за тем, как Аякс расправляется с похлебкой, Карабанов задумался и не сразу услышал, что его окликнули. Обернувшись, увидел дежурного по заставе.

— Заснул, что ли?— крикнул тот.— Зовут тебя...

— Не шуми,— попросил Иван, считавший кормление собаки важнейшим делом.— Кому это я так спешно понадобился?

— Начальник заставы вызывает!

— Зачем, не знаешь?— поинтересовался Карабанов.

— Знаю, да не скажу,— усмехнулся дежурный, едва поспевая за размашисто шагающим Карабановым.— Горьков не любит, чтоб поперёд батьки...

Начальник заставы был человеком своеобразным. Небольшого росточка, гибкий, подвижный, как ртуть, он и вопросы решал быстро. Зато совершенно не терпел, когда кто-то из подчиненных выскакивал с догадками и скороспелыми предложениями. «Инициативу проявляй,— любил приговаривать Горьков,— это и полезно, и в обязанность каждого пограничника входит, но, если дельное сказать не можешь, сиди тихо — не суетись».

Карабанов застал начальника заставы склонившимся над распластанной по столу картой охраняемого участка. Горьков водил по ней тупым концом карандаша и шевелил губами. Он не отозвался на доклад вошедшего, продолжая сосредоточенно о чем-то думать.

— Товарищ Карабанов?— поднял голову начальник заставы, когда Иван напомнил о своем присутствии покашливанием.— Я звал тебя. Звал вот зачем... Тут,— ткнул Горьков в карту, показав на левый фланг охраняемого участка,— третий день на той стороне идет какая-то подозрительная возня. А сегодня, мне доложили до-

зорные, на рассвете птицы здесь долго кружили. Будто их кто-то спугнул...

— Может, зверь прошел, товарищ начальник?— высказал предположение Иван.— Кабан, скажем, или сохатый...

— Зверя не исключаю,— отозвался Горьков.— Но возможно и люди. На то мы и пограничники, чтобы о бдительности помнить.

— Да тут сплошные топи,— возразил Иван.— Человеку ни в жизнь через те гиблые места не пробраться.

Горьков пробежался по кабинету из угла в угол, резко остановился и, взглянув на пограничника снизу вверх, спросил:

— А может, за кордоном на твоей упрямой уверенности и строят свой расчет? Допускаешь такую мысль?.. Слухами, брат, земля полнится. В каждом слушке есть доля правды. Местный народ поговаривает, будто в старину здесь нанайцы-охотники торную тропу знали...

— Я понял, товарищ начальник,— отозвался Карабанов.— Раз появилось сомнение, надо его развеять. Разрешите с Аяксом пройти по участку?

— Отличная у тебя реакция, товарищ Карабанов,— с удовлетворением отметил Горьков.— Затем и вызвал. Да и на Аякса, признаюсь, у меня большая надежда...

Последняя фраза была Ивану особенно приятна. Прежде чем Аякс стал таким, как сейчас, сколько пришлось помучиться... Аякс достался Карабанову взрослым псом, сменившим двух хозяев. Первый заболел и расстался с погранвойсками, другого за нарушение дисциплины отчислили из школы служебного собаководства. Передавая Карабанову Аякса, начальник школы сказал: «Собака долго была бесхозной. Учить ее трудно, почти безнадежно, но другой все равно пока нет. Попробуйте...»

Аякс был рыжим с серебристым отливом. Перевитая тугими мускулами грудь и продолговатая умная морда собаки Ивану сразу понравились. Рослый красавец не шел ни в какое сравнение с дворнягами, которых он приручал в деревне. Натаскать беспородного Каштана приносить палку или делать стойку — пара пустяков. Но от пограничной собаки требовалось совсем иное. И прежде чем Карабанов добился от Аякса беспрекословного повиновения, пришлось хлебнуть немало лиха. И уговорами, и лаской, и окриком воздействовать про-

бовал — ничто не помогало. За месяц Иван едва сумел приучить Аякса к выполнению лишь самых элементарных команд.

Характер у пса был строптивый, и он нередко сам руководил хозяином. Но Карабанову терпения было не занимать. Он видел, что Аякс отличался редкой сообразительностью. Но несмотря на все старания собаковода, решительных перемен в поведении Аякса не наблюдалось. Он по-прежнему считался в школе по выучке одним из самых худших. Инструктор-наставник, уважавший Ивана за трудолюбие, даже как-то сказал: «Боюсь, зря маешься. Не сможем мы довести пса до кондиции. Слишком его твои предшественники подпортили...»

А Карабанов не отступал. Не в его правилах было пасовать перед трудностями. Помог случай... И хоть сам по себе был он довольно драматичный, но результаты дал отменные. Собственно, с той памятной ночи и началась настоящая дружба человека с собакой...

Курсантов подняли по тревоге задолго до рассвета. Через границу прорвалась группа вооруженных бандитов. Большинство удалось перехватить, но некоторые ушли. Чтобы выловить оставшихся, пограничникам потребовалась помощь. Начальник школы отобрал для проведения операции десять собаководов. Мимо стоящего в строю Карабанова с собакой прошел не останавливаясь. У Аякса была слишком дурная слава, чтобы его хозяину-курсанту могли доверить ответственное дело.

Иван страшно расстроился. И хоть был он по-деревенски застенчивым, даже робким, но тут набрался решимости, подошел к начальнику школы и срывающимся от волнения голосом взмолился:

— Возьмите меня на операцию... Пусть Аякс хоть раз в настоящей работе побывает. Он себя проявит, вот увидите!

Старый пограничник посмотрел на собаковода с сочувствием. Суровое лицо его смягчилось.

— Хорошо,— сказал отрывисто.— Но если пес оплошает, будем его списывать.

Карабанов от счастья расплылся в улыбке. Вопреки опасениям начальства он верил: все кончится самым наилучшим образом...

Курсанты вели преследование бандитов всю ночь и только на рассвете сумели взять их в кольцо. По вине

Аякса, который вдруг заупрямился и прилег «отдохнуть», Иван от группы отстал. Догоняя своих, он тащил пса чуть не силой. И вдруг Аякс ощетинился, остановился, как вкопанный. Тут Иван обратил внимание на примятую, вдавленную в землю траву.

— След, Аякс!— приказал Иван, отпуская длинный поводок.

Собака рванулась, как ни странно, в сторону поселка. И вскоре Иван увидел бегущего впереди бандита. Почувствовав, что его настигают, тот обернулся и выстрелил. Аякс дернулся, вырвал поводок из рук хозяина и бросился на нарушителя. Человек с собакой, сцепившись, покатились по земле. В руке бандита сверкнул нож...

Вскоре на выстрел подоспели пограничники, увидели связанного нарушителя, а рядом Карабанова, державшего на руках окровавленного Аякса. Начальник школы взглянул на собаку и безнадежно махнул рукой.

— Пусть сделают укол,— сказал,— чтоб не мучилась.

Карабанов, человек дисциплинированный и сдержанный, неожиданно для всех выкрикнул:

— Не дам! Хоть убейте меня, не дам Аякса. Я его выхожу...

Начальник посмотрел на курсанта с уважением. По опыту знал: именно из таких, настойчивых, упрямых, но добрых, вырастают толковые, преданные делу пограничники. И разрешил отвезти смертельно раненного пса к ветеринару.

Аякса перепеленали бинтами, и Иван все свободное время проводил в вольере. Он поил Аякса из соски, кормил по совету ветеринара малыми порциями. Никто из товарищей-курсантов не верил в положительный исход. Лишь Иван не сдавался. Зато когда выходил, не стало в школе более преданного хозяину помощника, чем Аякс. На выпускных экзаменах оба получили высший балл, а начальник школы, обрадовавшись высокой оценке не меньше курсанта, сказал:

— Вот уж воистину: век живи — век учись. Спасибо тебе, боец, за науку...

Выйдя от начальника заставы, Карабанов взял оружие и вывел из вольера Аякса. Время было послеобеденное. Солнце припекало вовсю. Даже сквозь гимнастерку ощущались его обжигающие лучи. Аякс бежал рядом, высунув язык, и тяжело дышал. Но стоило им уг-

лубиться в лес, как сразу похолодало. Высоченные кедры и сосны загораживали небо. В хвойном смолистом воздухе дышалось легко. Поляны, вызолоченные солнцем, Карабанов обходил, хоть очень хотелось, сбросив сапоги, босиком пробежаться по нежно-салатной траве...

Вспомнилась мать... Она сажала на приусадебном участке ранние овощи. Прибегая, бывало, с фермы, сразу же шла в огород и копалась до позднего вечера. Отец подсмеивался: охота, мол, пуще неволи. Но помогал... Он был знатным трактористом, орденоносцем, хорошо зарабатывал. Старался и Ивана приучить к машинам, но сына тянуло к животным, на ферму и конюшню, на которой верховодил дед, бывший буденовец. Самым желанным для деревенских пацанов было разрешение отправиться в ночное. Такого случая Иван не упускал никогда.

Особый праздник наступал, когда с ребятами за костром оказывался дед. Как начнет рассказывать про гражданскую войну да про то, как Перекоп брал будучи красноармейцем Первой конной, они замирали. Сидят, слушают, затаив дыхание, как дед, тогда еще молодой, со товарищами гнал пилсудчиков, как границу устанавливал на западе, в числе первых ее строителей был.

Наслушался Иван дедовых рассказов и про себя решил: когда срок выйдет служить, проситься на границу. Там особая отвага да настоящий мужской характер требуются,— так говорил дед. Правильно говорил!

...Участок у заставы, на которой служил Иван, немалый. Чтобы один левый фланг проверить, если идти не торопясь, и к ночи не управишься. Потому и шел Иван быстро, крепко ведя на поводке бегавшего из стороны в сторону Аякса. Изредка пес наклонял морду к земле, принюхивался, но вел себя спокойно.

Земля пружинила, иногда поблескивала тонкой пленкой воды. Но Иван отменно знал эти места, обходя болотца по широкой дуге. Чувство настороженности, точнее, внутренней собранности тем не менее не покидало. До озера, конца участка, оставалось не более десяти минут ходу. И тогда можно отправляться в обратный путь...

Вдруг Аякс замер и тут же метнулся влево, натянув поводок. Карабанов бросился следом и увидел: пес

обнюхивает отпечатавшиеся во мху ямки. Расположенные попарно, они уходили в глубь леса и были, совершенно очевидно, медвежьи.

Аякс потянул хозяина по следу, а тот усомнился: уж не ошибся ли пес? Через болото человеку пройти невозможно, но ведь и зверь — не птица... Карабанов еще и еще раз тщательно осмотрел ямки, прошел метров тридцать вперед — характер следов не менялся. Ясно, как божий день,— тут протопал косолапый. Иван с недоумением взглянул на Аякса. Может, у того проснулся охотничий инстинкт? Бывает и такое... Но собака по звериному следу идти не обучена. Что же она учуяла?

— Медведь, слышь?— сказал Иван, будто пес мог его понять. — Здоровый, видать, топтыгин, лучше с ним не связываться. Как думаешь, а?

Аякс, склонив голову набок, чутко вслушивался в голос хозяина. Но когда тот умолк, снова натянул поводок. И Карабанов доверился собаке.

Они бежали по лесу, петляя между деревьями до тех пор, пока Аякс не остановился возле охапки хвороста. Разбросав сухие ветки, Иван обнаружил на дне ямы шерстяную тряпку, от которой шел довольно едкий запах. «Значит, все-таки человек, а не зверь»,— подумал Иван встревоженно. Начальник заставы прав: торная тропа есть, а пограничники ее до сих пор не знают...

— Ах ты моя умница!— взволнованно сказал Иван, любовно погладив пса.— Хорошо, что меня, дурака, не послушался. Теперь вперед. След, Аякс!

Пес бросился так стремительно, что едва не вырвал поводок из рук хозяина. Они проскочили распадок, обогнули болотце, очутились в густом кустарнике. И чем дальше продвигались вперед, тем злее становился Аякс. Шерсть на загривке вздыбилась, из глотки вырывалось грозное рычание. Расстегнув на ходу кобуру, Иван вытащил наган. Впереди мелькнула неуклюжая фигура в странном одеянии.

— Стой!— крикнул Карабанов.— Стрелять буду!

Незнакомец обернулся, увидел пограничника с собакой и остановился как ни в чем не бывало.

— Руки вверх!— скомандовал Иван, наводя револьвер на нарушителя.

Тот как-то засуетился, вытащил из кармана книжечку, похожую на удостоверение, и усиленно замахал ею над головой.

— Своя! Своя!..— закричал незнакомец.— Своя красная!..

Иван, завороженный ярко-алой звездой на обложке книжицы, был сбит с толку. А вдруг перед ним убежавший от преследования в своей стране человек? Может, он ищет политического убежища в СССР? В газетах пишут, что за рубежом коммунистов бросают в тюрьмы, пытают, казнят...

— Сидеть!— приказал Карабанов Аяксу.

Пес сдерживался с большим трудом, но ослушаться хозяина не мог.

Иван, притягиваемый пятиконечной звездой, как магнитом, подошел к незнакомцу. На какую-то секунду он утратил бдительность, опустил наган. И нарушитель, мгновенно оценив ситуацию, выхватил из-за голенища нож. Но ударить не успел. Точно подброшенный пружиной, Аякс взлетел в воздух и, клацнув зубами, вцепился в руку бандита...

На заставу они вернулись к вечеру. Нарушитель со страхом поглядывал на Аякса и придерживал левой рукой правую.

Горьков, выслушав доклад пограничника, усмехнулся:

— Выходит, не ошиблись мы с тобой, дорогой товарищ Карабанов. Топь-то проходима.

— Я тут не при чем,— искренне возразил Иван.— Это вы, товарищ начальник, догадались.

— Разделим славу пополам. И третьему воздадим должное. След-то Аякс распознал...

Горьков взял из рук Карабанова книжечку с красной звездой на обложке и полистал ее.

— Что же это за документ, товарищ начальник?— спросил Иван.— На чем меня гад прикупил?

Горьков грустно улыбнулся:

— Учиться тебе надо, Иван. Враг с каждым годом становится хитрей. То под зверя работает, то химическим порошком след заметает. Дальше — больше...

— Согласен я с вами, грамотешки маловато, но это поправимо. Правильно я думаю?.. Только объясните, пожалуйста...

— Объясню. Нарушитель границы предъявил тебе членский билет международного союза эсперантистов. Есть целая организация, занимающаяся распространением и пропагандой искусственно созданного языка, на-

зываемого эсперанто. Она хочет, чтобы люди могли понимать друг друга, где бы они ни жили.

— А может, и вправду, с помощью такого языка пролетарии всех стран сумеют быстрее договориться?

— Таким способом мало чего достигнешь, дорогой товарищ Карабанов.— Потому и нужна пограничная служба, что с помощью одного только эсперанто врага не победить. Нарушитель правильно рассчитал, воспользовавшись документом с красной звездой на обложке. Знал, как тебя с толку сбить. Скажи Аяксу спасибо. Если б не он...

Конечно, Иван ничего не стал говорить псу. Но, выпросив у повара большую мясную кость, принес в вольер заслуженное им лакомство. И долго сидели в темноте человек и собака, думая каждый о своем.

ТАЙНА КЛЕЙМА

Рано приходит лето в Таджикистан. Начало мая, а солнце уже нещадно жжет. Поселки днем в долине вымирают, по пыльным улочкам одиноко бродят овцы, пощипывая не успевшую пожухнуть траву. Но на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, где стоит застава Каменная, прохладно. От снежных вершин тянет освежающим ветерком. Камни, остывшие за ночь, к полудню не успевают накалиться...

Капитан Васильев, родом с горного Алтая, чувствовал себя здесь как дома. В свободное время, которое, кстати, выпадало не так часто, он любил взобраться по усеянному большими валунами склону и посидеть в тиши, разглядывая панораму дышащих покоем гор. Отступали прочь тревоги, и можно было помечтать, подумать о будущем.

Но в тот злополучный день окружающие заставу горы показались ему зловещими. На заставе случилось ЧП: исчез рядовой Николай Ковалев. Поиски, продолжавшиеся два часа, результатов не дали, и капитан Васильев вынужден был доложить о происшедшем в отряд.

— Может, парень в самовольную отлучку ушел?— высказал предположение дежурный.

— Исключено! — отрезал Васильев, обидевшийся на необоснованные подозрения.

Он верил Ковалеву как никому другому. Тот был не просто хорошим специалистом, но и сердечным, искренним человеком. На счету солдата числилось два задержания, за что он был удостоен медали «За отличие в охране государственной границы СССР». Среди товарищей пользовался авторитетом. Комсомольцы заставы единодушно избрали его своим вожаком.

Дежурный согласился с доводами Васильева,— такой в самоволку не уйдет. Но куда же он все-таки запропастился? Человек — не иголка.

— А не мог ли твой любимец с обрыва упасть?— предположил дежурный.

— Маловероятно,— возразил капитан.— Ковалев — отличный спортсмен, скалолаз.

— Ну, тогда ищи. Думаю, обойдется. И держи нас в курсе...

Васильев повесил телефонную трубку, испытывая острую неудовлетворенность оттого, что не смог точно выразить свою тревогу. Благодушно настроенный дежурный и начальству спокойно доложит о случившемся на заставе Каменной. А капитан рассчитывал получить в помощь людей, чтобы организовать широкий поиск...

В канцелярию, вопреки обыкновению, без стука вошел старшина Иван Романько. Был он плечист, высок и шумлив. Вот и сейчас, сняв фуражку и рукавом вытирая пот с квадратного лба, пробасил:

— Нема, товарищ капитан. Склон облазили вдоль и поперек. По речке прошлись. Як в воду канул...

— Плохо искали! — бросил в сердцах Васильев и тут же пожалел о сказанном. Старшина был до смешного обидчив. Он ревностно относился ко всему, что касалось службы, и болезненно воспринимал замечания, тем более такие, где и вины-то его не было никакой.

Однако упрек был высказан, и реакция последовала незамедлительно.

— Докладываю, товарищ капитан, ще раз,— толстые губы Романько обиженно оттопырились. — Шукали по всем правилам. Хоть верьте, хоть увольте — человека нема. Вот только одну штуковину взамен хозяина подобрали.

Васильев только сейчас увидел в руках старшины самодельный мольберт. Измазанный красками ящик принадлежал Ковалеву. Он его сам и смастерил.

На заставе все знали, что Ковалев — будущий ху-

дожник, в погранвойска призван со второго курса Ленинградского художественного училища. Он и на заставе продолжал заниматься любимым делом — часто свободное время проводил за мольбертом, помогал оформлять наглядную агитацию.

Далеко солдат обычно не уходил. Чаще всего устраивался на склоне Верблюда — так пограничники прозвали двугорбую вершину, расположенную к югу от заставы. Место это, дикое и живописное, как бы просилось на полотно...

Вот и сегодня, как выяснилось, Ковалев, сменившись с наряда, предупредил дежурного по заставе, что пойдет немного поработать. «Ты бы лучше отдохнул,— посоветовал дежурный.— Ночь ведь не спал». «Самый лучший отдых — за мольбертом,— улыбнулся Ковалев.— Я не задержусь. Через полтора—два часа буду обратно...»

Когда названное Ковалевым время истекло, дежурный заволновался и доложил капитану Васильеву. Начались поиски...

— Где нашли мольберт?— спросил Васильев.

— Чуток по склону на Верблюд поднялись — площадка там, на которой маки растут. Бачим, ящик на камне...

— Брошен был в спешке?

— Не-ет... аккуратно лежал. А следов никаких нема. Ума не приложу, почему хлопчик сию штуковину оставил без догляду.

Для капитана это тоже было загадкой. Ковалев дорожил рисовальными принадлежностями и просто так с ними бы не расстался. Серьезная к тому должна быть причина. А вот какая?..

Задумавшись, капитан подошел к окну и распахнул створки. Был он строен, худощав. Белесые, точно выцветшие, волосы то и дело сползали на лоб, и Васильев поправлял их коротким взмахом головы.

На границе он — не новичок. Служил здесь срочную. Несколько лет ходил в заместителях начальника заставы и вот уже третий год — командует. Он был приучен к любым неожиданностям. Но чтоб вот так, посреди бела дня, исчез пограничник?..

Солнце перевалило зенит, поползло к ледяным вершинам. Как быстро бежит время, когда его хочется остановить!

— Це не тот хлопчик, чтоб так просто сгинуть,— не выдержав затянувшейся паузы, заговорил нетерпеливый Романько.— Треба шукать. Пойду я?..

— Охолонь, Иван Иванович,— остановил его Васильев.— Носиться без толку по горам — какой прок? Думать давай, куда мог деться человек? По какой причине исчезнуть?

— Може, кого встретил?

— Я тоже склоняюсь к этой мысли. Смотри сюда.— Васильев откинул занавеску, прикрывавшую крупномасштабную карту района, и несколько минут пристально ее рассматривал.— Давай рассуждать: если Ковалев заметил что-то подозрительное, то произойти это могло только на склонах Верблюда. Двигаться он станет, скорее всего, к границе. Кратчайшая дорога туда лежит через перевал...

— Надо пустить две группы,— включился в рассуждения Романько.— Одну в обход, на машинах, другую по прямой, на лошадях. Если дозволите, я поведу вторую...

Васильев не удивился, что старшина вызвался вести вторую группу. Все на заставе знали о его пристрастии к лошадям. Служил Иван Иванович на заставе восемнадцать лет, но частенько вспоминал свое село, речку с прозрачной водой и особенно колхозную конюшню. Лошадей он любил до самозабвения и содержал их на заставе в образцовом порядке.

Внезапно издалека донесся щелчок — резкий, как удар хлыста. Капитан замер. Этот характерный звук нельзя было ни с чем спутать — выстрел.

— Никак пальнули, товарищ капитан!— воскликнул Романько.

— Пальнули,— повторил Васильев.— Где-то неподалеку. Давай, старшина, жми...— И, рывком широко распахнув дверь, приказал дежурному: — Поднять заставу в ружье!

По склонам Верблюда раскинулось море маков. Они как бы стекали с уступов к подножию безбрежным алым ковром и на фоне серых скал и блеклой синевы неба казались необыкновенно яркими. Николай Ковалев глаз не мог оторвать от этого живого пламени. Он торопливо набрасывал на холст мазок за маз-

ком, с огорчением сознавая, что ему вряд ли удастся с первого раза передать эту красоту.

Рисовать Ковалев начал рано. Лет в десять он набросал вид из окна, и многочисленные соседи по коммунальной квартире единодушно признали в мальчонке будущую знаменитость. Потом начались занятия в студии Дворца пионеров. Потом училище. За этюды его хвалили, но сам он был собою недоволен: краски на холстах казались или слишком кричащими, или чересчур размытыми. Да и почерка индивидуального пока нет...

Взглянув на часы, Николай с огорчением обнаружил, что пора возвращаться. Назначенное им самим время истекает, а задерживаться не стоит. Опоздай он хоть на десять минут — на заставе начнут беспокоиться. Да и вообще, пограничник обязан быть человеком слова.

Решив, что непременно придет на это место еще раз, Николай сложил краски, вытер кисти и вымыл руки, благо речка протекала рядом. Закрыв мольберт, он закинул громоздкое сооружение за спину и, поддерживая руками, двинулся вниз по склону. Тропинка петляла между камней. Когда-то здесь, очевидно, прошел мощный ледник, оставив после себя нагромождения скальных обломков различной величины: от небольших камней — с верблюжью голову — до валунов в три обхвата. Рядом, на перекатах, бурлил горный поток, образуя пенистые водовороты. Водяная пыль радугой вспыхивала в лучах заходящего солнца.

Время в запасе еще было, и Николай неторопливо шагал, наслаждаясь видами, открывающимися за каждым изгибом тропы. И вдруг он остановился. Навстречу брел кутас — так местные жители называют яков, горных быков, обитающих в этих краях.

Видеть этих животных Николаю было не в диковину. В соседнем колхозе их целое стадо. Попадаются и дикие... Поразило другое. Николай уже встречал именно этого яка,— ошибки тут быть не могло. Знакомство, если так можно выразиться, состоялось месяц назад. В тот раз Николай тоже ходил на этюды, только в другое место — поближе к кишлаку. И прошел бы мимо быка — мало ли их бродит повсюду,— но внимание привлекло необычное клеймо на боку: выжженный круг со змейкой посредине, перечеркнутый крестом...

Кутас лениво пощипывал чахлые кустики терескена и медленно, словно нехотя, переставлял короткие ноги.

Густая свалявшаяся шерсть неопрятно свисала с боков чуть не до самой земли. Як был старый. Жуя, он повернул к Николаю морду и издал звук, похожий то ли на мычание, то ли на хрюканье.

— Фу, дьявол!— вздрогнул от неожиданности Николай.

Он отошел в сторону, присел на камень. Для какой надобности забрела сюда эта животина? Внизу, в долине, сочные пастбища — пасись себе на здоровье... Кутас же тем временем пошел вверх по тропе и, свернув у валуна, скрылся. Тропа уходила к перевалу, где были лишь голые скалы. Зачем животное направилось туда, где нечем поживиться?

Охваченный каким-то предчувствием, Николай еще некоторое время сидел, раздумывая. Потом вскочил и побежал к валуну. Обогнув скалу, парень остановился: быка на тропе не было, хотя весь склон просматривался на довольно большую глубину.

«Вот это фокус!— подумал пограничник.— Не мог малоподвижный кутас за короткое время уйти так далеко, чтобы исчезнуть из виду».

Николай рванулся вперед. Этюдник мешал, бил по боку и ногам. Он снял его, положил на видном месте, решив, что заберет на обратном пути, и помчался дальше. Взлетев на взгорок, откуда открылась неоглядная даль, пограничник еще раз убедился: склон, ведущий к перевалу, пуст. Что за чертовщина! Может, где-то есть боковой ход? Иначе как объяснить исчезновение животного?

Догадка переросла в уверенность. Внимательно осматривая расщелины, Николай пошел назад. Искать пришлось недолго. Справа был стиснутый почерневшими гранитными стенами проход. Николай свернул с тропы и пошел осторожней. Дорога стала круче, скалы раздвинулись, впереди мелькнул просвет.

«Никак Чертово ущелье?» — подумал Николай, прикинув расположение окрестных гор. Он неплохо знал район, однако не подозревал, что к Чертову ущелью можно выйти и с этой стороны.

Пограничник снова заторопился, тут же увидел кутаса, к которому подходил человек. Что-то в поведении его показалось подозрительным, и Николай, собравшийся окликнуть незнакомца, спрятался, чтобы не быть замеченным, за скалу.

Высокий мужчина в потрепанном халате и грязной чалме вытащил из кармана сверток, покопался в нем и сунул что-то быку. Тот размеренно задвигал челюстями, уплетая лакомство, а человек между тем присел на корточки, нагнулся к паху животного. Окончив странные манипуляции, он выпрямился и, приложив ладонь ко рту, издал крик, который издают кутасы. После чего повернулся и зашагал прочь. Николай собрался последовать за ним, но тут из-за скалы вышло стадо яков, подгоняемое колхозным чабаном.

«Как этот-то сюда попал?» — подумал пограничник. А чабан, приблизившись к клейменому кутасу, хлестнул его бичом и подогнал к остальным. Следовательно, чабан знал, что животное он найдет именно здесь, и кутасий крик был ни чем иным, как условным сигналом?

Пощелкивая бичом, старик погнал стадо вниз. «К кишлаку направляется,— машинально отметил Николай.— И приблудного кутаса с собой прихватил... А что если животное не наше, а «закордонное»? Диким якам не запретишь пастись там, где им вздумается, вот они и «гуляют» с одной стороны на другую. Но тогда что получается? Неужто почтовый ящик?..»

Чабан никуда не денется, решил Николай, зато другой... За ним надо проследить, а то и задержать для выяснения личности.

Незнакомец давно скрылся, но Николай не спешил. К перевалу дорога одна — вплоть до развилки, к которой можно выйти более коротким путем, по козьей тропе...

Появление пограничника оказалось для незнакомца полной неожиданностью. Он отпрянул, узкое клинобородое лицо исказилось от страха. Черные глазки полыхнули злобой. В следующую секунду незнакомец выхватил револьвер и выстрелил. Резкая боль обожгла плечо, но Николай прыгнул вперед, сильным ударом ноги выбил оружие из рук врага, однако потерял равновесие и упал, ударившись о камень. Все поплыло перед глазами... А незнакомец, воспользовавшись замешательством пограничника, бросился наутек. Он бежал прихрамывая, грузно переваливаясь. Николай, собираясь с силами, не спускал с незнакомца глаз. «Не уйдешь,— думал он. — Настигну все равно».

Осторожно поднявшись, Ковалев выпрямился и сначала пошел, а потом побежал трусцой, стараясь глубо-

ко и размеренно дышать, чтобы войти в ритм. Незнакомец, обернувшись, заметил, как сокращается расстояние между ним и пограничником, но оторваться от преследователя у него не было сил. Николай уже слышал тяжелое дыхание нарушителя. Еще минута-две — и он настигнет его, схватит сначала за пояс рваного халата, потом скрутит руки... А незнакомец, скользнув в очередную каменную щель, затаился. И когда пограничник поравнялся с уступом, преследуемый навалился на него всей тяжестью, рука потянулась к горлу. Руку Николай перехватить успел, но раненое плечо давало о себе знать все сильней. Боль растекалась по телу. Сознание туманилось...

Дробно цокая копытами, кони резво бежали по каменистой тропе. Тревожная группа спешила, но старшина Романько то и дело придерживал Орлика, опасаясь, что конь может оступиться. Тропа, сжатая отвесной скалой с одной стороны и ущельем — с другой, была настолько узкой, что малейший неверный шаг грозил гибелью. Но эта дорога была самой кратчайшей...

Выстрел прогремел где-то на склонах Верблюда, рассудил Романько. Если это нарушитель, то он будет уходить только к перевалу. Вниз дорога ему перекрыта — оттуда пойдут пограничники. Значит, вверх — вот куда надо стремиться.

За долгие годы службы Романько исколесил охраняемый участок сотни раз и мог в любую погоду добраться к любой точке, как он сам выражался, с завязанными глазами. Потому и вел свою группу к развилке, где проходит старая караванная тропа.

Шум клокочущей горной речки доносился до пограничников отдаленным переливчатым эхом. Романько, прислушиваясь к нему, думал о Ковалеве. Старшина упорно отгонял мрачные мысли, но тревога нарастала. Раз стреляли, а у солдата оружия нет, значит, целились в него...

Впереди показалась развилка. Соскочив с лошади, Романько, а за ним и другие пограничники занялись обследованием местности. Вскоре молоденький солдат обнаружил гильзу и закричал:

— Вот оно, доказательство. Стреляли здесь...

— Не топчите площадку,— остановил Романько пог-

раничников, бросившихся к товарищу.— Следы ищите!

Они продвинулись еще метров на семьсот, когда увидели впереди на скалистой площадке, как двое людей, перекатываясь друг через друга, борются из последних сил. В одном Романько сразу признал Ковалева. Другой был неизвестен.

Старшина в два прыжка одолел расстояние, разделявшее его с дерущимися. В следующий миг тяжелый кулак с размаху опустился на засаленную чалму. Человек в халате, беспомощно взмахнув руками, вскрикнул и сразу обмяк.

Приподняв Ковалева, старшина увидел запекшуюся на плече кровь:

— Ты ранен? Подожди, дорогой, перевяжу.— Он вытащил из сумки индивидуальный пакет и быстро перебинтовал рану.

— Ну, как ты? Ох, и геройский же ты парень! Сейчас мы тебя домой отвезем, на заставу.

— Товарищ старшина,— Ковалев через силу улыбнулся: — Я могу идти. Надо еще второго поймать. Я покажу...

— Вот как? — воскликнул Романько.— Тогда будем спешить. Но на коня все равно садись. А этого, — он выразительно поглядел на задержанного,— двое на заставу проводят. Остальные вперед!

Тревожная группа достигла Чертова ущелья, когда от гор уже потянулись длинные тени. Время двигалось к ночи, и надо было спешить.

— Куда ж они запропастились? — пробормотал Ковалев, с трудом державшийся в седле. Голова кружилась, во всем теле чувствовалась слабость.

— Не горюй, кутасы передвигаются медленно. Догоним,— успокаивал Романько.

И тут они увидели бредущее стадо яков.

— Они?— спросил Романько.

— Вроде бы... Поближе подъедем...

Пограничники приблизились к стаду, и пожилой чабан в длиннополом халате заспешил навстречу. Сложив руки на груди, он поклонился и, широко улыбнувшись, произнес:

— Моя говорит, здравствуй, начальник. Надо помогай?

— Ничего не надо, чабан. Хотим на быков твоих поглядеть, понравились,— ответил Романько.

Ковалев сполз с коня и подошел к крайнему яку. Увидел на боку метку — круг, перечеркнутый косым крестом,— и облегченно вздохнул.

— Знакомое клеймо,— сказал подошедший Романько.— Давненько не встречал.

— Значит, вам эта метка знакома, товарищ старшина?

— Еще бы... Бисово племя — никак не переведется. Клеймо это — выдумка Алим-бека. Жил он тут много лет назад, большую власть имел да большие гурты... Племенную скотину особым знаком метил. А когда быка по старости выбраковывали, метку крест-накрест перечеркивали. Не гож, мол... Ось и этот в тираж вышел.

— Не совсем, товарищ старшина...— возразил Ковалев.

Нагнувшись, он пошарил возле паха. Краем глаза уловил взгляд чабана. «Знает кошка, чье мясо съела»,— подумал. Оттянув кожу в паху быка, Ковалев вытащил небольшой пакетик, заполненный желтым порошком.

— Дела-а! — присвистнул Романько. — Почтовый ящик, выходит? Эх, кутас, неблагородное занятие у тебя на старости лет. Из-за кордона наркотики таскать, — кто ж тебя такому научил?

Старшина посмотрел на чабана, и тот понял — оправдываться бесполезно. Он положил на землю хлыст, сел, скрестив ноги, и закрыл глаза...

ЗАСТАВА В ОГНЕ

Коротки белорусские ночи в июне. Темнота едва успевает окутать землю, как на востоке загорается полоска зари. Она светлеет, ширится, постепенно затопляет небо. И нет уже мглы в лесу. Редеет мрак на полянах. Проступают белые стволы берез. Видна серая лента дороги, вьющаяся меж деревьев. Различимы кочки...

Впрочем, начальник заставы лейтенант Усов хорошо ориентируется и во тьме. Предутренние часы — это его время проверки постов на границе. Три месяца назад он принял Юзефатовскую заставу и с тех пор взял за правило проверять посты в предрассветный час, когда людям особенно трудно бороться с усталостью. В природе тишина, покой, безмятежность, и человек невольно может задремать. Именно таким временем, как показывает опыт, и пользуются нарушители. А на границе последнее время все неспокойнее.

На той стороне, в Польше, хозяйничают фашисты. Ведут они себя крайне нагло. Усов дважды докладывал в штаб отряда, что на его участке неспокойно. Ему сказали: побольше выдержки, не поддавайтесь на провокации! Он, конечно, понимает ситуацию — с Германией заключен пакт о ненападении, но...

Из кустов раздался негромкий оклик. Усов назвал па-

роль, подошел поближе. Часовой, в котором нельзя было не узнать Иванова,— могуч, широк в кости, он обладал огромной физической силой. По внешним данным невозможно было угадать, какая у парня гражданская специальность. Он и сам не мог толком объяснить, как его угораздило выучиться на повара, хотя любил он лошадей, и страсть эта была от отца, наследственная.

Виктор Усов тоже любил лошадей. При поступлении в Харьковское военное училище НКВД сразу же попросился в кавалерийское отделение, которое закончил с отличием.

— На участке спокойно, говоришь?— переспросил Усов, выслушав доклад часового.

— На нашей стороне — да, — подтвердил Иванов.— А там,— кивнул он в сторону границы,— ракеты пуляют. И всю ночь моторы воют, как скаженные. С чего бы это, товарищ лейтенант?

Что мог ему ответить Усов? Не скажешь же подчиненному, что тебя самого тревожит положение на сопредельной территории. Да и указания на сей счет есть определенные.

— Да кто их знает,— с досадой ответил Виктор.— Может, у них там маневры проходят...

— Зачем так близко к нам жмутся? Мало, что ли, земли нахапали, проклятые фашисты?

— Ну, хватит!— оборвал Усов.— Наша задача — охранять границу. Продолжайте нести службу...

Возвращаясь на заставу и вспоминая разговор с Ивановым, Усов ругал себя на чем свет стоит. Не отмахиваться следует, а разъяснять пограничникам: худой мир лучше доброй ссоры. Но, откровенно говоря, сам он не был до конца в этом уверен.

В лесу быстро светлело, и вместе с тьмой отступала тишина. Округа оживилась птичьим гомоном и доносившимися из расположенной неподалеку деревни криками петухов, лаем собак.

Застава тоже просыпалась. Из конюшни раздавалось ржание лошадей. В вольерах в ожидании завтрака сдержанно тявкали овчарки. Над печной трубой казармы клубился дымок. В домиках для командирского состава— никакого движения. Народу там оставалось не густо. Только одна квартира и была сейчас занята политруком Шариповым с женой и дочкой. Старшина отправил семью на родину, сам собирается в отпуск следом.

Прежний начальник заставы уже забрал семью на новое место службы, а у нового никого еще нет. Живет, правда, одна дивчина в Юзефатовке, стройная, как березка, с пушистыми, что лен, волосами, голубоглазая...

Дверь крайнего домика распахнулась, и на крыльцо вышел политрук. Одет по всей форме, только фуражку держит в руках.

— Ты почему рано поднялся, Саша?— удивленно спросил Виктор.— В воскресенье можно доставить себе удовольствие...

— А разве дежурный тебе не доложил?— перебил Шарипов.

— Я только что вернулся с левого фланга участка,— ответил Усов, недоумевая.— Там пока все спокойно.

— Вот именно, дорогой, пока,— сделал ударение на последнем слове Шарипов.— Донесение есть! Совсем близко к границе танки подходят. Оттуда, понимаешь, подходят!

— Может, все-таки?..

И как бы вопреки прозвучавшей в голосе Усова надежде где-то вдалеке бухнул выстрел. Раскатистое эхо разнесло его по полям. На миг наступила звенящая тишина, и тут же ее вспороли пулеметные очереди. Загремело справа, слева, в центре. В треск пулеметов ворвались густые орудийные раскаты.

— Что это?— прошептал Усов, с ужасом прислушиваясь к канонаде.

— Война, дорогой,— отозвался Шарипов, и лицо его побелело.— Это война!

В следующий миг оба сорвались с места и бросились к казарме.

— Застава, в ружье!— скомандовал Усов, вбегая в комнату дежурного.

Но пограничники, расхватывая оружие, уже выскакивали из спальных помещений во двор и строились, как обычно, в две шеренги. Старшина торопливо раздавал патроны и гранаты. Было четыре часа утра!..

Дежурный доложил, что в ответ на его сообщение о случившемся из комендатуры ответили: обстановка на других заставах аналогична — фашисты перешли границу Советского Союза. Приказано держаться до подхода частей регулярной Красной Армии.

С правого фланга прибежал пограничник. На голове окровавленная повязка.

— За подмогой я, товарищ лейтенант!— закричал он.— Двое убиты, остальные пока держатся.

— Спокойно, дорогой,— попытался успокоить солдата Шарипов.— Немцев много?

— Тьма. Прут стеной. С танками!

— А точнее?— требовательно спросил Усов.

— Старший наряда сказал: не меньше роты.

Усов с Шариповым переглянулись. Оба подумали: если в центре и на левом фланге фашистов столько же, то на них движется по меньшей мере усиленный батальон.

Вскоре выяснилось: пограничники ведут бой у самого КПП. Но силы их тают с каждой минутой— слишком большое преимущество у врага.

Лейтенант наконец принял решение. Посылать на помощь людей к границе не имеет смысла. Наоборот, следует собрать людей в кулак и организовать возле заставы оборону. У них для этого все подготовлено: казармы и строения на территории опоясаны траншеей, отрытой в полный профиль. Она проходила с северо-востока на юго-запад и упиралась в высоту 99.4.

— Надо что-то делать, командир,— нетерпеливо сказал политрук.

— Правильно, Саша. Сейчас прикажу дать сигнал,— и он рассказал о своем плане.

Предчувствуя надвигающиеся события, Усов недавно установил сигнал общего сбора — серию желтых ракет. Вот сейчас-то он и должен был собрать людей...

Пограничники расположились в траншее. На флангах установили два станковых пулемета, в центре — два ручных, что составляло всю имеющуюся в наличии огневую силу. Старшина раздал гранаты — по нескольку десятков на бойца. Политрук ушел на левый фланг траншеи к высоте 99.4. Усов остался на правом, на КП. Связь договорились поддерживать по телефону.

Прощаясь с политруком, Усов вдруг вспомнил:

— А как же твоя семья, Саша? Ну-ка, запрягай бричку и отправляй немедленно в Сопоцкин. В райцентре, наверное, женщин и детей эвакуируют.

— Жена не хочет,— смутился Шарипов.— Говорит медицинской сестрой будет.

— С ума сошла, и ты вместе с ней. А дочь? Олечка?.. Отправить немедленно. Это приказ. Понял?..

Жена и дочь Шарипова покинули заставу лишь в

полдень, когда фашисты уже почти окружили ее. Выехали они по дороге на Гродно. Впоследствии Ольга Александровна Шарипова, единственный оставшийся в живых свидетель боя на заставе, будет участвовать в раскопках, дважды проводимых тут Гродненским государственным историко-археологическим музеем, и поможет восстановить истинную картину героизма пограничников, принявших на себя жестокий удар фашистов в первый день Великой Отечественной войны...

Решение начальника заставы в штабе отряда одобрили, но в помощи отказали. Разъяснили: фашисты начали боевые действия по всему участку границы. Чтобы остановить внезапное нападение врага, силы нужны везде, а их близ границы негусто. Задача — держаться до последнего и нанести врагу как можно больший урон, задержать наступление хоть на три, хоть на два часа. Время — вот что сейчас главное.

Усов взглянул на часы. Было около шести. Сто десять минут они уже выиграли, ведя бой у границы. Молодцы дозорные, крепко держатся. Из «секретов» на местности вымерено расстояние до каждой кочки, стрелять же пограничники умеют!

Было семь с четвертью, когда остатки пограничного дозора с боем отошли к заставе. Последней прибыла группа из трех человек, вместо убитого младшего командира возглавляемая поваром Ивановым.

— Так что прибыли, товарищ лейтенант,— доложил он.— Пощипали малость фашистов. Наши потери: один погиб, двоих чуток зацепило, но остались в строю. Повоюют еще.

Он расположился в траншее по-хозяйски, приладил винтовку на бруствер, деловито разложил патроны. Делал солдат все неторопливо, основательно, словно занимался будничной работой.

Вскоре показались фашисты. Они шли цепью, не таясь, в полный рост. Усов приказал огонь без команды не открывать. Требовалась немалая выдержка для этого, а откуда она у молодых пограничников, учившихся стрелять по мишеням? Когда враг идет стеной, ведя хоть и беспорядочный, но плотный огонь из автоматов, чувствуешь себя беззащитным. Так и хочется нажать на спусковой крючок и стрелять, стрелять... Вот остается триста метров, двести. Иванов поворачивает к Усову побагровевшее лицо. В глазах мольба, руки так стисну-

ли цевье винтовки, что кажется, оно сейчас переломится.

Но Усов — профессиональный военный. И хоть боевого опыта нет, знает: чем внезапнее и точнее огневой удар, тем действенней. В руках у лейтенанта снайперская винтовка. Оптический прицел поможет выбрать наиболее важную цель. Усов ловит в перекрестие офицера в фуражке с высокой тульей, идущего позади цепи, и, скомандовав «Огонь!», плавно нажимает на спусковой крючок. Видит, как офицер падает. На противника обрушивается огонь пограничников. По инерции цепь еще несколько мгновений движется вперед, потом вздрагивает, замирает и, повернув, бежит обратно, устилая поле трупами.

— Лихо мы их, товарищ командир!— кричит Иванов.

По рядам пограничников пробегает оживление. Успех воодушевил. Но наступившая тишина, совсем недавно естественная, сейчас кажется зловещей, и нервы бойцов напрягаются. Издали доносятся слабые отзвуки канонады.

Прислушиваясь, Усов почему-то вспомнил отца... Они встречались год назад, когда он ездил в родной Никополь. Отец, кадровый рабочий, еще в первую мировую войну был на фронте и дрался с немцами. «Не оставят фашисты агрессивных планов, сынок,— говорил.— В Испании это только проба сил. Вот увидишь!..» Сбылось батино предсказание.

Тишина оказалась недолгой и оборвалась громом артиллерийских залпов. Снаряды начали рваться на заставе. Загорелись казарма, один из командирских домиков, склад. Старшина бросился было тушить пожар, но Усов приказал вернуться в траншею. Имущество уже не спасти, подвергать же людей риску не имело смысла.

Один снаряд разорвался рядом. Усова швырнуло на дно траншеи. Увидел: от плеча к локтю сбегает кровь.

— До свадьбы заживет, товарищ лейтенант,— утешал санинструктор, перетягивая рану, — легко отделались.

Фашисты снова начали атаку. На сей раз они устремились бегом, надеясь прорваться в траншею. Но пулеметы, ударившие с флангов, заставили гитлеровцев залечь.

Прибежал посыльный от Шарипова. Он сообщил,

что пограничники на левом фланге держатся, по дороге на Ковель прошла большая группа танков.

«Значит, решили, что с нами они справятся без машин»,— подумал Усов и зло усмехнулся.

— Как Шарипов?— спросил у посыльного.

— Ранен малость.

— Куда?

— Осколком в бок,— чуть помявшись, ответил посыльный (видно, политрук не велел говорить о ранении).— Да он ничего, смеется. Говорит: малокалиберный осколок, мол, достался. Такой, шутит, для кошки в самый раз, для джигита — пустяк...

Усов невесело усмехнулся: Шарипов даже в такой трагической ситуации был верен себе...

Подошел старшина заставы, вытирая пот со лба, устало прислонился к стенке окопа.

— Товарищ лейтенант, в строю осталось шестнадцать,— сказал.— В крайнем домике шестеро раненых. Просят дать оружие, чтоб, значит, в случае чего не голыми руками гадов встретить.

— Дали?

— Две винтовки оставил да револьвер свой,— ответил старшина.— Больше нет... С патронами худо. Для хорошего боя и на полчаса не хватит.

— Передайте по цепи,— распорядился Усов, — стрелять только наверняка!

Старшина отправился исполнять приказ, и тут рвануло совсем рядом, вроде негромко так, но осколки густо брызнули по траншее. Старшина, даже не охнув, упал навзничь. Усов подскочил к нему и сразу понял, что тот уже в помощи не нуждается. Решил пройти по траншее, проверить, как остальные. Сделав шаг, почувствовал нестерпимую боль в ноге: из колена текла кровь. Перетянув ногу бинтом, лейтенант, прихрамывая, направился к пулеметчикам. Они лежали рядом, будто устроились на отдых. Открытые глаза безжизненно устремлены в бездонную синь...

«Вечный у вас привал, ребята»,— с горечью подумал Усов и стянул с головы фуражку. Теперь их оставалось тринадцать...

Наступил полдень. Бой шел уже восемь часов, и Усов подумал, что если каждая застава дерется так же, как они, должно хватить времени, чтобы подтянуть к границе основные силы.

Он собрался лечь за «максим», сиротливо стоявший на бруствере, но его опередил Иванов, вынырнувший откуда-то из бокового хода.

— Разрешите мне, товарищ командир? — попросил он.

— А сможешь?— спросил Усов и поморщился. Боль в плече и колене донимала все сильнее.

— Не сомневайтесь, товарищ лейтенант,— пробасил Иванов.— «Максим» — не кастрюля, однако управлюсь. Я же пограничник.

Усов через силу улыбнулся. «Мировые у нас ребята,— подумал.— Жаль — мало осталось».

Со стороны большака, проходившего на Гродно, послышался гул моторов. Он нарастал, ширился, затопляя остальные звуки.

— Никак танки?— насторожился Иванов.

— Они самые,— хмуро подтвердил Усов.

Видно, фашисты решили бросить на непокорную заставу бронированные машины, а у них даже противотанковых гранат раз-два и обчелся.

— Так это ж здорово!— воскликнул Иванов. — Немцы надеялись с заставой походя справиться, а мы фигу показали. Что ж, пусть попробуют броней!..

Что-то сильно толкнуло Усова в грудь. Перед глазами все поплыло. Тело стало свинцовым. Лейтенант попытался за что-нибудь ухватиться, но пальцы скользнули по брустверу, и он сполз на дно траншеи. Сколько пролежал там — не помнил. Очнулся, когда его кто-то тряс за плечо, и увидел склонившегося над ним Иванова.

— Живы, товарищ лейтенант?— встревоженно спросил он.

— Как видишь,— с трудом шевеля непослушными губами, прошептал Усов.— Что со мной?

— В грудь вас, навылет... Да я уже перевязал. Ну и бок чуть зацепило.

— Помоги подняться.

— Лежали бы, товарищ лейтенант. А то кровь из ран опять хлынет.

Не слушая уговоров, Усов с помощью бойца встал. Перед ним все качалось, плыло. Собравшись с силами, он попросил пограничника подать винтовку. Иванов сделал это с каким-то сомнением. Не очень-то верилось, что четырежды раненный начальник заставы смо-

жет стрелять. Усов же, ощутив в руках снайперскую винтовку, почувствовал себя уверенней.

— Что фашисты?— спросил он.

— Мы тут, пока вы в себя приходили, еще одну атаку отбили и танк подорвали,— радостно сообщил Иванов.

Послышались торопливые шаги. Из-за поворота выбежал боец без головного убора, в изорванной гимнастерке. Лицо серое, глаза ввалились, в руках зажата винтовка.

— Товарищ лейтенант, вы тут!— чуть не плача, воскликнул паренек.— А мы-то уж думали...

— Где Шарипов?— спросил лейтенант.

— Нет политрука,— пограничник опустил голову.— Троих гадов заколол и сам... Фашисты высоту взяли. Вдвоем мы остались. Коновод за мной движется, в ногу ранен...

Донесся нарастающий гул танковых двигателей. Из леса показались две машины с крестами на броне. За ними следом шла плотная цепь солдат в мышиных мундирах.

«Вот и все,— подумал Усов.— Этой атаки уже не сдержать». И тут его осенило: «А дот! Ведь позади заставы метрах в двухстах с небольшим — дот. Вот где можно продержаться еще какое-то время».

— Послушай, Иванов,— сказал Усов.— Забирай людей и добирайтесь до дота. Продержитесь в нем до прихода наших. А я постараюсь приостановить фашистов.

— Как же мы вас бросим, товарищ лейтенант?— возмутился Иванов.— Не будет этого!

— Отставить, Иванов,— прервал его лейтенант и, помолчав, тихо добавил:— Не жилец я, сам понимаешь. Нам, солдатам, ни к чему слова тратить. Бери команду на себя... И поставьте рядом со мной пулемет.

Цепь немецких солдат приближалась. Усов дал по ней несколько очередей из «максима». Фашисты замешкались, но тут пулемет захлебнулся и смолк — лента была пуста. Лейтенант поискал глазами — запасных лент не было. «Жаль,— подумал он и оглянулся.— Успеют ли ребята добежать до дота?..»

Усов так и не узнал, что оставшаяся в живых группа пограничников заняла дот и, отвергнув все посулы фашистов, сражалась до последнего. Немцы ничего не смогли с ними сделать в открытом бою. Тогда они под-

везли специальную установку и пустили в дот газ. Пограничники крохотного непобежденного гарнизона погибли, но не сдались. Случилось это двадцать седьмого июня. На пять дней фашисты были задержаны отважными пограничниками на рубеже, который им доверила охранять Родина. А расскажет об этом специальной следственной комиссии единственный оставшийся в живых свидетель героической борьбы защитников границы житель близлежащего села Иван Колибин.

И еще никогда не узнает Виктор Михайлович Усов, что за свой подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 года ему посмертно присвоят звание Героя Советского Союза, а застава, на которой он служил, будет вечно носить его имя...

...Фашисты приближались. Все постройки на заставе сметены огнем артиллерии, лишь груда развалин дымилась. Усов истекал кровью, сознание заволакивала мутная пелена. Но у него хватило сил дотянуться до снайперской винтовки. В магазине оставалось три патрона, и Усов подумал, что еще трое врагов найдут себе здесь могилу. Однако передернуть затвор уже не успел. Ужалила еще одна пуля. На сей раз — в голову. Последнее, что увидел пограничник, была земля. Не та, изрытая снарядами, обуглившаяся за несколько часов. Другая — прежняя земля, зеленеющая каждой травинкой, каждым деревцем. А над ней распростерлось прекрасное, без конца и края, небо Родины.

ЧЕРТОВ ФИОРД

Поезд шел на юг, и тундра постепенно меняла свой облик. На покрытых зеленовато-фиолетовым ягелем сопках, окружавших озябшие озера, появились заросли осоки, чахлые кустарники, сбегающие по склонам карликовые березки, а следом — хвойное редколесье. Вначале хилое, оно постепенно разрасталось, шло вширь, вытесняя мхи и лишайники, пока не превратилось в сплошную тайгу. К полотну железной дороги подступили могучие ели, сосны, заросли раскидистой ольхи. И вода в озерах, мелькавших по-прежнему то тут, то там, поголубела, засеребрилась. Заметно потеплело, и солдаты распахнули двери прокуренных теплушек, в которых возвращались из Заполярья. Совсем недавно отгремели последние залпы войны.

Отблески заката догорали над сопками, на тайгу ложилась июньская ночь, и вместе со свежим ветром в вагон врывался хмельной аромат хвои и разнотравья. Бойцы, привыкшие к запаху пороховой гари, жадно вдыхали его.

— Благодать!— послышался голос стоявшего у двери солдата.— Неужто все кончилось и можно ни о чем не думать?

— Ошибаешься, браток,— раздумчиво отозвался лежавший на нарах немолодой моряк в порыжевшем от времени, видавшем виды бушлате.— Память — куда ж от нее денешься?

Демобилизованные, кто лежа на жестких деревянных нарах, кто пристроившись на корточках у раскрытых дверей, негромко разговаривали. Уже совсем стемнело, зажгли огарок свечи в фонаре, свисающем с потолка. В дрожащем свете лица бойцов казались сумрачными, беспокойными.

— Хотите, расскажу байку?— спросил моряк, подкручивая небольшие щегольские усики, выразительно торчавшие на его узком задубелом лице.

— Давай, главстаршина! Дорога длинная, будем коротать!..— отозвался кто-то.

— Слышали вы что-нибудь о Чертовом фиорде?— спросил моряк и, не дождавшись ответа, заметил:— Хотя откуда? На картах названия такого не найдете. Потому как это мы, флотские, меж собой так его прозвали. И не зря, между прочим.

Главстаршина сделал выразительную паузу, ожидая, что кто-нибудь спросит, в чем же тут, собственно, дело. Но никто не спросил, однако в глазах у многих был заметен интерес.

— Так вот, братцы,— продолжал моряк,— попасть в этот самый Чертов фиорд кораблю никак нельзя, ни большому, ни малому...

— Даже в высокий прилив?

— Дело в том,— снисходительно пояснил старшина,— что вход в залив загораживает едва прикрытый водой подводный камень. Сам не видел, врать не стану, но знающие люди говорят: когда штормяга завернет, подводный камень тот запросто увидеть можно, из волн высовывается. Но не приведи бог кораблю на него напороться — в миг разгрохает. Немало посудин, рассказывают, нашли себе там могилу. Так что капитаны от греха подальше то проклятое место стороной всегда обходят...

Фонарь с надтреснутым стеклом мерно покачивался под потолком теплушки. В такт перестуку колес подрагивало пламя оплывшего огарка. Отражение его прыгало в больших темных глазах моряка и делало их лукавыми. А усмешка, трогавшая губы, казалась загадочной.

— Но...— главстаршина широко улыбнулся и закончил фразу: — нашелся все же смельчак...

Он снова выжидательно умолк, явно интригуя слушателей. Тихо поскрипывал старенький, потрудившийся за войну вагон. С верхней полки доносилось похрапывание двух сержантов-артиллеристов, уснувших еще засветло. Остальные молчали, с нетерпением ожидая продолжения истории.

— Да не тяни ты,— поторопил кто-то.

Моряк удовлетворенно крякнул и повел рассказ дальше:

— В самом конце войны это случилось. Один из наших сторожевиков выполнил боевое задание и возвращался в базу. Корабль был изрядно потрепан, в борту пробоина, затянутая пластырем. Часть рубки снесена — только-только до места и добраться. А тут, как на грех,— фашистский эсминец идет параллельным курсом. Вот невезуха!.. Сами понимаете, против двух легких пушечек да пары пулеметов только орудий среднего калибра шесть, не считая крупнокалиберных пулеметов. Их тоже, между нами говоря, восемь. Это же сила! И не уйдешь: у эсминца скорость на десять узлов больше.

— Дела-а!..— выдохнул кто-то.

Главстаршина поднял голову, нашел глазами ефрейтора в сбитой на затылок пилотке.

— Вот тебе и дела, пехота,— отозвался моряк.— Это не на сухопутье воевать, где и драпануть при нужде можно. А у нас или—или, середки нет!

— Не отвлекайся, — подтолкнул его под локоть сосед.— Что дальше-то было?

Главстаршина покосился на него и недоуменно спросил:

— Да разве могло быть иное решение, чем принять бой? Фашисты, конечно, предложили сдаться, но командир корабля ответил: черта лысого...

— Кто командир-то был?

— Не все ли равно?— поморщился моряк. Он, видно, не любил, чтобы перебивали.— Фамилию слыхал, да запамятовал. Важен факт: командир был геройский. Одних орденов Красного Знамени четыре имел!— потряс он для пущей убедительности поднятым кверху указательным пальцем.

Моряк замолчал, выразительным жестом подпер го-

лову жилистой рукой и задумчиво поглядел в дверной проем вагона.

Пауза затянулась. И кто-то нетерпеливо толкнул моряка в бок.

— А дальше-то что, сказывай!

Но моряк не отозвался, неторопливо вытащил кисет, скрутил цигарку и, лишь закурив, продолжил рассказ:

— Фашисты никак не ожидали подобной дерзости от русских, уж больно явным было их преимущество. А наши, знай себе, отстреливаются из пушек и пулеметов. Мачту у фашистов сбили, шлюпку снесли. Ну, они тут же опомнились и обрушили на сторожевик десятки снарядов. Загорелась рубка. Разбило кормовое орудие. Твиндек разворотило... Сторожевик, маневрируя, отходил к берегу. В это время ветер поднялся. Волна покатилась по палубе. Рулевого убило, командир сам к штурвалу встал. Снаряды кончились, последняя пушка замолчала, только пулеметы еще татакают, да и то изредка. Фашисты подумали: теперь-то не уйдет пограничная посудинка,— и скорость прибавили. Наверняка хотели сторожевик к скалистым берегам прижать и хоть кого-нибудь из моряков в плен взять. А наши, делать нечего, отходят... И вдруг видят братишки среди скал узкий вход в бухту. Обрадовались. Ан глядь, над кипящей водой меж двух волн выглянули каменные зубы. Чертов фиорд!.. Вперед ходу нет — рифы. Слева и справа — скалы. А сзади — враг!

Главстаршина обвел затаивших дыхание слушателей взволнованным взглядом.

— Но наши ребята не сдались!— отрывисто, точно отрубая, сказал главстаршина.— Командир корабля принял отчаянное решение: помирать, так с музыкой, и побольше врагов за собой на дно прихватить. Подпустил он фашистский корабль поближе, там уже радоваться начали. А он вдруг командует: «Полный вперед!» Рванулся сторожевик и ушел из-под носа эсминца. Рассвирепели немцы: такая добыча от них уходит. Ну и ринулись следом. А нашим только того и нужно было. Командир, говорят, первым «Варяга» запел, за ним все песню подхватили. Так и шел сторожевик на каменные зубцы — гордый, непокоренный... И вот тут,— обвел моряк торжествующим взглядом слушателей, — произошло чудо. Море внезапно вспенилось, камни под воду уш-

ли. Высокая волна подхватила корабль и плавно перебросила через опасное место.

— А немцы? Немцы-то как?— быстро спросил молоденький пехотинец.

— Нашел о чем спрашивать,— с деланным равнодушием ответил рассказчик.— От фашистов даже памятки не осталось. Осадочка-то знаешь какая у эсминца? Не то что у сторожевика. Вот как бывает,—закончил он назидательно.— Недаром говорят: смелость города берет. Она и моря покоряет!..

Вероятно, я позабыл бы случайно услышанную историю о Чертовом фиорде, больше похожую на легенду, чем на жизненно достоверную ситуацию, не доведись мне значительно позже услышать ее вновь. Но странное дело: история была прежней — то же полярное море, тот же Чертов фиорд,— но, что удивительно, люди и время действия оказались иными. Война давно отошла в прошлое.. На смену фронтовикам на флот пришло новое поколение моряков. Однако расскажу все по порядку.

Как-то отдыхал я в Крыму и заехал на неделю погостить к друзьям в Севастополь. Люди они рабочие, и днем я оставался один. Бродил по городу, осматривал достопримечательности, спускался на пляж.

Однажды утром в погожий денек отправился на взморье, выбрал место, разделся и лег на горячий песок. Волны, шурша галькой, лениво набегали на берег. В прозрачной синеве неба плавали снежные чайки.

— Благодать-то какая!— слышу.

— Да уж с вашими северными краями не сравнишь, — отозвался второй голос.

— Почему с вашими? С нашими!..

Осторожно, чтобы не обратить на себя внимание, оборачиваюсь. Вижу, двое мужчин располагаются на отдых. Один — молодой, широкоплечий, с загорелым скуластым лицом. Другой — много старше, но тоже высокий, стройный, с военной выправкой.

— Ты купайся,— сказал старший,— а я позагораю.

Молодой человек не заставил себя упрашивать, мигом сбросил одежду, попрыгал, разминаясь, и бегом устремился к воде. Старший проводил его теплым взглядом. Мы лежали рядом, слово за слово — разговорились. Оказалось, мои соседи — моряки, капитан 1 ранга и капитан-лейтенант.

Старый моряк понравился сразу. Мужественное, волевое лицо с крупным носом и рубленым подбородком. Синие, чуть поблекшие глаза. Смотрят весело, задорно. Шевелюра густая, пышная, но обильно усыпана сединой.

Через несколько минут я уже знал, что капитан 1 ранга долгое время служил на Севере. Сперва воевал там, потом охранял границу. Но вот подошел срок увольнения в запас, и поселился он в Мурманске. Привык к тем местам. А сюда его пригласили на встречу флотских ветеранов. Капитан-лейтенант тоже пограничник, последние годы был его подчиненным. Сейчас сам командует кораблем и здесь находится в командировке.

Услышав о Севере, я вдруг вспомнил рассказ о Чертовом фиорде. Спросил, не слышал ли о нем капитан 1 ранга. Тот пристально взглянул на меня и едва усмехнулся.

— Интересуетесь подробностями истории с кораблем, которому удалось проскочить в Чертов фиорд?

— Слышал эту легенду. Давненько уже.

— Быстро до вашего брата, газетчика, сведения доходят,— удивился офицер.

— Ничего себе быстро. Потопление немецкого эсминца произошло во время войны. Вы об этом?

— Во время войны?— удивленно уточнил капитан 1 ранга. — Да нет, я имею в виду случившееся совсем недавно. Хотите, расскажу? Только подлинных мест называть не стану. Сами понимаете...

История, как и первая, тоже походила на легенду с определенной долей правды.

Капитан 1 ранга говорил неторопливо, но очень образно, эмоционально. Я слушал его и живо представлял, как все происходило на самом деле.

...Закончив патрулирование границы, сторожевой корабль возвращался в базу. Море было неспокойно. Ветер усиливался, нагоняя волну. Стоя на командирском мостике, старший лейтенант Соколов недовольно хмурился. Барометр не предвещал ничего доброго. Надвигался шторм, а до базы еще несколько часов хода.

При такой погоде Соколов никогда не покидал мостика, хоть командиром был молодым, как, впрочем, и офицером: всего три года назад окончил училище.

Появился посланный радистом матрос.

— Товарищ старший лейтенант, срочное сообщение,— доложил он.

Соколов взял протянутый бланк и прочел: «В квадрате 17—14 границу нарушил неизвестный мотобот. Следует курсом норд-вест. Немедленно выходите в указанный район».

— Лево руля!— скомандовал Соколов несколько громче обычного. Он разволновался, что было вполне естественно: не так уж часто происходят теперь встречи с нарушителями границы.

Корабль шел наперерез волне, а погода все ухудшалась.

— Подходим,— сказал появившийся на мостике лейтенант Карев.

Офицер был высокий и худой. Плащ висел на нем мешковато. В морчастях погранвойск лейтенант не был новичком. Он служил в них срочную, после школы мичманов командовал небольшим катером и лишь недавно, окончив училище, стал штурманом.

И тут неожиданно пришла новая радиограмма: «Мотобот-нарушитель изменил направление, следует к советской территории. Находится в квадрате 18—15. Ускорьте продвижение...»

— Ого!— присвистнул Карев.— Приказывают задержать? Важные, видать, гости пожаловали, раз такое беспокойство вызвали.

— Заставы близко здесь нет,— отозвался Соколов.— И если нарушители высадятся...— Он не закончил фразу и выразительно поглядел на штурмана.

Изменив курс, корабль прибавил ходу и начал сильнее зарываться в волну. Вода с шипением прокатывалась по палубе, густо забрызгивая защитный козырек из оргстекла.

— Слева по носу земля,— доложил сигнальщик.

Приближавшийся берег был скалист, мрачен и пустынен. В бинокль хорошо просматривалась узкая полоска суши, наверняка заливаемая во время прилива высокой волной.

— Судно по курсу!— обрадованно воскликнул сигнальщик.— Вон оно недалеко от берега, товарищ старший лейтенант!..

Соколов посмотрел в указанном направлении, увидел среди волн пляшущую точку. Это и был мотобот нарушителей. Там тоже, конечно, обнаружили подход

пограничников. Мотобот развернулся и стал уходить к берегу.

— Самый полный вперед!— скомандовал Соколов в переговорное устройство и подумал: «Некуда вам, господа, уйти...»

Берег приближался. Угрюмые, серые скалы уходили под воду и только в одном месте расступались, пропуская море в глубь суши. Именно в этот проход внезапно для пограничников и повернул мотобот.

— Куда это они?— спросил Карев.

Соколов тоже был сбит с толку. Он не мог понять действий нарушителей. Они направляются прямо к Чертову фиорду? Неужто нарушители не знают, что вход в бухту закрыт рифами? А может, знают и намеренно...

Наблюдая за мотоботом, Соколов теперь уверовал в замысел нарушителей. Надеясь на неглубокую осадку судна, они намеревались проскочить в Чертов фиорд, куда не мог зайти корабль пограничников.

— Что задумали, прохвосты,— в сердцах проговорил Соколов.

— Им нельзя отказать в смелости,— буркнул Карев.

У обоих мелькнула одна и та же догадка: если мотобот проскочит в залив, а это ему по силам, то может двинуться по реке. Да и по сухопутью можно уйти. Места тут безлюдные: тундра. До ближайшего человеческого жилья несколько десятков километров.

Соколов смотрел вслед мотоботу, нервно покусывая губы. Мысли, одна за другой, проносились в голове. Спустить шлюпку? Не успеют. Дать предупредительный выстрел? Не послушаются. Стрелять по мотоботу пограничники не имеют права. Что же предпринять?..

Глядя на удалявшееся судно, Соколов все еще не мог найти выход. Мотобот тем временем достиг бурлящего переката, на мгновение остановился, словно в нерешительности, и легко проскочил в залив.

«Вот и все!»— отметил про себя Соколов и покосился на стоявшего рядом ссутулившегося Карева.

— Надо искать. Здесь должен быть проход!— сказал лейтенант.

— Откуда ему взяться?— с досадой возразил Соколов и тут же осекся. Внезапно он вспомнил, как командир дивизиона, рассказывая о Чертовом фиорде, тоже о проходе говорил. Левей брать учил, там промежуток между рифами...

Глаза молодых офицеров встретились. Оба поняли, что думают одинаково: риск есть немалый, но иного выхода нет! Соколов еще раз окинул взглядом клокочущий пеной перекат и срывающимся от волнения голосом скомандовал:

— Полный вперед!

Корабль вздрогнул, точно его подстегнули, и стремительно ринулся в Чертов фиорд...

Капитан 1 ранга умолк, увидев выходившего из воды товарища.

— Знакомьтесь,— сказал он весело,— капитан-лейтенант Соколов.

Я был поражен: вот так сюрприз!

— Так это вы прошли в Чертов фиорд? — спросил ошеломленно, когда мы пожали друг другу руки.

Капитан-лейтенант смутился и после паузы подтвердил:

— Было дело. Пришлось пройти... Но я не пионер. Во время войны мой командир проделал то же самое, я лишь последовал его примеру.

Капитан 1 ранга укоризненно посмотрел на своего молодого товарища и потянулся за одеждой. На его парадной тужурке сверкали четыре ордена боевого Красного Знамени.

ЗАСАДА

Никогда не думал Владимир Карачаевский, что судьба забросит так далеко. От родного Грозного до Курил, почитай, более десяти тысяч километров... На чем только их, новобранцев, не везли: машинами и на поезде, пароходом, даже вертолетом. И хоть бы местность, куда приехали, впечатляла, чтоб родным написать: так, мол, и так, кругом непроходимые горы или вековая тайга... А то и смотреть не на что! Островок с кулачок, лежит в океане, как блин,— плоский, унылый, ни единого деревца. Безлюдье, только птицы над водой кружат да изредка на горизонте корабль покажется.

Служба тоже однообразная. Изо дня в день занятия, стрельбы, наряды. Автомат на плечо и — днем, вечером, на рассвете — на патрулирование. Особенно утомительно тянется ночь. Руки деревенеют на ветру, веки слипаются. Идешь по дозорной тропе, всматриваешься в прибрежную полосу... На острове, как всегда — и вчера, и неделю назад,— тишина и спокойствие.

Не такой представлялась Владимиру служба на заставе. Он сам просился в погранвойска и, когда определили, обрадовался. Часовой границы — звучит!

Отец одобрил его выбор. «Не на легкие хлеба

идешь,— сказал.— Граница — дело серьезное. Но Карачаевские всегда были там, где трудно...»

Батя — фронтовик, защищал Сталинград, до Варшавы дошел. Да и теперь на заводе не в последних рядах: знатный токарь, портрет на доске передовиков красуется. Два старших брата уже отслужили. Анатолий был танкистом, награжден несколькими грамотами. Юрий из ракетных войск вернулся с полным набором знаков солдатской доблести. Глядя на них, Владимир решил, что тоже должен себя показать. А как тут отличишься?

Вот уже и лето пролетело. На Курилах оно короткое. В сентябре задул ветер, заштормило на море.

Но однажды в жизнь заставы ворвалась тревога: в наших водах появилась иностранная шхуна. Ее обнаружил пост наблюдения на мысе Дозорном. Застава была поднята в ружье. Из штаба отряда пришел приказ: наблюдать.

Шхуна-нарушительница, подойдя к берегу безымянного островка, расположенного в трех километрах южнее заставы, спустила шлюпку и высадила двоих. Те побродили вдоль кромки прибоя, обошли вокруг заброшенного маяка, проникли внутрь башенки, и через час шхуна ушла в нейтральные воды. На заставе объявили отбой тревоге.

Вечером замполит Винокуров с конспектом в руках сидел у карты в ленинской комнате, готовился к завтрашнему политзанятию... Молодой офицер, на какие-то четыре года старше подчиненных, был не по возрасту серьезен, пунктуален и мудр. Начальник заставы капитан Иванцов, человек самостоятельный и властный, Винокурова ценил высоко и советовался с ним по самым важным вопросам.

Вот и сейчас капитан подсел к замполиту и тихонько спросил:

— Как думаешь, что они там забыли?

Лейтенант сразу понял, что речь конечно же о нарушителях границы... Островок, прозванный пограничниками Маячным, крохотный и голый. Единственная его достопримечательность — полуразрушенный маяк с когда-то белыми, а ныне порыжевшими стенами — одиноко стоял у берега, подслеповато вглядываясь в океан узкими грязными оконцами. В общем, ничего на нем достойного внимания не было и быть не могло...

Винокуров, прищурив близорукие глаза, взглянул на капитана и раздумчиво ответил:

— Вообще-то, Маячный стоит на пути к базе наших сторожевиков. Сейчас туда пришли корабли нового проекта. Если с Маячного запустить боевого пловца...

— Я всегда говорил, что ты великий фантазер. Впрочем, чем черт не шутит... Вдруг «гости» надумают вновь пожаловать?..

— Не исключено.

— Значит, нужно предусмотреть и такой вариант. Будем делать засаду.

— Отправьте меня, командир. На Маячный больше четырех человек брать нельзя, иначе не укроемся. Возьму Карачаевского...

— Молод и зелен. Есть ребята покрепче.

— Молодость — не порок. Пограничник мужает в деле.

— Ладно,— сдался капитан,— будь по-твоему. Только остальных из старослужащих подбери: сержанта Кирюхова, например, и ефрейтора Сидорова — этот, если нужно, из топора суп сварит.

На Маячный высаживались, когда заря едва высветила на востоке небо. Океан еще лежал в чернильной темноте, и волны рокотали глухо и протяжно. Едва пограничники выскочили на берег, как налетел шквал. Мотобот с трудом отвалил от островка.

— Паршивый ветер,— заметил Кирюхов.

Ему можно было верить. Родился и вырос сержант в Южно-Курильске, работал на рыбокомбинате и всю путину, с мая по сентябрь, проводил в океане. Потому и нрав его знал.

Внешне Кирюхов казался неповоротливым, ходил вперевалочку. Трудно было представить, что это лучший в отряде спринтер. Сидоров тоже резвостью особой не отличался. Говорил степенно, двигался неторопливо, как знающий себе цену человек. Оба они были опытными пограничниками и хорошими товарищами.

Пока добрались до маяка, ветер заметно набрал силу. Волны, подстегивая друг друга, с грохотом наваливались на берег... В маячной башне, к общему удовольствию, было сухо. Каменные ступеньки, ведущие к фонарю, растрескались. Металлические перильца, опоя-

сывающие винтовую лестницу, проржавели. Однако внизу, где прежде жил смотритель маяка, было довольно просторно. Сохранились даже остатки мебели: грубо сколоченный топчан, трухлявый стол и два шатающихся от ветхости стула.

Лейтенант Винокуров отправил Сидорова на пост, остальным разрешил отдыхать. Растянувшись на топчане, Кирюхов вскоре сладко захрапел. Лейтенант, пристроившись за столом с толстой тетрадью, начал в ней что-то записывать. Владимир же подошел к окошку и долго вглядывался в океан. Он ждал, что вот сейчас на горизонте возникнут очертания иностранной шхуны... Хотелось первым сообщить об этом командиру.

Но время шло, а ничего не происходило. Пообедали. Опять разбрелись по углам старого маяка. Вот уже и вечер приближается. Разводить костер лейтенант Винокуров не разрешил, поэтому всухомятку сжевали ужин.

Погода постепенно ухудшалась. Волны, ударяясь в прибрежные камни, сотрясали старый маяк. И все же ночь прошла спокойно. Было ясно, что при таком волнении вряд ли кто-нибудь рискнет выйти из бухты, тем более высаживаться на плоский островок.

Утром к Маячному попытался подойти мотобот. Но снять пограничников не удалось. Волны с бешеной силой накатывались на берег, вал за валом — один выше другого. Все звуки тонули в неистовом, ни на мгновение не смолкавшем грохоте. Владимиру становилось не по себе, и тогда он, чтобы обрести уверенность, всматривался в спокойные лица товарищей.

К вечеру четвертого дня кончились продукты. Пограничники по-братски разделили последние сухари. Впрочем, голода пока не испытывали. Зато подкрался другой враг — жажда. Мучительно видеть вокруг себя столько воды и не иметь возможности хлебнуть хоть глоток!

Сильнее всех от жажды страдал сержант Кирюхов. Он давно опорожнил свою флягу и теперь с трудом шевелил растрескавшимися губами. Вечером Владимир увидел, как Кирюхов, пробравшись к куполу маяка, оглянулся, не видит ли кто, и начал слизывать со стекла капли.

Владимир, у которого во фляге оставалось еще немного воды, торопливо отстегнул ее от пояса и протянул Кирюхову. Сержант припал к горлышку губами...

Он ничего не сказал, но взгляд его был красноречивее всяких слов.

Сидоров тоже сник: сидел в углу, зажав уши руками. Лишь у Винокурова, как всегда, было ровное настроение, и, утешая ребят, он философски повторял: «И это пройдет!..»

Так минула еще одна ночь, наступило утро. Больше всего Владимира угнетала бездеятельность. До призыва в армию он работал на заводе слесарем и дома всегда что-то мастерил. На заставе тоже находил себе занятие: то умывальник переоборудовал, то табуретки чинил. К работящим рукам любое дело лепится... А тут сиди сложа руки и, как говорится, жди у моря погоды. Может, попробовать на Маячном воду отыскать?

— Пустая затея,— отмахнулся Кирюхов, когда Владимир предложил отправиться на разведку.

— Брось ерундой заниматься,— присоединился к мнению сержанта Сидоров.— Лучше силы побереги...

Однако замполит неожиданно поддержал молодого пограничника. Попытка — не пытка, сказал...

Выходили из помещения, когда ветер чуть-чуть стихал. Страхуя друг друга веревкой, разгребали наносы морской капусты и долбили землю, благо, на маяке нашлась ржавая кирка и лопата. Работали с перерывами целый день, воду не нашли. Зато обнаружили, что свежие, только что выброшенные волнами на берег, листья морской капусты можно есть. Кислятина, правда, но голод и жажду утоляет.

Шторм начал стихать на шестые сутки. В полдень к Маячному подошел мотобот. Первым с него сошел капитан Иванцов. Он долго жал каждому руку, пытливо вглядываясь в исхудавшие лица.

— Ну, как вы тут жили?— спросил у замполита.

— Нормально, товарищ капитан. Особенно молодец рядовой Карачаевский. Я бы ему за поведение поставил пятерку с плюсом.

— Если уж замполит дает такую высокую оценку, готов поощрить. Выбирай себе награду, солдат.

Возбужденный встречей, покрасневший от похвалы, Владимир, не задумываясь, выпалил:

— Оставьте меня здесь, товарищ капитан! Вы же на смену приехали?..

— Ты очень устал,— возразил Иванцов.— Да и оголодал изрядно. Еще заболеешь...

— Вы обещали поощрить рядового Карачаевского, товарищ командир,— вмешался Винокуров.— Он просит вас разрешить до конца выполнить свой долг!

— Ну что ж, пусть будет так,— согласился Иванцов.— Карачаевский остается. Остальные — на заставу. Всем отдыхать!..

К маяку подошла группа пограничников. Впереди размашисто шагал сержант Егоров, невысокий крепыш с борцовскими плечами. Через месяц у него заканчивается служба, и уедет парень в Москву, чтобы вернуться на завод «Калибр», где его давно уже ждут. Знал Владимир и другое: Егорову трудно расставаться с заставой. Вначале дни считал до конца службы, а теперь привык к Курилам, к товарищам.

— С нами остаешься?— спросил Егоров.

— С вами. Капитан разрешил.

— Правильно. Идем в маяк. Расскажешь, как «развлекались» тут неделю...

Медленно занимался рассвет. Солнце, словно соскучилось по работе, озарило прибрежные отмели, вызолотило притихший океан, выбелило замызганные стены маяка. От утренней прохлады не осталось и следа...

Шхуна появилась внезапно. Она вывернула откуда-то с юга и быстро пошла к острову.

— Вот и гостья пожаловала,— сообщил Иванцов, разглядывая иностранное судно в бинокль.— Спасибо, не заставила себя ждать.

Приблизившись к островку, шхуна остановилась. Прошло полчаса, час. Напряжение пограничников достигло предела, но на палубе не было заметно никакого движения.

— Почему они тянут, товарищ капитан?— шепотом спросил Владимир. У него больше не было сил молчать.

— Что-то им тут не нравится... Дорого бы я дал, чтобы узнать причину.

Через некоторое время шхуна выбрала якорь и, развернувшись, пошла от берега прочь.

— Вот так штука,— удивился Егоров.— Вы что-нибудь понимаете, товарищ капитан?

— У меня такое ощущение, будто их что-то спугнуло,— отозвался капитан.

С наступлением вечера пограничники вышли из маяка. Обшарили каждый камень, каждую пядь земли и ничего подозрительного не обнаружили. Удрученные, все собрались в нижнем помещении маяка. И тут Владимир вспомнил: замок! Он видел его лежащим на камне возле входа в помещение. Замок сняла с петель его группа. Он большущий, амбарный и наверняка был виден издали.

«А он ведь прав», — подумал Иванцов. Нарушители, изучив на острове каждую деталь, очень легко могли в бинокль обнаружить отсутствие замка.

— Спасибо, Владимир,— сказал командир, в знак особого уважения назвав солдата по имени.— Отменный из тебя выйдет пограничник!..

На следующее утро замок приладили на место, но все оказалось впустую: шхуна не появилась.

— Спугнули мы их,— сказал Егоров.— А пуганая ворона...

— Не будем делать преждевременных выводов,— возразил Иванцов.— Наберемся терпения, иного выхода все равно нет...

Наступило девятое с начала засады утро. Шхуна приближалась осторожно, на самом малом ходу. На палубе показались двое. Один стал к штурвалу, другой, одетый в резиновый костюм, спрыгнул в воду и двинулся к песчаной косе.

— Приготовиться!— шепотом скомандовал Иванцов и расстегнул кобуру пистолета.

Владимир, последовав примеру начальника заставы, снял затвор автомата с предохранителя. Позже он честно рассказывал новичкам, как было ему страшно. Но в этот момент никому бы не признался. Команда «Вперед!» сорвала Владимира с места.

Распахнув дверь маяка, пограничники выскочили наружу и бросились наперерез выходящему из воды нарушителю.

На шхуне лихорадочно заработал мотор. Послышались восклицания, грохот выбираемой якорной цепи. На бегу закинув за спину автомат, Владимир бросился в ледяную воду. Волна подхватила его и понесла вперед. Только бы успеть! Только не упустить! Еще несколько рывков — и он у борта шхуны. Схватившись за свисающий канат, Владимир ящерицей скользнул на палубу.

— Стой! Назад!— крикнул пограничник, увидев бежавших к нему людей с тесаками в руках.

— Ни с места!— раздался грозный окрик с берега.

Вдоль кромки прибоя стояли пограничники с автоматами наизготовку. Нарушители покорно подняли руки...

Оставив Егорова охранять задержанных, Иванцов позвал Владимира и спустился в трюм. Рядом с трапом стоял ящик с откинутой крышкой. В нем были аккуратно сложены резиновые маски, бахилы и костюмы для подводного плавания.

— Гляди, Владимир, и запоминай. Это снаряжение боевых пловцов,— сказал капитан взволнованно.— Значит, не зря ты тут с товарищами провел эти дни. Я рад, что разрешил тебе остаться на Маячном...

— И я... Знаете, товарищ капитан, только сейчас я по-настоящему начал понимать, что такое охрана границы Родины.

ЧЕРЕЗ РИФОВЫЙ БАРЬЕР

Мичман Пенкин никак не походил на боцмана пограничного корабля. Ни вида, ни командирского голоса, ни усов. А что за боцман без усов? Маленький, худющий. Пройдет мимо — не заметишь. Разве только глаза. Они у него большие, иссиня-черные. И не поймешь, то ли приморское солнце озорничает в них, то ли глаза сами изменчивы, как море. А что? Разве вы не знаете, как меняется Черное море? Сначала оно голубое с ярким серебром. Потом синее с золотом. Чуть позже ультрамариновое с кипящими гребнями. А перед штормом становится темно-серым, угрюмым. И наконец — зловеще-коричневым... Вот такие же глаза у Пенкина.

А его биография? Она известна. Не в мировом масштабе, конечно. И даже не во всесоюзном. Но вот в Одессе... Перед войной не было на Дерибасовской ни одного пацана, который не знал, кто такой Мишка Пенкин. Ну, может, не на Дерибасовской, так на Молдаванке таких пацанов точно не было. Свидетелей тому много, хоть и бегали они в то время в коротких штанах. Можете верить. Да и как было не знать Пенкина, если на каждом этаже каждого дома непременно жил мальчишка, с утра до ночи пропадавший на водной станции. А чтоб ребята не знали перворазрядников по плаванию?

Если кто-нибудь и понял с детства, что такое слава, так это он, Мишка Пенкин с Первого спуска.

И в школе не было певца лучше, чем он. Какие серенады выдавал Мишка со своей командой под балконами девушек! Правда, случалось, на кудри солиста изливалась не только изысканная одесская речь. Но это уже детали...

Сурова пограничная служба. Со всякой нечистью дело приходится иметь. Так что людям порой, кроме слов в приказном тоне, необходимо разрядку дать. И мичман это понимает. У него особый нюх на настроение людей. Как носы повесили — Пенкин тут как тут. Это он называет «размагничиванием». Побалагурит, понасмешничает, и снова у ребят настроение на высшем уровне.

Матросы боцмана уважают. А за что? Четверть века на флоте плюс два года войны, грудь в медалях, орден Славы III степени сияет — это вам не шуточки! Вообще-то Пенкин строг, службу правит по всем законам. И братва, сказать по секрету, его немного побаивается, даром что ростом мал. Особенно опасается боцмана старшина 2-й статьи Минаев. У него с мичманом как-то сразу установились, мягко говоря, натянутые отношения.

Есть за Минаевым грешок: скуповат парень. Сидит в нем собственническая жилка. Мать присылает сыночку немудреную деревенскую снедь: сало, колбасу самодельную, варенье да мед. Минаев ни с кем не делится, душа его противится коллективу. Уносит он обычно присланное в баталерку и по воскресеньям позволяет себе вкусную добавку к довольно однообразному рациону. Пенкин же по натуре коллективист. Потому никогда не упускает случая отметить во всеуслышание «компанейскую» натуру Минаева. А язык у Пенкина, что бритва.

Кстати, скупость — не самый главный недостаток старшины 2-й статьи. Ребята заметили и кое-что другое. Минаев, опять-таки мягко говоря,— парень не из храброго десятка. Как-то корабль при патрулировании границы попал в шторм. Океан словно взбесился. Волнами стало срывать носовую шлюпку. Все, кто был свободен от вахты, бросились к шлюпке, чтобы закрепить ее. А Минаев... Мичман, заметив, что тот «задержался», ничего тогда по этому поводу не сказал, но по-

смотрел на матроса так, что тот даже ростом меньше стал.

Однажды корабль шел к границе на патрулирование. Свободные от вахты матросы по заданию старпома перебирали и чистили боезапас на верхней палубе. Климат на Камчатке влажный, для растительности очень благоприятный. Потому металлические части на корабле в этом «цветущем крае» особенно пышно покрываются плесенью да ржавыми «гвоздиками».

Боцманская команда первой закончила свою часть работы. Пенкин разрешил перекур и достал знаменитую трубку с головой Мефистофеля — ни у кого такой не было.

Море будто замерло. От недавнего шторма не осталось и следа. Перед кораблем лежала ровная, без единой морщинки, водная гладь. Казалось, впереди не вода, а лед искрится, сверкает. За кормой мягко опадает бурун. Белоснежный, пенистый, он слегка подрагивает, точно кисея на ветру. Солнце касается горизонта, и вода рыжеет. А бурун за кормой по-прежнему бел. И не оторвать от него взгляда.

Если бы кто заглянул в этот момент Пенкину в лицо, то понял, что глаза у мичмана бывают и грустными. Никто прежде не замечал в нем этой задумчивости. Видно, таился моряк, не позволял тоске своей на люди показаться.

На полубаке в тот вечер не слышно было привычных шуток. Курили молча. Матросы знали, что дело предстояло нешуточное. Контрабандная шхуна, а после войны их развелось немало, уже побывала в советских водах и доставила «товар». Обычно такие шхуны были хорошо вооружены, действовали нагло. Так что встреча с контрабандистами радости не предвещала. Оттого и было тихо на палубе. Матросы сидели хмурые, каждый думал о своем. И только команда Минаева все еще не закончила своей работы.

— Хороши товарищи,— раздался голос старшины 2-й статьи.— Могли бы и пособить взамен «травли»...

Пенкин мгновенно стряхнул оцепенение и живо повернулся в его сторону:

— Значит, вы, Минаев, признаете на корабле наличие коллектива?

Минаев спохватился. Он сразу же пожалел, что затеял разговор, но было поздно.

— Михаил Максимович,— примирительно начал он,— товарищ боцман...

Но Пенкин перебил:

— Не стоит плакаться на людях, Минаев. Вы претендуете на помощь товарищей, а труд съесть банку варенья берете целиком на себя. Кто же поверит, что вы устали, если для вас оказалось плевым делом самостоятельно управиться с мамочкиной посылкой?..

— Товарищ боцман, — взмолился старшина 2-й статьи.

Но Пенкин не дал больше сказать ему ни слова, привычно «размагнитил» обстановку:

— А что, ребята, позовет нас Минаев за праздничный стол в честь победы над ржавчиной, если мы ему подсобим?

— Позову, позову... У меня еще много всяких гостинцев осталось,— обрадовался Минаев.

На палубе дружно рассмеялись и, подшучивая над Минаевым, взялись за укладку такелажа.

На полубаке осталось человека четыре. Уже стемнело, стало прохладно. Пенкин долго и сосредоточенно выбивал трубку. Никто не нарушал затянувшегося молчания. Ребята уважали Пенкина и сейчас почувствовали, что в этот вечерний час он вспоминает Одессу. Немало лет миновало с тех пор, как его отец — старый рыбак Максим стоял в толпе таких же, как он, обреченных на гибель, перед немецкой комендатурой. «Взять с собой только самое ценное»,— гласил приказ коменданта. И отец взял с собой фотографию трех сыновей... Об этом Мишка узнал после войны, когда вернулся домой, где каждая улица, каждый камень напоминали ему об отце и братьях. Тогда-то он и остался на сверхсрочную.

Неожиданно Пенкин повернулся и, как бы продолжая разговор, взволнованно сказал:

— Вы зря считаете, что раз мичман войну прошел, так ему встреча с контрабандистами все равно что драка в детстве на Дерибасовской. Нет, други, мне сейчас в схватках с нарушителями бывает тоже страшновато. А почему?.. Из такого пекла вышел живым, а какая-то случайная пуля... Обидно. Но все-таки Пенкин будет стрелять и делать все, что прикажут, и думать, чтоб товарища выручить. В общем, надо быть злым на врага и очень верить в свое бессмертие.

— И вам всегда это удавалось?— спросил кто-то из сидевших с Пенкиным на палубе.

— Представьте себе, всегда. Вы и подумать не можете, — вдруг улыбнулся Пенкин, — какую маму я вспомнил, когда пришел в себя посредине Керченского пролива и увидал корму родного корабля что-то очень высоко над водой.

— Это когда вы на Керчь шли?

— Именно. И заметьте, плыть пришлось только правым «веслом». В левой руке застрял осколок — пальцем не двинешь... Вот тогда я имел такую обстановку, что мог бы напиться морской водицы раз и навсегда. Но заставил себя сообразить: если смогу сейчас за что-нибудь зацепиться и отдохнуть, то еще увижу лермонтовскую Тамань. И только так подумал, как явилась «спасительница»... Ничего особенного, обыкновенная гальваноударная мина. И так я ей понравился, как ни одной девушке в Одессе. Я от нее, она за мной. Такая назойливость... В конце концов я сдался, как последний хлюпик: раскрыл объятия, конечно одной правой рукой, и зажмурился. А она? Нет, она даже не попыталась меня утопить, как таманская контрабандистка — Печорина.

— И долго ты с нею заигрывал?— спросил тот же матрос, невольно улыбаясь.

— До самой Тамани. Потом меня увезли в госпиталь, но говорят, я и в бреду повторял ее имя...— Голос Мишки дрогнул, но он сдержался и глуховато закончил:— Я очень верил, что буду жить. Я очень хотел жить...

Пристально всматриваясь в мичмана, ребята не обнаружили в нем привычной строгости. Наоборот, большие иссиня-черные глаза светились необычно мягко. Такое выражение на его лице кое-кто уже видел и знал, что оно появляется, когда он думает о Тане. Достаточно увидеть, как Пенкин смотрит на Таню,— все становится ясно. Мишка, увлекающийся пением с детства, был лучшим баритоном среди ветеранов самодеятельности нашей части. Он и завербовал Таню, работавшую на стройке, в свой ансамбль. Они подружились. Как коллеги. А то, что Мишка однажды поцеловал ее у подъезда, так это от избытка весенних чувств. Надо ж понимать: когда рядом девушка, теплая лунная ночь и есть подъезд,— поцелуй всего-навсего необходимый штрих

к пейзажу. Ну, конечно, если Таня считает, что это только портит пейзаж, он не будет...

— Посудина вроде на горизонте,— неожиданно сказал Пенкин, и в голосе прозвучала тревога.

Глаза у мичмана зоркие, как цейсовский бинокль.

— Справа по носу судно!— закричал и впередсмотрящий.

На корабле прозвучали колокола громкого боя. Все заняли места по боевому расписанию, по приказу командира корабль пошел самым полным. Шхуна тоже прибавила скорость, но через полчаса пограничники уже нагоняли нарушителей. Совсем тихо прозвучала команда:

— Поднять сигнал: остановиться, лечь в дрейф!

Минаев припал к прицелу пулемета. Лицо у него стало бледным и решительным. В напряженной позе угадывалось страстное ожидание. Больше всего на свете ему, наверняка, хотелось втянуть голову в плечи и скатиться в кубрик... Но Минаев сумел пересилить себя и ждал команды, намертво вцепившись руками в рукоятки. Он приготовился к первому в своей жизни бою, может быть, даже к смерти...

Однако приказа стрелять так и не последовало. Шхуна вдруг изменила курс. Вдали показался хорошо знакомый пограничникам остров, вдоль которого проходил рифовый барьер. Расчет нарушителей стал понятен. Шхуна легкая — может проскочить, а пограничному кораблю с его глубокой осадкой ни за что не пройти.

— Смотрите, драпают! — воскликнул Пенкин, решивший, как всегда, разрядить обстановку.— Минаева испугались! Догадались, что он у пулемета лежит и сало припас им на закуску после глотка соленой воды.

Шутка, мягко говоря, была не самой удачной, из разряда тех, о которых в Одессе говорят: «От нее аромат, как от вчерашней рыбы, загоравшей на солнце...» Всем стало как-то неловко.

— Зачем ты так?— упрекнул мичмана кто-то из тех, кто служил с ним еще с войны.

И тут Минаев взорвался. Повернул к Пенкину побагровевшее лицо и срывающимся голосом сказал:

— Не человек ты!.. Ну, ладно, носишь ордена — твоя слава! А другие, выходит, не люди?..

Наступила неловкая пауза. Пенкин смутился и с ви-

новатым видом посмотрел на окружающих, ища сочувствия. Но все сделали вид, что ничего не слышали. Из затруднения боцмана вывел командир.

— Стоп машина!— сказал он.

Двигаться дальше было небезопасно.

Шхуна уже проскочила рифовый барьер и теперь находилась в относительной недосягаемости. Покинуть мелководье она, конечно, не могла, но и пограничникам достать ее нелегко. Вероятно, контрабандисты рассчитывали дождаться ночи и попытаться улизнуть под покровом темноты.

— Надо идти туда на шлюпке, товарищ командир,— заметил Пенкин.— Другого выхода не вижу. Разрешите мне?

— Не возражаю, мичман,— ответил командир.— Возглавишь осмотровую группу. Возьми с собой двух человек.

Перехватив взгляд одного из старшин-фронтовиков, Пенкин выразительно сказал:

— Пойдешь, бери оружие! Контакт у нас с тобой давний. В операции важно без слов друг друга понимать.

И тут — ребята не поверили своим ушам — раздался взволнованный голос Минаева:

— Товарищ капитан-лейтенант, я... я должен идти!

— Вы?— удивился командир.— Почему так решили?

Было очевидно, командир сейчас откажет. Дело весьма рискованное, а старшина 2-й статьи мало того что неопытен, так еще и мичмана, скромно выражаясь, недолюбливает. Но прежде чем командир успел ответить, Пенкин — бывает же такое! — вмешался, и довольно решительно:

— Дайте мне его, товарищ капитан-лейтенант, на весла!

Некоторые с изумлением посмотрели на боцмана. Какая муха того укусила? Лицо Пенкина выражало полнейшее спокойствие. Но это могло обмануть кого угодно, только не тех, кто его хорошо знал. В Мишке, и это было известно его друзьям, сохранилась эдакая мальчишеская удаль и совестливость. Видно, за неудачно высказанную шутку ему было неудобно перед Минаевым и товарищами.

Но еще больше поразился сам Минаев.

— Ты? Меня?.. — только и смог выговорить он.

— Хорошо,— махнул рукой командир, оценив ситуацию. — Действуйте!

...Нарушители заметили шлюпку, засуетились. На шхуне застучал мотор, и она отошла еще дальше в камни. Конечно, не будь рядом пограничного корабля, контрабандисты не вели бы себя так мирно. Но в данной ситуации у них оставался единственный шанс удрать: маневрируя до темноты и сохраняя дистанцию, не дать осмотровой группе высадиться.

— Не уйдут!— усмехнулся Пенкин, глянув на Минаева. Тот не отозвался, только сильнее налег на весла. Ветер заметно свежел. Волны подбрасывали шлюпку, грести становилось все труднее.

Медленно и упорно пограничники приближались к шхуне. Но игра в кошки-мышки продолжалась: контрабандисты снова снялись с якоря и ушли к самому острову, остановившись возле затопленного еще в войну корабля. Теперь их от шлюпки отделяла почти сплошная каменная гряда, обходить которую пришлось бы долго и потому бессмысленно.

— Давайте напрямик, — не очень уверенно предложил Минаев.— Расстояние сократится чуть ли не втрое...

— А вдруг резину на камнях пропорем?— с опаской заметил старшина.— Тогда вплавь догонять придется.

— Вдруг — не вдруг... Попробовать надо,— упрямо повторил Минаев.

— А ведь он прав,— отозвался Пенкин, и в его голосе послышалось одобрение.— Никто, конечно, от жажды из нас не умирает и к купальному сезону морально не готов, но... Авось проскочим! Тут риск не от лихости, а по необходимости.

Пограничники вплотную приблизились к рифам. Огромная волна подхватила шлюпку и с размаху швырнула ее вперед. Послышался скрип. «Ну, все, зацепило!»— подумал Пенкин с тревогой.

Сквозь прорванную резину, пузырясь, пошла вода.

— Вычерпывай!— крикнул Пенкин и, схватив банку, начал лихорадочно работать. Старшина присоединился к нему, вооружившись за неимением лучшего, бескозыркой.

Минаев налегал на весла изо всех сил и, видно, очень устал. До шхуны оставалось метров сто. Нарушители, встревожившись не на шутку, сделали еще одну попытку проскочить мимо, но Пенкин направил шлюпку

наперерез. Старшина же с автоматом в руках пригрозил:

— Стой! Стрелять буду!

Угроза подействовала. Шхуна остановилась, и старшина первым перемахнул через борт. За ним последовал Пенкин.

— Команде собраться на корме! — приказал он.

Навстречу уже спешил шкипер, виновато улыбаясь и кланяясь.

— Не понимай,— бормотал он.

— Ах, не понимаешь? — возмутился Минаев. Закрепив шлюпку у борта, он тоже поднялся на палубу.— А нарушать советскую границу — это ты понимаешь?

— Ладно, Минаев,— добродушно усмехнулся Пенкин, — не расходуй зря свой словарный запас...

Смеркалось. Вода потемнела, волны стали тяжелыми, малоподвижными. Не верилось, что всего лишь несколько минут назад пограничников швыряло из стороны в сторону. И тут вдруг Пенкин сказал:

— Костя, друг, фонарик, надеюсь, сберег? Посигналь-ка нашим: нарушители задержаны, все в порядке!

Это он обращался к Минаеву. В голосе звучали теплые, даже проникновенные нотки. Так говорят только с близкими по духу людьми. И это неудивительно. Потому что Мишка Пенкин всегда был благороден. Он умел признавать свои ошибки, прощать чужие и ценить мужество. Таким его знали на Дерибасовской, ценили на Молдаванке, любили на Первом спуске. Таким он был и на флоте.

ПУТИ-ПЕРЕПУТЬЯ

I

Народу на заставе не густо, каждый человек на учете, и Косте Сорокину, хоть он и водитель, приходится наравне с другими нести на вышке службу часового.

Застава расположилась на склоне. Горы перед ней как на ладони: поднимаются уступами к самым облакам. У подножия теснятся рощицы арчи — так называют здесь можжевельник, кусты облепихи, шиповника и тала. А на прогалинах у речки, что бежит по самой границе,— ковер из желтых, голубых, красных цветов.

Костя к этому зрелищу, как заметили товарищи, «неровно дышит», потому как природа окрест напоминает родное Приамурье. Но горы другие. У подножия округлые, светлые, с ржавыми языками осыпей, они, вздымаясь, постепенно мрачнеют, обнажая каменные ребра, и лишь у вершины венчаются роскошными снежными шапками.

Поначалу горы Костю подавляли. Но, странное дело, чем дольше колесил солдат по Памиру, тем глубже проникался его суровой первозданной красотой. В бесконечных нагромождениях скал и обрывов, в сверкающих ледниках и гранитных перевалах во всем своем величии вставала древнейшая горная страна. Высочайшие в мире пики, закованные в ледяной панцирь, горные

тропы, по которым еще в прошлые тысячелетия шли вьючные караваны из Индии, Китая, Персии...

Костя считал, что ему повезло с местом службы. Никогда по доброй воле он не догадался бы приехать в эти края. Да и много ли увидишь туристом...

Начальник заставы вызвал рядового Сорокина в канцелярию по неотложному делу. Предстояло везти срочный груз.

— Машина готова,— доложил водитель.— Когда ехать?

— Шустрый вы, однако, Сорокин,— улыбнулся начальник заставы.— Но хорошо, что всегда готовы!

Похвалу слушать приятно. Тем более, если воздается по заслугам. Костя — водитель второго класса. Машина в отличном состоянии, ни разу не застряла в пути. Характер, правда, у Кости ершистый, да уж какой есть...

— Выезжать надо немедленно,— сказал капитан.— Необходимо срочно доставить продовольствие на Озерную.

Костя про себя чертыхнулся. Дорога дальняя, но беда не в этом. Проходит она по таким гиблым местам — не обрадуешься «прогулке». Он как-то был на высокогорной заставе. Едва успел добраться, как начался буран. Сейчас вот срочно надо ехать, видно, опять какая-нибудь пакость ребятам грозит. Их то камнепадом отрежет, то осыпью накроет или снегом занесет. Веселое местечко — эта Озерная, хотя многие туда почему-то служить стремятся. Романтики!..

— Старшим машины назначить из старослужащих некого,— сказал начальник заставы.— Все в наряде. Поедешь с Васильковым.

На лице Кости отразилось такое негодование, что капитан вынужден был даже повысить голос:

— Отставить сомнения, Сорокин. Васильков достаточно окреп. С машиной он знаком. В случае чего — поможет.

Васильков был на заставе притчей во языцех. Новичка прислали из долины. Климат оказался там для ефрейтора неподходящим. Парня одолел тутек — так по-местному называют горную болезнь, и его срочно госпитализировали. Выписался Васильков всего несколько дней тому назад... Но делать было нечего. Если начальник заставы что сказал, как гвоздь вбил.

Вышел Костя из кабинета злой. Рейс предстоял серь-

езный, а напарник доброго слова не стоил. Тщедушный, хилый, да еще после болезни. Значит, придется рассчитывать только на свои силы.

Костя отправился в гараж, проверил еще раз машину и подогнал для погрузки к складу. Вскоре видавший виды зисок протарахтел мимо заставы и резво запетлял по горной дороге, уходящей к перевалу. Позади остался шлейф рыжей лессовой пыли.

Васильков сидел в кабине рядом с Костей и с любопытством рассматривал горы. Все вокруг было ему в новинку. Костя попытался втянуть напарника в разговор: все веселее ехать. Да куда там! На вопросы Васильков отвечал односложно и даже как будто нехотя. И Костя обиженно замолчал. Не хочет общаться — не надо. Для шофера одиночество — обычное состояние.

Вид у Василькова был неважный. Лицо бледное, под глазами темные круги. А худющий — гимнастерка висит, как на вешалке.

После поворота дорога пошла вниз. Перевал остался позади. Костя был тут, в долине Мургаба, уже дважды. Дрянное это местечко. Когда в горах начинали таять ледники, речка в долине превращалась чуть ли не в море. Вот и сейчас вода в ней вздулась, фермы моста залиты под самый настил.

Они перебрались на левый берег и поехали по широкой заболоченной пойме. Чуть дальше от реки долина была устлана каменной россыпью, и машина запрыгала по кочкам, то и дело проваливаясь в заполненные мутной водой рытвины. Вместе с фонтанами брызг из-под колес вылетали ошметки грязи. Они со звоном шлепались на капот. А рытвинам не было конца. Дорога становилась все хуже.

— Может, вернемся? — неуверенно спросил Васильков. — Поищем объезд, а то ведь и сесть недолго...

Костя насмешливо взглянул на своего спутника. Недотепа какой-то! Сразу видно, к легким харчам привык. Пограничная служба, родимый, — это тебе не мед.

— Обойдется,— буркнул он, в глубине души понимая, что вообще-то ефрейтор прав. Надо бы остановиться и в самом деле поискать объезд. Но признать это вслух мешало самолюбие. Как-никак он тут старожил, да и водитель опытный. Что подумает Васильков, если он согласится повернуть?..

Колеса начали пробуксовывать. Местами приходи-

лось сдавать назад и с разгона преодолевать заболоченные участки. Костя крутил баранку и мучительно думал: «Когда же этому придет конец?». На Василькова он уже не обращал внимания. Спасибо, тот сидел тихо, как мышь, и советами больше не докучал.

Машина вдруг сделала судорожный рывок, тяжело подпрыгнула и остановилась. Костя нажал газ до отказа, но колеса, вспенивая воду, крутились на месте. Мотор взревел на немыслимо высокой ноте и захлебнулся. В уши хлынула тишина.

«Сели, — подумал Костя. — И, как видно, основательно. — Он украдкой взглянул на Василькова.— Небось злорадствует? Скажет, предупреждал же, вот и результат...»

Однако лицо ефрейтора ничего, кроме огорчения, не выражало. Наоборот, взгляд Василькова был полон сочувствия. Костя нахохлился: не хватало еще, чтоб его пожалели. Открыв дверцу, он выпрыгнул из кабины и погрузился чуть ли не до колен в грязь. С натугой вытягивая сапоги из липкой жижи, водитель обошел машину. Бедняга зисок увяз в болоте по самые оси. Сдвинуть его теперь мог разве что трактор. Но самое обидное — до сухого места оставалось всего-навсего метров двести.

Выбрался из кабины и Васильков. Прошелся вокруг кузова и сокрушенно покачал головой.

— Да-а, загрузли,— протянул жалобно. — И назад не подашь. Если б сразу чуть в сторону взяли... Там грунт, кажется, тверже.

Костя поглядел на напарника с неприязнью. Ишь, любитель после драки кулаками махать... Теперь-то видно, что справа посуше. А что, если лебедку использовать для самовытаскивания? Правда, зацепить не за что...

— Схожу на разведку,— сказал Костя.

Васильков намерился возразить, но Костя не стал его слушать и пошел.... Вода доходила до икр, почва пружинила. Она наверняка могла бы выдержать тяжесть машины.

И тут Костя оступился. Ноги, не находя опоры, заскользили, и он по пояс оказался в воде. Схватился за кочку, но та ушла из-под рук, а от резкого движения Костя погрузился по грудь. «Зыбун»,— подумал с ужасом.

— Помоги-и!— заорал Костя.

От машины к нему бросился Васильков. Костя мгновенно понял, что ефрейтор сейчас тоже попадет в беду, и тогда им обоим крышка. В таких зыбунах в старину целые караваны погибали...

— Не подходи,— крикнул,— провалишься! И не стой, как болванка... Веревка в кузове, черт бы тебя побрал!..

Васильков бросился к машине, с трудом перевалил через борт.

— Быстрей! — орал Костя. — Шевелись!..

Васильков нашел наконец то, что искал. Издав победный клич, он потряс над головой мотком веревки... Размочаленный конец тяжело плюхнул в воду, неподалеку от Кости. Тот попытался ухватить его, не дотянулся и только глубже увяз. На поверхности остались лишь голова и руки.

Васильков смотал веревку и бросил ее снова, на сей раз более удачно: Костя ухватился за конец.

Ефрейтор дернул веревку, поскользнулся, упал. Быстро вскочил. Теперь он потянул веревку более плавно. Чтобы помочь ему, Костя что есть силы зашевелил ногами, извиваясь, как уж, всем телом. Но зыбун держал прочно.

— Сильнее тяни,— прохрипел Костя, с ужасом сознавая, что ефрейтору, едва оправившемуся после болезни, очень трудно будет его вытащить.

Та же мысль мелькнула, очевидно, и у Василькова. Лицо его посуровело. Несколько мгновений маленький ефрейтор стоял неподвижно, дыхание со свистом вырывалось из груди. Наконец он, охрипнув от волнения, решительно сказал:

— А ну, держись! Тащу!..

И столько было твердости в этих словах, что Костя поверил, стиснул намертво конец и напружинился.

Васильков обмотал веревку вокруг пояса, пропустил через плечо и, упершись ногами, медленно потянул ее на себя.

— Двинулся! — сдавленно заорал Костя, еще не осознав до конца, что спасен.

Зыбун нехотно отпускал свою жертву. Он пузырился, шипел, издавал зловоние. Но руки, плечи, грудь Кости были уже свободными, и он помогал Василькову как мог.

Ощутив под ногами твердую землю, Костя, пошатываясь, встал. Голова кружилась, перед глазами все плы-

ло. А Васильков как-то сразу обмяк. Ему было явно не по себе.

— Спасибо, дружище,— тихо проговорил Костя. Сердце его переполнялось благодарностью, но других слов он не нашел. Не умел выражать чувства:— Если бы не ты...

— Ладно,— вздохнул Васильков,— чего уж. Ехать нужно.

Сказал это ефрейтор буднично. Смахнув рукавом пот с лица, он первым двинулся к машине, сиротливо стоявшей посреди болота. Костя поглядел на нее с тоской и подумал: самим отсюда не выбраться. Придется идти в ближайший кишлак просить хотя бы парочку яков. Только где он, тот кишлак? До него топать и топать...

— Может, попробуем подкопать? — неуверенно сказал Костя, понимая, что затея обречена на неудачу.— Брезент снимем, под колеса подстелим, а?

— Зряшная работа,— возразил Васильков,— ничего не получится. Постой, а если...

Он не закончил фразу и пошел вперед, отсчитывая шаги. Дойдя до сухого места, ефрейтор остановился. Обернувшись, взглянул на машину, как бы прикидывая до нее расстояние. Потом возвратился и спросил, до нормы ли накачены баллоны. Странный вопрос. Да какой уважающий себя водитель выедет в рейс со спущенными шинами?

— Ясно до нормы,— ответил Костя.— Всегда перед выездом проверяю. У нас на сей счет строго.

— Придется подспустить,— сказал Васильков и стал отворачивать колпачок на вентиле переднего колеса. Тут же послышалось тихое шипение выходящего из баллона воздуха.

— Что ты делаешь? — возмутился Костя.— С ума сошел! Да я тебе...

— Осади,— строго перебил Васильков.— Сейчас ты только наблюдатель. Работаю я. Понадобишься — скажу.

Косте ничего другого не оставалось, как повиноваться. Тем более, что старший машины — Васильков. И оказался он не таким уж рохлей.

Выпустив часть воздуха, ефрейтор ногой постукал баллон. Очевидно, он показался ему туговатым, так как снова раздался свист выпускаемого воздуха.

Один за другим все четыре баллона были приспу-

щены примерно наполовину. Костя, переодевшийся в сухую одежду, сидел на подножке и наблюдал за ефрейтором с возрастающим изумлением. Он не узнавал его. Куда девались робость и неуверенность? Теперь это был волевой, энергичный парень, знающий, чего добивается. Движения стали скупыми, расчетливыми, лицо посуровело, в облике проступила властность.

«Такой не пропадет,— подумал Костя с невольным уважением.— И другим не даст».

Васильков закончил свою работу и коротко распорядился:

— Садись, Сорокин!

Костя хотел было забраться на свое место, но ефрейтор его остановил.

— За руль сяду я,— сказал тоном, не допускающим возражения, и указал Косте место рядом.

Васильков завел двигатель, прогрел его и осторожно включил первую передачу. Машина дернулась...

«Ничего не выйдет!— не без злорадства подумал Костя.— Ишь, какой изобретатель доморощенный!»

Но к удивлению зисок дернулся еще раз и медленно тронулся с места. Сильнее завыл двигатель. Васильков уверенно прибавил газ. Машина задрожала и, повинуясь водителю, пошла вперед. Позади осталось двадцать метров, пятьдесят, сто... Вскоре они оказались на суше.

— Вот это да!— восхищенно воскликнул Костя. Он готов был расцеловать своего старшого.

А Васильков, заглушив двигатель, тем же будничным тоном, словно все происходящее его не касалось, сказал:

— Давай, Сорокин, работай. Я передохну. Теперь баллоны нужно накачать до нормы.

— Слушай, как ты до такого додумался?— не удержавшись, спросил Костя, энергично работая насосом.— Это ж настоящее открытие!

— Так уж и открытие,— улыбнулся Васильков впервые за всю дорогу.— Это знает каждый шофер. Штука тут нехитрая. Я ведь до призыва в погранвойска на Московском автозаводе трудился. Там как раз разрабатывалась машина с автоматической подкачкой колес. Я, конечно, не конструктор, а слесарь, но присматривался. В таком случае, как наш, имело смысл увеличить сцепление колес с грунтом...

«А он соображает,— подумал Костя.— Батя сказал бы: с таким я бы в разведку пошел...»

II

До призыва в армию за неполные восемнадцать лет Захар Иволгин успел многое повидать. Сперва ездил с отцом, двадцать лет «крутившим баранку». Силен был батя за рулем, ас в своем деле... Брал сына в рейсы, чтоб на каникулах без дела зря не болтался, приучал к профессии. Побывали они в Волгодонске, Ростове-на-Дону, Краснодаре.

В страдную пору водителей в совхозе не хватало, и десятиклассникам, получившим водительские права, доверяли доставлять на элеваторы хлеб.

Городок, куда прибыл Иволгин для прохождения службы, оказался совсем не похожим на виденные прежде. Ни широко раскинувшихся проспектов, ни скверов и площадей с многоэтажными зданиями. Даже штаб погранотряда размещался в небольшом домике. Горбатые улочки, бегущие то вверх, то вниз, нескончаемые глинобитные дувалы. За ними затерявшиеся в садах строения с плоскими крышами. А кругом горы — серые, угрюмые, навевающие тоску.

Впрочем, приспособиться к этому удалось довольно быстро, а вот к тому, что не доверяют... Захар был уверен: в отряде прочтут выданную директором совхоза характеристику, определят к машине и сразу доверят самостоятельное дело. Он ведь уже имеет два года практики. Не то что некоторые, только что окончившие курсы. Этих еще учить и учить, обкатывать... А ему-то зачем?..

Командир взвода прапорщик Шумко, выслушав доводы молодого солдата, широко улыбнулся:

— Шустер ты больно, рядовой Иволгин. Памир — не комфортабельное шоссе, лихачей в дугу гнет. Горы серьезного отношения к себе требуют. Вот походишь в стажерах, погляжу на тебя в деле, авось просьбу уважим...— И увидев, как обиженно поджал губы солдат, многозначительно добавил:— Старайся!..

Так и попал Захар в стажеры. На целых два месяца. Подпускали к рулю только под бдительным оком сержанта. Сидя рядом, тот командовал, где газ сбросить,

где тормоз прижать. Зато драить машину приходилось, что называется, до потери пульса. Уж кажется, все отполирует, в каждую щель залезет, а взводный придет, глянет вполглаза и к чему-нибудь да прицепится.

Наконец настал долгожданный день, когда прапорщик Шумко произнес заветное:

— Сержант рекомендует вас, рядовой Иволгин, на самостоятельную работу. Будем закреплять за вами машину.

Отправились они в гараж. А там чистота, прохлада! Идут мимо стоящих на колодках автомобилей. Краска на капотах тускло поблескивает. Новой резиной, машинным маслом пахнет. До чего знакомые, родные запахи!

А взводный все дальше и дальше идет. Останавливается в углу и так торжественно произносит:

— Вот она, ваша машина, рядовой Иволгин!

Глянул Захар и обмер: стоит перед ним старенький потрепанный зисок — драндулет, да и только. И такое на лице его отразилось разочарование, что взводный поспешил утешить:

— Зря печалишься,— уверяю, самая что ни на есть надежная машина. Сносу ей нет и еще долго не будет. Я сам на этом авто не одну тысчонку отмахал, чего и тебе желаю. Только глаз за механизмами дружеский нужен...

Делать было нечего. Захар уже знал: взводный решений не меняет. Да и с чего ему вдруг их менять? На стареньком зиске тоже надо кому-то работать.

Поначалу у Захара все валилось из рук — так не лежала душа к машине. Потом поездил и увидел: прапорщик-то, оказывается, прав. Машина надежная, в работе безотказна, вынослива, неприхотлива и, если честно, с некоторыми новыми может потягаться.

И вот наконец Захар получил настоящее задание. Потребовалось доставить продукты на одну из самых отдаленных высокогорных застав. Путь был дальний, поэтому машину загрузили на рассвете.

— Маршрут сложный и для вас новый,— сказал солдату перед отправкой в рейс прапорщик Шумко.— Старшим машины поедет сержант Алимов. Он местный, с дороги сбиться не даст.

Пока заправлялись, солнце выглянуло из-за гор. Еще с полчаса потеряли, выбираясь на простор. В городских переулках да закоулках здорово не разгонишься — по-

ворот за поворотом. Только к полудню вышли наконец на трассу.

Захар облегченно вздохнул и, нажав на газ, рванул вперед. Изредка он на всякий случай поглядывал на молчаливого спутника, опасаясь замечаний. Но сержант Алимов в отличие от инструктора не собирался вмешиваться в действия водителя. Откинувшись на спинку сиденья, он сосредоточенно разглядывал окрестности, будто видел их впервые. Медное от загара лицо его с густыми бровями и слегка приплюснутым носом казалось суровым, неприветливым.

— Ты чем-то недоволен, сержант?— не выдержав, спросил Захар.

— Зачем недоволен,— удивился Алимов.

— Почему тогда хмуришься?

— Горы смотрю. Давно не был. В Казахстан ездил учиться.— Он помолчал и восторженно произнес:— Дома хорошо. Горы — красиво!

«Ничего особенного»,— подумал Захар. Среди бесконечного нагромождения гигантских скал он чувствовал себя ничтожной пылинкой. Никакого простора. То ли дело — донские степи. Выйдешь вечером за село и слышишь, как в соседней станице песни поют. Летит она, вольная, без удержу. А дохнет ветерок, принесет издалека пряный горьковатый запах ковыля, прошумит над хатами и умчится к Дону... Ездить там одно удовольствие.

— Природу всякую понимать надо,— продолжал сержант. Он уже догадался, что солдат не разделяет его восторга.— Горы — особенно!.. Давно-давно здесь орлы гнездо вили. Человек недавно пришел...

Сержант снова смолк, теперь надолго. Он вновь погрузился в созерцание.

Погода между тем стала портиться. Небо затянуло тучами, насупились вершины, проступили темные борозды осыпей на посиневших ледниках. На дороге то там, то здесь вспыхивали веера пыли. Забавное это зрелище: подскакивает вдруг с земли тонкая струйка, покрутится, вырастает в облачко. Оно ширится, набухает. И вот уже несется бешено вращающаяся воронка по дороге, цепляясь низом за камни. Остановится, покрутит-покрутит, медленно отползет в сторонку. И вдруг, словно подстегнутая, ринется вперед, ударится о скалу, рассыплется — в воздухе повисает дымная ту-

ча. Ветер ударяет по ней и смахивает в пропасть... Никогда прежде Захар не видел ничего подобного. Картина эта завораживала, но в то же время пробуждала неясное чувство тревоги.

Спуск постепенно становился более пологим. Впереди открылась долина с извилистым руслом давно высохшей реки.

— Кажется, вырвемся сейчас на простор,— с облегчением сказал уставший от напряжения Захар.— И поднажмем. Правильно?..

Алимов не отозвался и только как-то странно поглядел. По его губам скользнула загадочная усмешка, вызвавшая у Захара протест.

— Не согласен, что ли? — с вызовом спросил он.

— Смотреть будем,— неопределенно ответил Алимов. Пока осторожно ехать давай.

— Как скажешь,— согласился Захар, но про себя подумал: «Дал бог проводничка, перестраховщик несчастный. Чего бояться, коли встречного транспорта нет?».

По долине ехали чуть ли не шагом. А километра через три обстановка непредвиденно изменилась. Справа и слева дорогу постепенно стискивали вздымавшиеся все круче и выше скалы. Машина теперь шла по узкой каменной трубе, над которой едва различалась полоска дымно-оранжевого неба. Слева по борту мелькнула горка бесформенных камней. Неподалеку — другая, третья. Захар всмотрелся попристальней и вздрогнул. Это были ребра, позвонки, черепа животных. Сквозь них проросли кустики терескена.

— Что это?— в ужасе прошептал Захар и взглянул на сержанта.

— Бояться не надо,— невозмутимо отозвался сержант.— Караван тут ходил. Давно было. Место гиблое. Долина смерчей — так люди прозвали. Песок верблюда засыпал. Воды нет. Лошадь тоже помирал. Останки видишь?

— В одночасье столько живности погибло?

— Сотни лет туда-сюда шли. Туркестан, Индия, Китай — и обратно.

Ветер, ошалев, вздымал песок и бешено крутил его между скал. Дорога еле просматривалась, и Захар вел машину чуть ли не на ощупь. Он давно закрыл боковое стекло, но от пыли спасения не было. Она набивалась в кабину, словно ее нагнетали насосом, плотным слоем

устлала пол, припудрила обмундирование. Пыль лезла в глаза, скрипела на зубах. Духота стояла невыносимая. Во рту пересохло.

Завывание ветра, натужный рев двигателя, скрип кабины — все слилось в один протяжный гул. От стоящего в ушах звона сводило скулы... Но все эти звуки, еще минуту назад казавшиеся оглушительными, вдруг потонули в потрясшем землю грохоте. Машину рвануло в сторону. Лопнуло, рассыпалось вдребезги лобовое стекло. Захар едва успел прикрыть глаза рукой, как на него посыпался град осколков. Со скалы справа неслась целая лавина камней. Мотор взвизгнул на высокой ноте и замолк.

— Уходи из машины!— крикнул Алимов. На его лбу краснела кровавая царапина.

Захар с трудом открыл дверцу и вывалился из кабины. Схватившись за колесо, медленно встал на ноги. Отворачиваясь от ветра, сделал несколько шагов и увидел: правое колесо и часть радиатора завалены камнями. Крыло погнуто, а от новенькой фары, которую только на днях поставил, с трудом у завсклада выпросив, одни воспоминания.

— Вот влипли. Светопреставление настоящее,— жалобно сказал Захар.

— Неправильно говоришь. Камнепад это. Часто бывает! Гляди вверх...

Захар с опаской вскинул голову — на обрывистом склоне горы висела надвинувшаяся горбом каменная осыпь. Держалась она неизвестно на чем и в любой момент могла оборваться.

— Как думаешь, скоро рухнет?— не скрывая страха, спросил Захар.

Алимов пожал плечами, покосился на перепуганного водителя и философски изрек:

— Храбрый умирает один раз!..

— Бежать отсюда надо, а то в лепешку раздавит,— предложил Захар, а сам чувствовал, что не может сделать и шагу: ноги стали ватными.

— Бежать можно. А машина? А груз?— спокойно возразил Алимов.

Два вопроса, заданных сержантом, вернули Захару способность соображать. И сразу его охватил жгучий стыд. Взгляд скользнул по машине. Старенький зисок, как попавший в капкан зверь, стоял, уткнувшись радиа-

тором в камни. Люди на заставе без продовольствия сидят. Надеются на него, Захара, а он — бежать... Посмотрел Захар на Алимова, увидел его крепко сжатые губы, суровый взгляд и робко спросил... Спросил на всякий случай, потому что заранее знал ответ:

— Будем откапывать?..

Работали без остановки, сознавая, как дорога каждая минута. Стало жарко. Спина взмокла от пота. А ветер не унимался, гнал и гнал по долине лохматые смерчи, сек лицо. Вскоре радиатор, а затем колесо были очищены от камней. Передок машины оказался изрядно помятым. Заведется ли двигатель?

Захар залез в кабину, опробовал поворот руля, переключение скоростей, дернул тормоз. Трясущимися пальцами вставил ключ в зажигание, осторожно повернул его и облегченно вздохнул: стрелки на приборах дрогнули и заплясали. Есть электропитание! Машина завелась легко. Двигатель загудел мощно и ровно. И не было для Захара сейчас музыки слаще, чем эта. Он включил первую передачу и стронул зисок назад.

— Стой!— закричал Алимов.— Иди, гляди давай...

Неужто пробило радиатор? Захар поспешно обежал машину и убедился: предположение оказалось верным. И отверстие-то было совсем крохотным, а вода вытекала — капля за каплей. Расстроенный, Захар схватился за голову и в сердцах бросил:

— Все, конец!

— Ремонт надо,— бесстрастно сказал Алимов.

Захар бросил взгляд на сержанта. И откуда в нем такое спокойствие? И все-то он знает. Только вот не учел, что гаража под боком нет, сварки — тоже, а пальцем дырку не заткнешь.

— Пальцем не надо. Мыло есть?

— Что-о?..

— У тебя нет, у меня всегда запас.— Он порылся в вещмешке и достал кусок.— На, мажь давай густо. Держать будет...

Захар с недоверием, но все-таки взял мыло и стал залепливать пробоину. Вскоре она была заделана. Захар облегченно вздохнул и собрался уже ехать. Заглянул в радиатор — а он пуст. Захар обессиленно опустился на землю. Пропади все пропадом! Столько усилий потрачено — и зря. А Алимов опять тут как тут с советом.

— Отдыхать, однако, рано, Иволгин. Лопату давай,— потребовал он.— Вода сама не придет. Воду искать надо. Лопатой работать нужно.

— Да понимаете, товарищ сержант,— совсем растерялся Захар,— нет лопаты. На складе осталась. Мешала, вот я ее и выбросил из кузова...

Ничего не сказав, Алимов круто повернулся и пошел прочь, а Захар готов был сквозь землю провалиться. Надо ж так опростоволоситься! Растяпа, болтун, а еще опытным себя считал. Ну, ладно, про мыло не знал, но шанцевый инструмент — первейшая забота перед дальней дорогой...

Сержант тем временем вытащил из кабины заводную рукоятку, молоток, разводной ключ и скомандовал:

— Песок давай рыть. Лед там будет. Есть лед — есть вода...

И снова двое — солдат и сержант, забыв о нависшей над ними каменной глыбе, с ожесточением взялись за работу. Слежавшийся песок под ударами заводной рукоятки крошился. Разводной ключ при ударе отскакивал от грунта, как от резины, и «сушил» руки. В плечах и спине нарастала тупая боль. Уставшие пальцы сводила судорога.

«Никогда нам колодца не вырыть,— думал Захар с отчаянием.— Ни за что до льда не добраться. Напрасная трата сил...» Но глядя на неутомимого Алимова, упрямо долбившего песок, Захар не смел высказать свои сомнения.

Грунт пошел рассыпчатый. Копать стало легче. Яма быстро углублялась, и песок начал леденить пальцы.

— Ищи давай, что гореть может,— распорядился Алимов.— Тряпка, ветошь, терескен, кость, немного бензина. Лед будет таять. Правильно говорю, а?

Захар бросился исполнять приказание. Через несколько минут затрещал костер, и вскоре в ведерке захлюпала вода.

...Все еще боясь посильнее нажать на газ, Захар, намертво вцепившись в баранку, с величайшей осторожностью объехал груду камней и вывел машину на дорогу. Горы уже не казались ему мрачными — они гостеприимно раздвинулись, выпустили многострадальную машину на простор.

— Почему молчишь, дорогой?— тихо спросил Алимов, и его полные губы тронула добрая улыбка.— До-

лина смерчей отпустила нас с миром. Слова благодарности говорить надо.

«Не долине, а тебе хорошие слова причитаются»,— подумал Захар. А вслух сказал:

— Я, товарищ сержант, с вами хоть на край света поеду, если возьмете, конечно...

— Почему не взять,— согласился Алимов.— Работать хорошо умеешь — сила воли будет. А сейчас быстрее давай...

Захар с радостью прибавил скорость. Машина мчалась по горной дороге. Близилась ночь. Лишь свет одинокой фары напоминал о недавно пережитом.

„ВНИЗ НЕ СМОТРЕТЬ“

Проверив линию связи на наиболее трудном участке — в ущелье, Петр Акимов вернулся на заставу. Протопать пришлось километров восемь, и он даже устал. Прежде чем лечь спать, Петр стал приводить себя в порядок. Щетина у него не ахти какая, но рыжая, чуть вылезла — уже заметна. Потому и брился Петр ежедневно; опрятность — важная черта служивого человека. На заставе Петр уже два с лишним месяца, до этого полгода находился в учебном отряде, где его готовили на связиста...

Петру хотелось получить в армии другую специальность. Кабели, телефонные аппараты надоели на гражданке. Петр работал в Ельце, своем родном городе, на городском узле связи. И заниматься этим же на службе не очень-то хотелось. Но что поделаешь: служба есть служба.

Умывшись, собрался забраться под одеяло, когда его окликнул дежурный по заставе:

— Рядовой Акимов, в канцелярию, срочно!

Очень не хотелось снова одеваться, но делать нечего, надо. Наверное, опять какая-нибудь дополнительная работа подвалила. Вряд ли интересная. Ему уже приходилось в местном кишлаке чинить линию, возиться со стареньким коммутатором. Если повреждение

оказывалось посложнее, всегда старослужащих посылали, а молодежь, как считал Петр, затирали.

Начальник заставы стоял в канцелярии у окна. Глаза его были прищурены, как у человека, привыкшего к далеким памирским горизонтам.

— Оборвалась связь с комендатурой,— сказал он.— Повреждение надо устранить срочно. Пойдете с сержантом Ташкенбаевым. Он местный, прекрасно ориентируется...

«Ну вот, опять няньку приставили,— подумал Акимов.— Подумаешь, велика невидаль — повреждение на линии...» Однако, вскинув правую руку к головному убору, отчеканил:

— Слушаюсь. Разрешите идти?

К исполнительности приучили еще на гражданке. Связь — дело тонкое, требует сосредоточенности. Без дисциплины тут нельзя...

Телефонная линия на невысоких, накрепко вбитых в землю металлических столбах бежала вверх по неровному склону. Тропа, усыпанная мелкими, как фасолины, камешками, вилась меж темно-серых ребристых скал. Местами горы вплотную подступали к тропе, стараясь как бы зажать ее с двух сторон.

Ташкенбаев шел легко, чуть раскачиваясь, хотя и был грузноват. Акимов, приноровившись к походке сержанта и стараясь не отставать, все же успевал посматривать по сторонам. Он до сих пор не уставал восхищаться изменчивым и разнообразным Памиром. Дальние склоны, видневшиеся с тропы, прорезаны бороздами — следами недавно пронесшихся лавин. Языки ледников то спускаются с гор, то белой лентой уходят в лабиринт провалов или нависают над грядой морен. На моренах, пепельных, неопрятных, пятнами выделяются заснеженные участки, перемежающиеся характерными для Памира осыпями, бурыми, словно свежая окалина. Низко плывущие облака, наталкиваясь на горы, обтекают их, отделяя верхушки от оснований, и тогда в воздухе парят гигантские белоснежные колпаки.

Сержант заметно прибавил шагу, тревожно поглядывая на небо. Он изредка останавливался и поднимал вверх ладонь.

«Что он воздух щупает? — подумал Петр.— Шаманит, что ли? Сейчас найдем обрыв, соединим — и в обратный путь...»

Ташкенбаев повернулся к товарищу и покачал головой.

— Ветер идет... Большой ветер,— сказал угрюмо.— Плохо. Снег большой будет. Впереди — Тахтамыш. Плохой перевал...

С удивлением взглянув на сержанта, Петр подумал: «Чепуха, небо чистое, солнце во всей красе. Откуда возьмется ветер, тем более снег?..»

Однако скоро, как и предсказал сержант, погода стала портиться. Снизу потянуло холодом. Завихрила по склонам снежная пыль. Ветер протяжно, со всхлипами завыл в скалах. Набирая силу, он швырял в лицо колкие, оледеневшие снежинки, то и дело меняя направление

Двигаться стало труднее. Тропа поднималась все круче, петляя над обрывом. Чтобы не сорваться, пришлось обвязаться веревкой и идти, цепляясь за кусты терескена. Низкорослые растеньица были надежной опорой: корнями они глубоко уходили в землю.

На перевале ветер бесновался особенно сильно. Видимость ухудшилась. Очертания гор расплылись в мутной пелене, местами исчезли вовсе.

Дорога круто повернула и еще более сузилась, зажатая с одной стороны почти отвесным скатом горы, с другой — глубоким ущельем. Тропа, пробитая по скальному карнизу, кое-где прерывалась оврингом. «Проложили связь у черта на куличках!»— подумал Петр. Теперь ему не казалось таким уж простым делом найти и устранить обрыв.

Вот Ташкенбаев пошел осторожнее, ни на секунду не упуская из виду нитку провода. И вдруг тропа оборвалась. Под ногами разверзлась пустота. Стремительно пронесшаяся лавина начисто разрушила метров десять овринга и, конечно же, порвала провод. Обрывки его болтались у столбов, стоящих по обеим сторонам провала.

Петр присел на корточки. В висках стучало. Он глянул вниз: сквозь пелену снега едва виднелась на дне ущелья речушка, змеившаяся между камнями старой морены. «Вот тебе и простое дело,— передразнил себя.— Вот тебе и раз плюнуть. А там ждут!.. Положим, конец провода с этой стороны взять легко, а как его достать с другой?»

Петр вопросительно посмотрел на сержанта, но Таш-

кенбаев молчал. Широкие, черные, словно смоль, брови сошлись у переносицы.

Каменная стена, прорезанная трещинами, была почти отвесной. Над серединой провала, метрах в семи, одиноко торчал засыпанный снегом уступ.

— Попробую пробраться туда,— указал сержант в противоположный конец тропы.

— Сорвешься!— отозвался Петр.

— Страховать будешь...

— Может, что другое придумаем?

Ташкенбаев отрицательно покачал головой:

— Совсем забыл — ты пограничник. Там связь ждут. Да и Тахтамыш не пустит...

Сержант полез вверх. Потихоньку отпуская веревку, Петр с волнением следил за ним. Ташкенбаев нащупывал носком сапога точку опоры, проверял на прочность и ставил ногу то прямо, то наискосок. Затем так же неторопливо отыскивал выступ или выемку в скале для руки, цепко хватался за камень узловатыми пальцами и плавно, пружинисто подавал тело вперед. Так он добрался до уступа. Петр увидел, как Ташкенбаев несколько раз пытался продолжить путь, а ноги скользили по гладкой стене.

— Давай ко мне,— слабо донеслось до Петра сквозь рев ветра.

Акимов не сразу понял, что ему нужно делать. Не удержавшись, глянул вниз. Неприятный холодок пробежал по спине, закружилась голова.

— Вниз не смотреть!— услышал Петр предостерегающий окрик сержанта.

Акимову и раньше приходилось лазать по горам. У него даже получалось это лучше, чем у других солдат. Но то было в спокойной обстановке, на занятиях... Петр с тоской глянул на уступ. Как далеко!

Прижимаясь к холодной, шершавой, пахнущей плесенью скале, солдат двинулся вверх. Ноги с трудом отыскивали опору. Пальцы скользили по обледенелым камням. От напряжения мелко подрагивали колени. Каждый метр давался с трудом.

— Хватайся крепче,— подбадривал Ташкенбаев.— Ногу ставь выше... Хорошо!

Когда до уступа оставалось метра два, левая нога вдруг выскользнула из расщелины. Равновесие нарушилось. Петр почувствовал, как угрожающе накренилось

тело, а пальцы медленно поползли по камню. Невольный страх сковал тело. Он попытался рывком выправить равновесие. В глазах потемнело.

— Держись!— крикнул Ташкенбаев, натягивая веревку.

Через несколько минут крепкая рука сержанта подхватила солдата.

— Страшно, да?— спросил Ташкенбаев, перепуганный не меньше Петра.— Говорил, Тахтамыш людей не любит. Большой ужас наводит. Я тоже долго не мог привыкнуть. Потом понял: возьми сердце в кулак, перестань бояться один раз — бесстрашным станешь.

Разговаривая, Ташкенбаев ни минуты не оставался без дела. Он отвязал от пояса веревку и бросил конец вниз, прикидывая, насколько ее хватит. И тут Петр понял: сержант хочет спуститься вниз и нарастить провод... Он с уважением взглянул на старшего товарища, но тут же с тревогой подумал: «Тяжеловат сержант, ой тяжеловат! Может веревка не выдержать. Я вроде полегче...»

Дух захватило от одной только мысли. Было стыдно, но пережитый страх крепко держал в тисках. Всем существом Петр ощущал глубину пропасти. Но еще болезненнее начинал он понимать о себе правду. «Трус ты, солдат, размазня»,— чуть не сказал он вслух и, отрезая путь к отступлению, выкрикнул:

— Разрешите мне, товарищ сержант! Да не бойтесь, я справлюсь!..

И сразу исчезла вялость, пропал страх. Петр увидел, как дрогнуло широкоскулое лицо Ташкенбаева.

— Хорошо, друг,— согласился сержант.

Он сам стащил с солдата шинель, сам завязал на поясе Петра веревку, затянув ее крепким узлом, и зачистил запасной провод. Они условились о сигналах, и сержант предупредил:

— Главное, вниз не смотри... Ну, пошел!..

Петр повис над обрывом. Он не смотрел вниз, но все равно чувствовал под собой пропасть. Ветром обжигало лицо. Веревка стягивала грудь... Но голова уже на уровне тропы. Петр видит острые зубья серого гранита. Вот одиноко торчит кол, державший овринг. Обвал накренил его книзу, но не сломал. Ухватившись за кол, Акимов рывком попытался достать конец провода. Сверху казалось, дотянуться до него будет не-

трудно. Но это только казалось. Расстояние — метра три, а провод мечется по ветру, словно ошалелый.

Еще раз попытался Петр дотянуться до провода. Оторвавшись от спасительного кола, солдат лишь ударился о скалу. И тут осенило: нужно раскачаться... Он сделал рывок. Еще один. Наконец с радостью почувствовал в ладони слегка липнущий шершавый провод. Надо зачистить конец, а нож скользит, пальцы сгибаются с трудом...

Сгустились сумерки, когда человек, висевший над пропастью, соединил концы оборванного провода, бережно замотал это место изоляционной лентой. Только теперь Петр Акимов вдруг снова ощутил, что над Тахтамышем все еще бушует неистовый ветер. Буран и не думал утихать. Но это уже не имело значения. Застава снова получила надежную связь.

У СТИХИИ В ПЛЕНУ

„Коралл» медленно входил в бухту. На фоне рыболовецких судов, заполнивших круглую водную чашу, он возвышался стальной громадиной. Но четко высеченный силуэт, низкие бронированные надстройки, чуть наклоненные башни крупнокалиберных турельных установок, короткие пики мачт, увенчанных вращающимися антеннами локаторов, делали корабль изящным, придавали стремительность. Лавируя между сейнерами, «Коралл» словно раздвигал их и неторопливо, величественно приближался к своему постоянному месту — короткой причальной стенке, где уже жались друг к другу корабли.

Стоя на мостике, капитан 3 ранга Э. В. Аладинский руководил швартовкой. Притереть корабль точно к пирсу, чтобы тот не качнулся, не дрогнул, было для командира не просто делом чести, показателем судоводительского мастерства, а и своеобразным морским шиком. Аладинский умел это делать с блеском, что неизменно доставляло ему удовлетворение. Но сегодня он не испытывал привычного подъема.

...У иностранной шхуны с бортовым номером двадцать, часто промышлявшей в советской зоне регулируемого рыболовства, наверняка было не все в порядке. Обычно шкипер шхуны лебезил перед пограничниками.

На сей раз, как доложили Аладинскому, тот держался подчеркнуто спокойно, и это было подозрительно. Тем более, что накануне командир предупредил: «Встретите «двадцатку», Эдуард Васильевич,— глядите в оба. Она хищничает в наших водах не первый день...»

После такого напутствия следовало особенно серьезно подумать, кого назначить в смотровую группу. Боцман Григоренко, имевший за плечами двенадцать лет службы, безусловно подходил по всем статьям. Он начинал службу матросом, прошел все младшие командирские ступеньки, имел десятки задержаний нарушителей, награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». А Кривзун...

Отношения с помощником складывались у Аладинского с самого начала непросто. Кривзун служил на «Коралле» не первый год, считал себя старожилом. Предшественнику же Аладинского явно не хватало требовательности, и корабль по всем показателям занимал, как говорили бригадные острословы, «первое место от кормы». Бывший командир мало занимался воспитанием офицеров, и Кривзун уверовал в собственную непогрешимость.

Приход Аладинского был встречен помощником ревниво, а первое же замечание воспринято болезненно. Полоса отчуждения легла между командиром и помощником, и Аладинский решил, что торопиться не следует. Воспитание — процесс длительный. Молодой офицер должен понять: не каприз, не блажь заставляют командира быть неуклонно требовательным. Охрана границы, доверенная им, офицерам-коммунистам, не терпит ни малейшей расхлябанности. Железная дисциплина, помноженная на высочайшую бдительность,— это и есть по-партийному взыскательный подход к порученному тебе государственному делу.

Когда «Коралл» подошел к «двадцатке» и осмотровая группа начала готовиться к высадке на шхуну, Аладинский решительно сказал:

— Во главе группы пойдет старший лейтенант Кривзун.

Неожиданно вмешался замполит:

— Боцман просится, товарищ капитан третьего ранга. Зуб у него на «двадцатку». Пошлите его хотя бы для подстраховки.

Кривзун, услышав слова замполита, напрягся, побагровел и исподлобья взглянул на командира.

— Во главе группы пойдет старший лейтенант,— повторил Аладинский, повернувшись к замполиту.— Без всякой подстраховки.

Пограничники тщательно обследовали остановленную шхуну, проверили записи в промысловом журнале и... ничего не нашли.

Кривзун, вернувшись на корабль, стоял перед Аладинским, готовый выслушать разнос. Старший лейтенант отлично понимал: он не нашел улик не потому, что их не было. Просто не хватило знаний, опыта. Вот если бы вернуться на шхуну заново и еще раз проверить все от киля до клотика...

По крутой лестничке, по обрыву сбегающей к морю, Аладинский не спеша поднялся к штабу. Командир части выслушал доклад, поморщился, разрешающе махнул рукой:

— Свободны.

Жест мог означать еще и другое: иного от вас не ждал. Обидно, конечно, хотя он прав. Служба прежде всего, а то, что командир «Коралла» получил плохое «наследство», никого не должно касаться.

...Три месяца назад Аладинский окончил Высшие офицерские классы. Окончил с блеском и надеялся получить под начало лучший корабль части. Но ему, поздравив с возвращением в родную часть и назначением на самостоятельную должность, сказали: «Принимай «Коралл». Слава у него негромкая. Но, думаем, справишься».

Сбой во время патрулирования был огорчителен еще и потому, что недавно отличился на границе старый знакомый Аладинского, капитан 3 ранга Тимошенко. Его подчиненные — мичман Отюский, старшина 1-й статьи Кадышев и старший матрос Онуфриев — задержали в наших водах нарушителя.

По возвращении в часть Аладинский, искренне обрадовавшийся успеху товарища, поздравил его. Тем не менее, самолюбие задето. В душе осталась неудовлетворенность собой. Он привык всегда и во всем держать первенство, будь то зачет по специальной подготовке или шлюпочные гонки, стрельбы или практическое задержание нарушителя.

Вечером того же дня, сидя с замполитом в кают-

компании, Аладинский еще раз мысленно подвел итог выхода на границу. Они осмотрели десятки иностранных судов, удостоверились, что те ведут лов рыбы по установленным правилам. Одним появлением наверняка удержали кое-кого от браконьерства. Упрекнуть себя было вроде бы не в чем. И все же из головы не шла «двадцатка». А тут еще лейтенант Бондарчук... Посмотрел на Аладинского как ни в чем не бывало и наивно так говорит:

— А та шхуна, товарищ командир... ну, которую мы сегодня смотрели... Что-то мы там проморгали, как считаете?

Замполит был молод, «дипломатии» обучиться не успел и высказывал вслух то, что думал. Он прибыл на корабль недавно, сразу после окончания училища, и всего лишь третий раз выходил на границу. Конечно, ему не понять, почему командир отправил на осмотр Кривзуна вместо опытного боцмана.

Впрочем, молодость службе не помеха. Матросы с первого дня потянулись к Бондарчуку. Их привлекла бесхитростность и открытая простота лейтенанта. Да и внешне он обаятелен, характер веселый, доброжелательный. К тому же замполит всегда подтянут, по-флотски щеголеват, что тоже импонирует экипажу,— словом, из Бондарчука со временем должен получиться отличный замполит, только учить его еще придется многому. Ему ведь придется иметь дело с самым тонким, самым сложным материалом — человеческими душами.

— А как вы думаете, лейтенант, почему я послал на «двадцатку» именно Кривзуна?— неожиданно спросил Аладинский.

— Так он же ваш помощник,— отозвался тот, не уловив в вопросе подковыку.

— А почему вам пришла мысль послать еще и Григоренко? Для подстраховки предлагали...

— Ну, предлагал,— неопределенно отозвался Бондарчук.

— Значит, на Григоренко надеялись?

— Конечно. У него опыт большой, значит, надежнее...— Замполит пристально вгляделся в командира, во взгляде появилось беспокойство: — Товарищ капитан третьего ранга, извините, как же я раньше не догадался? Вы очень правильно поступили.

Аладинский подавил улыбку. Горячность замполита,

так же как его непосредственность, не могла не нравиться.

— Поясните свою мысль.

Бондарчук замялся. Он был в курсе взаимоотношений командира с помощником. Кривзун жил с ним в одной каюте и частенько вслух клял судьбу, возмущаясь характером капитана 3 ранга, его постоянными придирками. Бондарчук Кривзуну даже сочувствовал, потому что и сам не совсем понимал Аладинского...

— Да вы не подбирайте выражений,— подбодрил командир и весело поглядел на молодого офицера.

— Понимаете, товарищ капитан третьего ранга, я считаю так. Офицер должен обладать честолюбием, иначе он никогда не будет двигаться вперед. Но плохо, когда на почве честолюбия начинает развиваться самоуверенность. Она-то, как правило, подводит, только самоуверенный человек не сразу это понимает. Он должен на личном опыте убедиться... Правильно?

— Я рад, что вы поняли меня,— серьезно отозвался Аладинский.— Нам, Николай Тимофеевич, необходимо крепить на корабле настоящий коллектив, партийную и комсомольскую организацию. Будем воспитывать людей вместе.

Океан за бортом будто уснул. Он мерно дышал лениво вспухающими волнами. «Коралл» скользил по ним бесшумно, оставляя за кормой белую, взбитую винтами дорожку. Шли малым ходом.

Стоя на сигнальном мостике, своем излюбленном месте, Аладинский глядел на море. Оно никогда не надоедало, не оставляло равнодушным. Да и вообще он себе не представлял, что жизнь могла повернуться иначе. Даже мысль об этом сейчас казалась абсурдной. А ведь когда-то Аладинский не собирался связывать судьбу ни с морем, ни тем более с границей. Он с детства увлекался спортом, мечтал поступить в физкультурный институт. Уже в школе имел первый разряд по баскетболу, лыжам, а по велоспорту был кандидатом в мастера. На треке его охватывал такой азарт, что он просто не мог никому уступить первенство. Но именно бойцовский характер и «подвел».

После десятилетки многие одноклассники решили поступать в высшее военно-морское училище, однако

«ужасный», как говорили ребята, конкурс отпугивал. Вот тогда-то Аладинский решил одолеть то, что других пугало. Отбор в училище был на самом деле жесткий, особенно на медкомиссии, но настырный Эдуард Аладинский прошел...

На ходовом мостике появился с секстантом в руках старший лейтенант Рыльцов. Был он невысок, худощав, строен. Светлые глаза смотрели с прищуром, как у человека, привыкшего к нестерпимому блеску океана. «Вот еще один, безоглядно влюбленный в морскую стихию»,— подумал командир о штурмане. А впрочем, как можно морем не восхищаться? Беспредельная водная гладь, играющая всеми оттенками синего. Вот она голубая, как промытое ливнем небо. А в следующий раз фиолетовая, будто привороженная, переходящая в густой ультрамарин... Об изменчивости моря написано много, и все равно, считал Аладинский, никому не удалось передать полностью его красок.

«Саша вышел качать солнышко»,— подумал Аладинский, с доброй улыбкой наблюдая за Рыльцовым. На морском жаргоне фраза эта означала: определять место корабля астрономическим способом.

Командир хорошо помнил Рыльцова, только прибывшего на корабль. Чувствовал себя тот неуютно. Случилось так, что после окончания училища Рыльцов начал служить на корабле Дунайской флотилии. Дело у него пошло плохо, впору списывать на берег. И тогда, как утопающий за соломинку, парень ухватился за предложение кадровиков попробовать послужить на море.

Иметь на корабле неудачника было, конечно, не подарком, но Аладинский согласился взять Рыльцова, хотя прекрасно понимал, что вместе с обузой взваливает на себя большую ответственность. Можно выучить человека профессии, пополнить его теоретический багаж, помочь овладеть практическими навыками, но как вдохнуть в молодого человека уверенность, которую тот потерял?..

Сейчас Рыльцов даже внешне изменился. Затянут в китель со стоячим воротничком, тонкий, изящный. Не в пример капитану, который высок и массивен, а плечи — косая сажень. Походка у Аладинского вперевалку, тяжеловатая. А Рыльцов не идет — скользит...

Мысли Аладинского прервал доклад впередсмотрящего:

— Слева по курсу цель! Дистанция двадцать кабельтовых!

— Лево на борт! Полный вперед!— скомандовал Аладинский и подошел к бинокулярной морской трубе. — Курс на сближение!— распорядился Аладинский.— Боевая тревога!

Оглушительно зазвенели колокола громкого боя. По трапам загрохотали тяжелые матросские башмаки.

Командир спустился вниз, на главный командный пункт. Он взял бинокль и через несколько минут уже мог рассмотреть шхуну.

— Неужели «двадцатка»? Если бы она мне попалась!— пробормотал Кривзун. На выбритых до синевы щеках заиграл яркий румянец.

Офицер был взволнован. Неудача с «двадцаткой» не давала спокойно жить, а шхуна, как назло, не встречалась им несколько месяцев.

То, что Кривзун ничего не забыл, порадовало Аладинского. В последнее время отношения между командиром и помощником стали довольно ровными. Кривзун привык к требовательности, перестал вступать в дискуссии и являл пример исполнительности. Однако должной теплоты и доверительности пока не было...

— Не так рьяно, Николай Васильевич,— улыбнулся Аладинский.— Раньше времени пар выйдет!.. Самый полный!— передал он по телеграфу в машинное отделение и по мощному биению двигателей понял: команда исполнена.

Цель быстро приближалась. Теперь можно было отчетливо рассмотреть очертания иностранной шхуны. Аладинский заглянул в штурманскую рубку, увидел склонившегося над картой Рыльцова. Тот что-то вычерчивал, изредка поглядывая на радиопеленгатор. Движения неторопливые, спокойные, словно не было ни боевой тревоги, ни сближения с целью. А раньше-то как нервничал...

В ответственные минуты Аладинский прежде обязательно находился рядом. Все боялся, как бы штурман не ошибся. Конечно, он оказывал молодому офицеру медвежью услугу, но отрешиться от опекунства долго не мог. И вот однажды во время шторма, когда они попали в сложную обстановку, командир решился.

— Что-то сердце прихватило,— сказал.— Пойду глотну ветерка, а вы...— Аладинский поймал умоляю-

щий взгляд офицера,— как-нибудь постарайтесь, Александр Петрович.

Сердце, было, конечно, не на месте. Однако он выдержал характер и около часа не появлялся в штурманской рубке. А когда вошел, то Рыльцова не узнал. Тот сидел, закусив губу, и работал. Руки дрожать перестали, а на лице была написана отчаянная решимость...

— Она! Она, черт побери!— донеслось до Аладинского восклицание помощника, заставившее его улыбнуться.

Корабль уже подходил к шхуне. Впрочем, та и не пыталась удирать. На палубе сидели два рыбака, спокойно, чересчур спокойно взиравших на приближавшихся пограничников. Головы их, обмотанные белыми повязками с иероглифами, были неподвижны.

— Осмотровой группе приготовиться!— скомандовал Аладинский.— Катер на воду!

Кривзун обернулся. Глаза их встретились. Во взгляде молодого офицера Аладинский прочел неукротимое желание действовать, тем не менее Кривзун вдруг отрицательно покачал головой.

— Командир,— сказал он глухо,— пусть лучше Бондарчук идет. И Григоренко. Я могу оказаться необъективным. А на борту иностранного судна это никуда не годится.

Видно, нелегко дались Кривзуну эти слова. Щеки запылали.

— Успокойтесь, Николай Васильевич,— отозвался Аладинский.— Уже то, что осознаете возможность необъективности, свидетельствует о том, что вы будете на высоте. Назначаю вас командиром осмотровой группы. Готовьте людей!

— Есть!— козырнул Кривзун и ринулся было к выходу, но тут же остановился:— Разрешите взять мичмана Григоренко?

— Разрешаю! Действуйте!

Через три минуты катер отвалил от борта корабля и, набирая скорость, помчался к шхуне. Там пограничников уже ждали. Навстречу выплыл коротконогий, раздавшийся вширь шкипер и залопотал:

— Пожалуйста, господина... Рады, господина..:— А глаза, два буравчика цвета дегтя, выглядывали из раскосых щелочек холодно, колюче.

Шкипер провел Кривзуна и сопровождавшего ос-

мотровую группу рыбинспектора в свою каюту, достал промысловый журнал, с готовностью протянул его пограничнику. Потом вынул из шкафчика коньяк, но, увидев, что офицер нахмурился, понимающе закивал и поспешно убрал бутылку.

Промысловый журнал был заполнен по всем правилам. По нему выходило, что шхуна вела промысел в отведенном районе и выловила ровно столько рыбы, сколько ей полагалось по разрешительному билету.

— Ажур полный,— усмехнулся рыбинспектор.— На бумаге не нарушают. Знать бы только, что эта бестия придумала для обмана. Двинули в трюм, старший лейтенант?

Возле лаза, ведущего вниз, оба столкнулись с мичманом.

— Ничего не нашел,— сказал Григоренко.— Знаю, на этой вертлявой банке обязательно должно быть лихо, а ничего не вижу. Ослеп, что ли?

— Не торопись,— успокоил Кривзун.— Еще раз тщательно пройдемся...

Однако и повторная проверка ничего не дала. Количество пойманной рыбы на борту не превышало норму. Запрещенных к вылову морепродуктов не было. Григоренко пересчитал ящики с рыбой, простучал пол, проверяя, нет ли потайного трюма. В своей практике он сталкивался с такими браконьерскими уловками, что казалось: ничего нового и придумать невозможно.

Шкипер ходил по пятам, не переставая кланяться и угодливо улыбаться. Всем своим видом он старался показать, что ему нечего скрывать. Однако чувствовалось, шкипер не так спокоен, как хочет казаться... Конечно, любой досмотр для капитана неприятен, но если нет нарушений, то и опасаться нечего. А раз волнуется, причина есть.

«Надо искать!»— решил Кривзун.

Внезапно внимание помощника капитана привлекла обшивка трюма по левому борту. Несколько досок здесь были прибиты свежими гвоздями, шляпки их не успели еще поржаветь. Кривзун наклонился и стал пристально рассматривать подозрительное место. У шкипера забегали глаза, а руки беспокойно затеребили край куртки.

Подошел Григоренко. Кривзун посмотрел на него внимательно, и оба поняли, что напали на след. Шки-

пер, размахивая руками, быстро заговорил по-японски, сразу забыв русский язык.

— Ремонт, говорит, делал,— перевел рыбинспектор.

— Вскрывайте обшивку, шкипер!— распорядился Кривзун.

Отлетели доски. В образовавшемся отверстии что-то блеснуло. Мичман наклонился и приподнял из-за обшивки голову дельфина.

— Ого!— присвистнул рыбинспектор.— Пошли писать акт, старший лейтенант.

— Отсемафорьте на «Коралл», Григоренко. Доложите об обнаруженном,— приказал Кривзун.

Ветер усиливался. Был он порывистым и поминутно менял направление. То ослабнет до того, что его не слышно, то мощно рванет... Уж на что Аладинский привык ко всему, но и он отворачивал лицо от его секущих ударов. Однако с сигнального мостика не уходил. Тут он лучше чувствовал обстановку. Один вид океана может сказать опытному человеку иногда больше, чем синоптическая карта...

Время патрулирования на границе закончилось и можно было вернуться в базу еще утром, но произошла неожиданная встреча...

Прошло больше года после того, как «двадцатка» была поймана с поличным и оштрафована. Шкипер, надо полагать, испытывал финансовые трудности. Такой штраф даже для богатого человека ощутим. И вот сегодня «двадцатка» снова появилась. Скорей всего пограничники и не стали бы на этот раз производить досмотр шхуны, не начни та удирать. Заметила «Коралл» и деру... Почему?

Когда пограничники догнали наконец «двадцатку» и высадили осмотровую группу, шхуна оказалась пустой. На борту не было ни центнера рыбы. Странно, но факт. Зато наблюдательный Кривзун, производивший осмотр, констатировал: шкипер, все тот же толстяк с двойным подбородком, на сей раз не только не лебезил, а наоборот, зловеще усмехался. При осмотре ничего не нашли, но время потеряли.

Все это Аладинскому очень не понравилось, чутье подсказывало: быть неприятности. Не ясно только, откуда ее ждать.

Служба в погранвойсках закалила характер, отточила ум, выработала интуицию и приучила всегда докапываться до первопричины того или иного явления. Аладинский был благодарен судьбе, что она так толково распорядилась. После окончания училища он мечтал служить на больших океанских кораблях. А ему, отличнику, предложили идти в погранвойска, на небольшое судно. Он огорчился, это заметил моряк-пограничник, отбиравший выпускников, сказал:

— Послушай, лейтенант, мы коммунисты. К тому же военные. Охранять границу Родины — не просто долг, а и самое важное предназначение офицера. Это, надеюсь, понимаешь?

Аладинский скорее сердцем почувствовал, чем осознал тогда правоту моряка, и, уже больше не задумываясь, дал согласие. Так он стал пограничником, совместив любовь к морю, романтику и чувство ответственности за все, что делается на дальних рубежах родной земли. Отныне и навсегда он за нее в ответе!..

На мостике показался Рыльцов. Лицо его было хмурым.

— Плохие вести, товарищ командир,— сообщил.— Получена радиограмма: на нас идет глубокий тропический циклон. Сила ветра ожидается свыше тридцати метров в секунду.

Сердце Аладинского сжалось. Вот то, чего он опасался. Добраться до базы времени не осталось, а бороться с ураганом в открытом океане...

— Мы находимся вот тут,— показал Рыльцов на карте, когда оба спустились в штурманскую рубку.— Здесь догнали «двадцатку», будь она трижды неладна. Между нами и базой рифовый барьер, из-за которого вернуться к себе кратчайшим путем невозможно...

У Аладинского внезапно мелькнула мысль: может быть, шкипер знал о надвигающемся тропическом циклоне? Японская служба прогноза находится значительно южнее. Что же тогда получилось? Шхуна, послужившая приманкой, увела их от базы за рифовый барьер? Вот она — месть шкипера. Да только ли его? Нет ли тут еще чего?

— Какое ваше предложение, Александр Петрович?— спросил Аладинский у штурмана.

— Сейчас, товарищ командир...— Рыльцов прикинул по карте одно направление, другое, что-то подсчитал

и твердо сказал:— Лучше всего идти в Белохвостку. Бухта там не очень защищенная, но все же под берегом укрыться можно.

— А если переменится ветер?

— Перейдем под другой берег. Все равно иного выхода у нас нет.

— Добро, прокладывайте курс!

Белохвостка встретила их грозным рокотом. Волны накатом били в прибрежные скалы с силой и шумом артиллерийской канонады. Свист ветра слился в сплошной, не прекращающийся ни на минуту рев, дождь сменился мокрым снегом. Март в этих краях — месяц зимний. Стремительно холодало, и снег, заваливший палубу, образовал ледяную корку, с трудом отдираемую от металлической поверхности. Корабль, покрывшись сверху донизу скользким панцирем, заметно потяжелел.

Вызвав боцмана, Аладинский приказал собрать свободных от вахты людей, разбить их на две смены и по очереди скалывать лед.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан третьего ранга. Сделаем все, что возможно!

Кривзуну же Аладинский сказал:

— Тебе, Николай Васильевич, поручаю вахту. Смены ей пока не предвидится, но люди должны работать так, словно они только что вернулись из отпуска...

Он больше по инерции растолковывал Кривзуну ситуацию — помощник уже научился понимать его с полуслова. Поймав себя на этой мысли, Аладинский улыбнулся.

— Извини,— сказал он.— Вижу, тебе и так давно все ясно. Исполняй.

А про себя подумал: Кривзун настолько вырос, что сам способен самостоятельно командовать кораблем.

Ночь прошла беспокойно. Ветер утихать не собирался и с неистовой силой наметал снег на палубу и надстройки. Стоя в сплошной пелене, Аладинский не покидал мостика. Нервы, предельно напряженные, не позволяли ощущать усталость. Лишь слегка ломило виски да чуть подрагивали пальцы.

А на рассвете случилось непредвиденное. Только Аладинский спустился на палубу, чтобы подбодрить людей, скалывавших лед, как внезапный толчок потряс судно. Промчался Григоренко, включил лебедку и на-

чал выбирать якорную цепь. На конце ее якоря не оказалось.

Мгновенно взлетев по трапу на главный командный пункт, командир бросился к машинному телеграфу.

— Полный вперед!— скомандовал он, ощущая, как корабль потащило к берегу.— Право на борт!

«Коралл» стал медленно разворачиваться и отходить от берега.

«Может, бросить второй якорь?— подумал Аладинский.— Если выдержит — хорошо, а если нет... Сейчас лучше штормовать!..»

Корабль пошел против волны, которая беспрерывно накатывалась на нос и, клокоча, взвихряясь, неслась по палубе до башни турельной установки. Там она в бешенстве разбивалась о броню, взметая каскады брызг. На баке находиться было опасно — и Аладинский распорядился «ледовой» партии перейти на корму до разворота корабля на обратный курс.

Работой по скалыванию льда руководил старший лейтенант Бондарчук. Замполит сам вызвался сменить не спавшего двое суток и окончательно выбившегося из сил боцмана.

Бондарчук был вездесущ. Казалось, его одновременно видели в машинном отделении, на палубе и в радиолокационной рубке. Как всегда бодрый, подтянутый, он подбадривал окружающих, работал наравне со всеми. Это действовало на валившихся от усталости людей магически. Будто сил прибавлялось.

Наблюдая за Бондарчуком, Аладинский и сам успокаивался. Молодой офицер держался так, как должен вести себя настоящий политработник, ставший в час испытаний верной опорой и душой команды...

«Коралл» штормовал уже вторые сутки. Четыре мили туда, четыре обратно — столько позволяла ширина бухты. Час шел за часом, а шторм не утихал. Держаться на ногах было невозможно, и матросы, страхуя себя тросом, продолжали работать, ибо остановиться — смерти подобно, тут же смыло бы волной. Корабль раскачивало, угрожающе кренило. Ледяная корка, покрывающая его от мачт до ватерлинии, утяжелила судно до предела. Снег шел стеной. В десяти кабельтовых ничего не видно. Только локатор помогал определить, как далеко они находятся от берега, можно ли двигаться дальше или пора делать очередной разворот.

По тому, как корабль с трудом слушался руля, Аладинский чувствовал: ветер достиг ураганной силы. Пройдя в радиорубку, он приказал связаться с базой. В наушниках послышался глуховатый голос:

— Докладывайте!

Капитан 3 ранга коротко обрисовал обстановку.

— Ваше решение?

— Думаю продолжать штормовать, товарищ капитан первого ранга,— ответил Аладинский и, помолчав, добавил:— Не беспокойтесь! Выдержим!

Сказал и понял: они на самом деле выдержат. Иначе грош цена ему как командиру. Да и всему экипажу тоже.

На ГКП поднялся Кривзун. Лицо его сияло.

— По какому поводу радость?—нахмурился Аладинский.— Причин для этого не вижу.

— Я замполита сейчас слушал. Он собрал внизу свободных от вахты людей и разъясняет обстановку.

— Получается?

— Здорово. Я бы так не сумел. Ребята слушают его, боясь проронить слово.

— Каждому свое умение,— заметил Аладинский и подумал: «Хороший все-таки у него замполит, нашел путь к сердцам людей».

— Разрешите?— послышалось сзади.

Аладинский обернулся и увидел трех матросов.

— Входите. В чем дело?

Он хорошо знал этих отличных ребят. Валерия Горича, попавшего в свое время на корабль из роты обслуживания,— прислали к Аладинскому на «исправление». Александр Липашев, сахалинец, отчаюга, каких мало. Геннадий Репин, костромич, член комсомольского бюро. В экипаже эти трое были заводилами, пользовались авторитетом, считались прекрасными специалистами.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан третьего ранга?— спросил Горич.— Мы все... коммунисты и комсомольцы, посоветовались... Простите, может, не наше дело?..

— Почему не ваше?— вмешался Липашев.— Корабль чей?

— Словом, так, товарищ капитан третьего ранга,— весомо вступил в разговор Репин.— Мы просим разрешить нести вахту бессменно.

Аладинский шагнул к матросам. Его до глубины ду-

ши взволновал единодушный порыв ребят. Он ждал этого момента. Ждал с тех пор, как принял «Коралл» и обнаружил, что коллектива на корабле нет. Служат матросы, мичманы, офицеры, но все как-то сами по себе. И вот сейчас, в момент серьезного испытания, стало очевидно, что экипаж живет одними мыслями и стремлениями, это единый организм, одна семья.

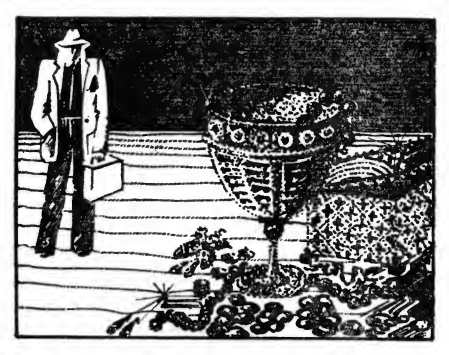
— Вас Бондарчук послал?— спросил Аладинский.

— Нет, товарищ капитан третьего ранга,— ответил Липашев,— мы сами.

Сорок восемь часов, не ведая сна и отдыха, боролся экипаж с разъяренной стихией. Сорок восемь часов непрерывно продолжалась работа на палубе и в трюмах. Пурга ярилась, ветер наждаком обдирал кожу с лица и рук, а люди все так же скалывали утяжелявший корабль лед, спасали оборудование и снаряжение, сохраняли в рабочем состоянии двигатели. Жизнь на судне шла своим чередом.

Наконец циклон отступил. Океан успокоился настолько, что можно было покинуть бухту. Аладинский поднялся на мостик, скомандовал «Полный вперед!», и корабль вышел из Белохвостки, взяв курс на родную базу.

5*

КОНТРАБАНДИСТЫ

Над успокоившимся после недавнего шторма морем висела легкая прозрачная дымка. Земля, прогретая поднявшимся в зенит солнцем, парила. Стояла такая теплынь — впору переходить на летнюю форму одежды... Весна наступила рано, и жизнь в порту заметно оживилась. Пошли в первые рейсы туристские теплоходы. Чаще стали появляться иностранные суда.

В тот день из Одессы уходил в далекое плавание теплоход «Карелия». Его маршрут пролегал по международной линии Стамбул—Неаполь—Генуя—Марсель. Посадка на судно началась с утра и к полудню уже заканчивалась. Таможенный зал, где проходил досмотр багажа пассажиров, постепенно пустел. Контролеры проверяли последние чемоданы и тюки. Пограничники просматривали и отмечали документы отъезжавших. Народ здесь собрался опытный, работали споро.

Майор Шевколович с удовлетворением наблюдал за своими подчиненными. В их неторопливых жестах, исполненных достоинства движениях чувствовались умение, хватка. Особенно симпатичны были ему братья Матвеевы — Михаил и Сергей, оба рослые, плечистые, крепкие, как дубки. Помогая контролерам, они ловко подхватывали вещи, подавая их для досмотра. Не вме-

шиваясь в функции таможенников, прапорщики, между тем, значительно убыстряли проверку, успевая выполнять и свои обязанности. Не отставали от них и другие пограничники, бывшие в сегодняшнем наряде. Сноровисто работали Алексей Речняк, Виктор Рябоконь, Александр Семенов и Анатолий Марченко. А младший сержант Александр Поливцев действовал и вовсе виртуозно. На проверку документов у него уходили буквально считанные секунды. Из кабины то и дело доносилось: «Следующий... Следующий...» При подведении итогов дня, подумал Шевколович, надо будет Поливцева отметить.

— Закругляемся, Владимир Владимирович,— сказал, подходя к майору, старший контролер Владимир Кульбаков. Полные губы его растянулись в улыбке, на щеках заиграли ямочки, делавшие его лицо совсем юным.

— Ну что ж, самое время,— согласился Шевколович, с симпатией глядя на Кульбакова.

Совсем недавно в отделении они торжественно отметили его день рождения — двадцать шесть. Шевколович улыбнулся. Он хорошо помнит себя таким, как Кульбаков...

Был лейтенант Шевколович известным в Вооруженных Силах спортсменом-легкоатлетом, чемпионом. Не раз побеждал на соревнованиях по метанию диска. И вдруг — тяжелейшая травма руки. Врачи заявили: дорога в спорт заказана навсегда.

Это была катастрофа, крушение всех надежд. И молодой офицер с медиками не согласился. Он начал усиленно тренироваться, занимался до изнеможения и добился-таки своего: вернулся, пусть и в другом качестве, в большой спорт. Но тренером в СКА пробыл недолго. Появилось сомнение, тот ли путь выбран в жизни? Он чувствовал, что способен принести больше пользы людям.

Предложение пойти служить на отдельный контрольно-пропускной пункт «Одесса» Шевколович встретил растерянно: какой из него сыщик? Полковник Аркадий Иванович Князев, ставший его первым начальником, отмел сомнения новичка. «Нам Пинкертоны не нужны. Нам подавай психологов с зорким взглядом, четкой гражданской позицией и непременно — интуицией... Кстати, чутье обостряется с опытом. Будете учиться...»

Шевколович не сразу поверил в себя. Люди, которых приходилось проверять, вызывали двойственное чувство. С одной стороны, он не мог им не доверять, с другой — всех ставил под сомнение: вдруг пропустит контрабандиста или валютчика.

Шевколовичу никогда не забыть первую свою удачу... Он указал таможенникам на вполне солидного человека. Шляпки гвоздей, крепившие уголки изрядно поношенного чемодана, показались слишком новыми. При досмотре под двойной крышкой нашли пять тысяч рублей.

Успех окрылил. Вскоре еще один респектабельный гражданин не без «помощи» Шевколовича вынужден был расстаться с деньгами, спрятанными в... мандолине. После этого случая все на КПП признали Шевколовича не только своим, но и равным по опыту и знаниям. Когда же спустя некоторое время он с двумя таможенниками обнаружил в иконе, на которую иностранец предъявил разрешение на вывоз, платину, золото и бриллианты, молодого офицера поставили другим в пример.

...Досмотр шел к концу, когда в таможенный зал вошел человек. Был он смугл, с буйной шевелюрой и черными глазами — типичный кавказец. Документы, предъявленные таможеннику, оказались на имя Мартиросяна, иностранного подданного, жителя американского города Лос-Анджелеса.

Сразу же показалось странным, что путешественник без багажа, с одним лишь дипломатом. И улыбался он, что называется, без паузы, всем и во все стороны.

— Не нравится мне этот человек,— тихо сказал Шевколович Кульбакову.— Слишком уж жизнерадостен.

— Представь, мне тоже он не внушает доверия,— отозвался майор.— Но уверен: портфельчик его чист.

— Думаете, разведчик?

— Не исключено.

Путешественник широким жестом распахнул перед таможенником дипломат. Как и предполагал Шевколович, ничего мало-мальски подозрительного у Мартиросяна не обнаружилось. Весь вид его говорил: зря стараетесь, я чист, как голубь. А с губ, точно приклеенная, не сходила обворожительная улыбка. Однако ощущение настороженности, возникшее у пограничников при появлении пассажира с дипломатом, не исчезло. За дол-

гие годы службы на отдельном контрольно-пропускном пункте Владимир Владимирович встречался с множеством людей и сталкивался с самыми невероятными ухищрениями... Особенно врезалась в память одна драматическая, происшедшая не так давно, история.

Из Советского Союза после лечения в санатории возвращалась домой группа иностранных детей-калек. Почти все они передвигались при помощи костылей, и Шевколович, человек жалостливый, смотрел на них с глубоким состраданием.

Вспомнилось давнее... Когда началась война и фашисты подступили к Москве, правительством было принято решение эвакуировать из столицы детей. Мама, возглавлявшая политотдел одного из крупнейших московских предприятий, покинуть свой пост не могла. Старая коммунистка, еще в двадцатых годах работавшая с Кларой Цеткин, руководившей женским секретариатом Коминтерна и ЦК международной организации помощи революционерам, мама всегда ставила свой долг превыше всего. Отец, участник Октябрьской революции, работал директором известной в стране фабрики «Победа Октябрю»..

И вот Владимира с братом-близнецом Женькой погрузили в эшелон и вместе с другими ребятишками отправили в глубокий тыл. На станции Лосиноостровская на эшелон налетели «юнкерсы» и, не обращая внимания на красные кресты, нарисованные на крышах, бомбами и пулеметными очередями изрешетили вагоны... Крики, стоны, рыдания до сих пор звенят в ушах!

Так братья Шевколовичи оказались под Омском в селе Харламово. И оба начали работать на военном заводе. По шестнадцать часов в сутки не отходили от станков. Спали тут же, в цехе, чтобы не тратить силы на ходьбу в общежитие и обратно. А были в цехе пацаны и того поменьше, нуждавшиеся в поддержке и защите. Тогда-то и появилось у тринадцатилетнего Владимира чувство ответственности, сострадания к младшим...

Вот почему Шевколович с такой острой жалостью смотрел на маленьких калек. Он готов был каждого подхватить и помочь подняться на судно по крутому трапу.

Детей сопровождали несколько взрослых. Возглавлял их представившийся медиком человек в широкополой, затенявшей лицо, черной шляпе. Он тоже смот-

рел на детишек влажными глазками, но взгляды его, то и дело бросаемые на пограничников, выражали нетерпение и беспокойство. Похоже, медика съедала тревога, но Шевколович не мог отыскать никакой для этого причины. Лишь чутье подсказывало: тут что-то не так.

Просматривая документы отъезжавших, Шевколович обратил внимание на довольно странную деталь. Дети пробыли в санатории всего декаду, а полный курс лечения двадцать четыре дня.

Когда Владимир Владимирович спросил у медика, что заставило прервать лечение и поспешить с отъездом, тот начал бормотать что-то о бедности родителей, не имеющих возможности оплатить длительное лечение... На что Шевколович резонно возразил: стоило ли, в таком случае, везти детей за тысячи верст? Советский Союз — не ближний свет, и расходовать большие средства, чтобы не исчерпать всех возможностей, не логично, если не сказать — бессмысленно.

Медик смутился, не нашел, что ответить, и отошел. А Шевколович окончательно уверовал: дело нечисто.

Мимо майора продолжали идти дети на костылях. Один мальчонка, споткнувшись, чуть не упал, и Шевколович, бросившись к нему, помог удержать равновесие. Но когда схватился за костыль, тот показался ему тяжеловатым. «Контрабанда?» — мелькнула мысль.

— Дай, пожалуйста, твой костыль,— попросил Шевколович у мальчика.

— Вы не имеете права,— вмешался медик.— Дети не могут передвигаться без костылей!

Шевколович тем временем пристально разглядывал костыль. Кожа на подлокотнике слегка надорвана, крепящие ее гвоздики вбиты в новые места. Рядом нетрудно обнаружить старые отверстия... Когда подлокотник вскрыли, в нем оказалась валюта. Тогда проверили все костыли, в них тоже были деньги...

Через таможенный зал проходили последние пассажиры. Тут же вертелся Мартиросян, хотя ему давно можно было выйти на причал. Похоже, человек этот кого-то ждал.

Минут десять спустя Мартиросян спросил у старшины, есть ли сообщение между залом и остальной частью морского вокзала.

— Меня провожают много друзей,— пояснил,— хочу издали помахать рукой, послать дамам воздушный поцелуй...

К Шевколовичу подошел Кульбаков и, понизив голос, спросил:

— Слышали, товарищ майор? Не нацеловался наш смуглый брюнет. Сообщение с морвокзалом ему подавай!

— Как думаете, зачем?— Шевколович пытливо взглянул на помощника.

Славный парень, этот Кульбаков, подумал, наблюдательный, вдумчивый. В погранвойска пришел по желанию и убеждению, что именно здесь его место... Начинал рядовым, потом стал сержантом. Отслужив срочную, поступил в Московское пограничное командное Краснознаменное училище КГБ имени Моссовета, успешно его окончил. Служил на границе, потом перешел в таможню. На счету Кульбакова более десятка задержаний контрабандистов и нарушителей пограничного режима... Вот и сейчас молодой офицер, похоже, верно определил:

— Полагаю, товарищ майор, иностранец хочет кому-то подать сигнал.

Кульбакову нельзя было отказать в догадливости. Мартиросян, так думал и Шевколович, искал возможность выйти с кем-то на связь.

— Времени остается в обрез. Может, его активизировать? Как считаете?

— Дельно,— согласился Шевколович и попросил передать по трансляции морвокзала, что посадка на теплоход «Карелия» заканчивается. Пассажиры, не прошедшие таможенный досмотр, обязаны поторопиться, иначе опоздают...

Входная дверь зала почти сразу после сообщения распахнулась, пропуская пассажира, такого же жгучего брюнета, как и Мартиросян. Человек в наброшенном на плечи плаще толкал перед собой тяжело груженную тележку. Шевколович насчитал семь баулов и четыре чемодана.

— Ну и ну,— присвистнул таможенник.— С такой кладью и за час не управишься...

Замысел нарушителей стал ясен. До отхода судна оставались считанные минуты. Из-за одного пассажира вряд ли станут задерживать теплоход. Вот и некогда

будет таможенникам произвести тщательный досмотр. К тому же пассажир Меликосетян был советским гражданином. Правда, сейчас он жил и работал, по странному стечению обстоятельств, тоже в Лос-Анджелесе.

Вероятно, Кульбаков прав, предполагая, что Мартиросян — разведчик, прощупывающий бдительность таможенников.

— Начнем, пожалуй! Открывайте вещи, гражданин Меликосетян,— распорядился таможенник, просматривая декларацию, в которой значились шесть предметов из драгоценного металла и валюта в допустимых размерах.

— Вы ничего не упустили?— заглянув в декларацию, поинтересовался стоявший позади досматривающего багаж таможенника Шевколович.

Смуглые щеки гражданина слегка побледнели, но выдержка ему не изменила.

— Нет. Конечно, нет! — ответил он твердо.

Первое, на что обратил внимание наблюдавший за происходящим Шевколович,— обилие спиртных напитков. Это же заметил таможенник.

— Пять бутылок армянского коньяка, две — марочного вина и бутылка шампанского,— констатировал он.— Не многовато ли?

— Это сувениры,— возразил Меликосетян.— У меня в Америке много друзей!

— Порядок существует для всех, гражданин,— заметил таможенник, выразительно поглядев на Шевколовича.— Количество вывозимого из страны спиртного строго определено.

— За рубежом меня никто не поймет. Всем известно кавказское хлебосольство,— объяснил Меликосетян и умоляюще поглядел на Шевколовича, признав в нем старшего.

Владимир Владимирович промолчал. В этот момент он внимательно рассматривал на коньячных бутылках полиэтиленовые колпачки. Они показались ему чуть больше обычных. Почему?

Подозвав старшего таможенного инспектора, майор сказал:

— Сдается мне, здесь что-то есть. Налицо отступление от стандартной укупорки. Надо, пожалуй, отправить эти «драгоценные» сосуды на экспертизу.

Меликосетян изменился в лице и забормотал что-то

о незаконных действиях. Шевколович остановил его протестующим жестом:

— Может, скажете сами, что там находится?

Пассажир метнул в него ненавидящий взгляд и замолчал. Досмотр багажа продолжался, а в это время эксперты колдовали над пробками бутылок. В них оказались искусно спрятанные камешки. Алые, бирюзовые, зеленые — разной величины, они заиграли отшлифованными гранями.

При подсчете оказалось двести тридцать драгоценных камней — первый «улов» из «кладовой» Меликосетяна, но далеко не последний.

Багаж гражданина, вознамерившегося отбыть за границу, был досмотрен досконально. Из потаенных уголков одна за другой извлекались антикварные вещи. Из огромных баулов вынули семь уникальных восточных ковров; из одного чемодана — тринадцать ваз из слоновой кости, сделанных искуснейшими резчиками восемнадцатого века; из другого — семьдесят два золотых и платиновых женских украшения — кольца и колье, броши и браслеты, медальоны и ожерелья, усыпанные рубинами, сапфирами, лазуритом, алмазами...

Теплоход «Карелия», дав прощальный гудок, давно отвалил от причальной стенки и взял курс на Стамбул, а извлечения из багажа контрабандиста продолжались. Чего здесь только не было! Вазы и подсвечники, шкатулки и курильницы, иконы и оклады, бесценные миниатюры и жемчуг. Всего было обнаружено шестьсот шестнадцать изделий, усыпанных драгоценными камнями.

Позже эксперты торгово-промышленной палаты Украинской ССР скажут, что ценность предметов, отобранных у преступника Меликосетяна, исчисляется в три миллиона шестьсот пятьдесят две тысячи восемьсот сорок четыре рубля. Большинство изделий сделано лучшими ювелирами прошлых веков. А часть их, как выяснится впоследствии, окажется из знаменитой коллекции драгоценностей Петра I, таинственным образом исчезнувшей сразу после февральской революции. Следствие потом покажет, что весь этот клад был надежно запрятан еще в 1917 году. Но за океаном о нем знали. Просто долгое время не решались вывезти, потому как прекрасно понимали: покушаться на национальное бо-

гатство страны опасно. На сей счет существуют довольно строгие международные законы.

И вот нашлась продажная душа, согласившаяся совершить подлое дело. Пограничники проявили подлинную бдительность и высочайшее искусство розыска. Теперь богатства возвращены законному владельцу — советскому народу, а преступник понес заслуженное наказание.

Так закончилась история обнаружения небывалой по ценности контрабанды.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за проявленные бдительность и отличную службу Владимир Владимирович Шевколович награжден орденом «Знак Почета». Это была вторая государственная награда. Первый орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени он получил также за образцовое выполнение обязанностей и воинскую доблесть.

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Повесть

ПРОЛОГ

Высадка десанта началась рано утром. Мичман Горбатов, нахохлившись, наблюдал, как спускаются с корабля в шлюпки его матросы. Казалось, действуют они недостаточно быстро. И это его раздражало: промедление в боевой обстановке может дорого стоить, особенно сейчас.

Седой мичман стоял возле трапа. Издали он походил на серый замшелый камень, откуда-то появившийся на палубе. Выражение лица его было сумрачным. Сегодня он решительно недоволен всеми и, главным образом, командиром. К его словам так и не прислушались... По трофейным картам, захваченным ими на Сахалине при освобождении Отомари*, бухта, в которой предстояло высадиться десанту, значилась пригодной для стоянки судов всех классов. Тут и глубины подходящие, и побережье песчано-отлогое. Почему бы не подойти к острову ближе? Для первого броска и сотня метров на веслах может сыграть решающую роль.

Командир конвоя, не соглашаясь с мичманом, основывался на том, что доверять вражеским картам опасно: соврут, какой с них спрос. К тому же туман.

Над океаном действительно висел курильский бус. С одной стороны, вроде бы дополнительная маскиров-

* Отомари — ныне Корсаков.

ка, никаким прожектором не пробьешь. Но с другой... Беспрерывно сыплющаяся сверху изморось делала палубу, шлюпки, такелаж влажными и скользкими. Когда же переваливаешься через борт и раскачиваешься на веревочном трапе, а за спиной ручной пулемет или противотанковое ружье с боекомплектом пуда на два — малейшее неверное движение грозит ледяной купелью. Хоть и первое сентября, лето по календарю только миновало, а водичка студеная.

Горбатов хорошо знаком со свирепым нравом Тихого океана, он прослужил на Дальнем Востоке много лет еще до войны. Сей прискорбный, как он считал, факт биографии, собственно, и привел сейчас мичмана сюда. Будь его воля, ни за что не расстался бы с Северным флотом. В Заполярье провоевал три с лишним года, поэтому не мыслил службы в другом месте. И вдруг... В феврале сорок пятого вызвали в штаб. Собирай, говорят, манатки, поедешь в Москву и дальше... «Как же так?— возмутился мичман.— Война... Братишки жизни свои кладут. А меня, выходит, на тыловые харчи?..»

«Не горячись, Михаил Демидыч,— усмехнулся беседовавший с ним капитан 1 ранга.— Меня тоже туда отправляют».

«Но почему?— удивился Горбатов.— Разве мы все дела переделали? Я надеялся тут до победы провоевать!»

«Я — тоже. Но посылают нас не в санаторий. И не всех подряд, а с отбором, в основном тех, кто прежде на востоке служил,— словно уговаривая себя, продолжал командир.— Ладно уж, сообщу по дружбе. Будем осваивать новый театр военных действий. Осваивать! Понял?.. Многому, хоть мы и имеем большой военный опыт, придется учиться заново...»

Посадка в шлюпки прошла как будто без задержки, однако тревога не покидала Горбатова. Конечно, народ в группе захвата подобрался отчаянный. Большинство прошло через пекло войны и теперь способно выдержать все. Но на войне всякое бывает. Горбатов долго командовал разведчиками отдельного батальона морской пехоты. Он повидал столько, что хватило бы в обычной жизни на добрый десяток людей. И поэтому он хорошо знал, что бывает и такое, когда кажется, что самое страшное позади, можно вздохнуть с облегчением, рас-

слабиться, но тут-то и настигает солдата какая-нибудь шальная пуля...

Шлюпки первого броска отвалили от корабля, как и было определено приказом, ровно в семь ноль-ноль. Шли чуть ли не на ощупь. Не то что берега, своих, находящихся в полукабельтове, не разглядеть. Сидя за рулем, Горбатов пытался обнаружить хоть какой-нибудь ориентир. Его группе предстояло высадиться, как сказал ставивший боевую задачу капитан 1 ранга, в самой горячей точке.

Бухта, куда направляется десант, песчаная. Широкой пологой дугой врезается она в остров. На южной оконечности ее невысокое плоскогорье. На нем, по данным разведки, и находятся основные огневые точки противника, прикрывающие залив. Там же располагается штаб расквартированной на южных Курилах бригады.

«Твоя главная цель, Михаил Демидыч,— сказал командир,— штаб! Штаб — любой ценой!.. Захват его сразу деморализует всю группировку вражеских войск на острове. Высадишься у подножия плато и живо наверх! Только быстрота и внезапность могут обеспечить успех. Ну, да не мне тебя учить».

По заливу шла мелкая зыбь. Весла шестерок взлетали над водой, описывали в воздухе плавный полукруг, роняя капли, и снова мягко входили в нее. Взмах, другой, третий... Каждый из них приближал десантников к берегу, к цели, к опасности.

Горбатов наметанным глазом различил темную полоску земли, когда до нее оставалось не более ста метров. Он окинул взглядом бойцов и только тут обратил внимание, что все, вопреки его строжайшему приказу, надели бескозырки. Но это не рассердило его. Не будь Горбатов командиром, обязанным подавать пример, он бы тоже каску, которая, конечно, защищает от пуль и осколков, непременно заменил бы на морскую фуражку. Флотская фуражка и бескозырка — символы родного флота для моряков, воюющих на суше.

Шлюпка с разгону ткнулась в песчаную отмель, и десантники, перепрыгивая через борта, вздымая тучи брызг, устремились к берегу.

— Живей, братва!— командовал Горбатов.— Живей!

К берегу одна за другой подходили шлюпки. Зеленые гимнастерки и темно-синие форменки быстро расте-

кались по суше: важно не только захватить плацдарм, а и закрепиться на нем до того, как противник откроет огонь.

Время шло, а японцы... Японцы молчали, и Горбатов, ведущий группу вверх по скалам, недоумевал. Вражеские посты наблюдения не могли не обнаружить десанта. У японцев повсюду прекрасная связь, им должно быть известно, что советские войска заняли уже многие острова Курильской гряды.

«Почему до сих пор не открыли огонь?— думал мичман.— Готовят ловушку?»

Неизвестность всегда тяготит, уж лучше бы поскорее вступить в бой...

В то же время Горбатов сознавал: лишний метр, пройденный без огневого противодействия, сохраняет жизнь его ребятам. И это второе желание — пусть еще хоть несколько минут тишины — было не менее сильным.

Десантники достигли наконец плато и залегли. Слева просматривался бронированный колпак, справа зияли две амбразуры дзота. Между ними — простреливаемое пространство. Не заминировано ли? Горбатов огляделся: где же, в конце концов, противник? Ни окопов, ни часовых. Вокруг будто все вымерло.

— Слышь, командир,— окликнул лежавший рядом матрос Сидоренко,— вон там тряпка болтается на ветру. Не нам ли сигнал подают?

Действительно, позади зарослей бамбука из-за большого камня кто-то невидимый размахивал белым флагом. Мичман не верил своим глазам. Капитулируют?.. Или очередная вражеская подлость?.. Сколько раз так бывало: говорят — «сдаемся», а потом стреляют; улыбаются, а сами — нож в спину...

— Никак пощады просят! — вновь воскликнул матрос.— Разреши, командир, я схожу туда, погляжу, что к чему. На рожон переть не стоит.

Горбатов искоса взглянул на Сидоренко и не сразу ответил на его просьбу. Он думал: «А если не провокация? Если на самом деле сдаются? Тогда нужна не столько храбрость, сколько дипломатия».

Матрос понял молчание мичмана по-своему.

— Одинокий я,— глухо сказал он и добавил: — Жинка с хлопчиком под немцем оставались. Сгинули...

— Спасибо, дружище! — отозвался Горбатов.— Но командиру негоже перекладывать ответственность

равно как и опасность, на плечи подчиненных. Пойдем вместе.

Мичман решительно поднялся, стряхнул приставшие к коленям травинки, одернул китель. Оценивающе оглядел внушительную фигуру матроса в лихо сбитой набекрень бескозырке и шагнул вперед.

Они шли и прекрасно сознавали: в любую секунду в них могут выстрелить. Но страха как-то не чувствовалось, лишь остро ощущалась полная беззащитность. Куда легче, оказывается, бежать в атаку, стрелять самому, слышать вокруг свист вражеских пуль, чем вот так, не спеша, вскинув голову и расправив плечи, шагать мимо вражеских амбразур...

Миновав бронированный колпак, они заметили японцев. Их было семеро, судя по обмундированию — офицеры. Увидев мичмана, японцы по команде вытянулись и замерли, а двое двинулись навстречу, высоко вскидывая ноги. Подойдя, один из них на ломаном русском языке сообщил, что он — представитель командования и уполномочен начать переговоры.

«Ишь чего захотели,— мысленно усмехнулся Горбатов.— Ваша песенка спета, господа хорошие! Хотите вы или нет, но и этот последний остров Курильской гряды будет советским!»

— Никаких переговоров!— отрезал он.— Слыхали, как сказал в Берлине маршал Жуков? Капитуляция! Полная и безоговорочная!

Японцы послушно закивали, торопливо заговорили. На то есть божья воля и приказ императора Микадо. Одна лишь нижайшая просьба: оставить офицерам холодное оружие, которое они обязуются не применять. Без холодного оружия они лишаются чести, что равносильно смерти.

— Нам до ваших кинжалов и сабель дела нет,— махнул рукой Горбатов, знавший, что при капитуляции в других местах наше командование удовлетворяло такую просьбу.— Где огнестрельное оружие?

— Тут, господин, совсем близко,— обрадовался неизвестно чему японский представитель.— Можно смотреть. Можно считать...

Они обогнули капонир, за которым на ровной площадке аккуратными горками были сложены винтовки, пулеметы, короткоствольные горные пушки. Здесь же штабелями высились ящики с боеприпасами.

«Ну вот и все»,— устало подумал Горбатов и взглянул на стоявшего рядом Сидоренко. Он вытащил ракетницу, нашел нужный патрон. Туман почти рассеялся, открыв сияющее ослепительной голубизной небо. Пологими конусами в него врезались вершины вулканов. Ближайший — серая с прозеленью громадина — поднимался над островом, закрывая добрую треть горизонта.

Зеленая ракета, вычертив дугу, взлетела над сопками.

Возле капонира появились десантники сперва из взвода Горбатова, а потом и из других подразделений. Весело переговариваясь, они рассматривали диковинные японские винтовки — арисаки; спускались в доты и выводили оттуда японских солдат. Пленных строили в колонны, препровождали к берегу, чтобы посадить на десантные суда и отправить на Большую землю,— таков был приказ.

На плато с группой офицеров поднялся капитан 1 ранга, обнял подошедшего с рапортом Горбатова и взволнованно сказал:

— Поздравляю, Михаил Демидыч. Поздравляю с победой! Долго нам пришлось к ней идти... Ну, что тут у вас, показывай?

В этом вопросе был весь командир. Все ему было интересно! Сколько знал его Горбатов, тот всегда оставался открытым, чувств своих от подчиненных не таил. Если радовался, то от души, а когда сердился, высказывался прямолинейно.

Мичман любил своего командира. Всякий раз при встрече, что в последнее время случалось не столь уж часто, он окидывал его ладную фигуру взглядом и с одобрением отмечал: какой отличный моряк получился. А ведь когда впервые пришел на корабль, никак к морю привыкнуть не мог.

Будущий капитан 1 ранга был назначен на минный заградитель «Смелый» младшим механиком, а Горбатов служил боцманом. Это был двадцать пятый год — памятный Горбатову тем, что нашел он свое счастье в далеком нивхском стойбище Майма! Год спустя жена родила ему сына, нареченного по деду Демидом... Да, много воды утекло с тех пор.

— Ну, показывай блиндаж, где размещался штаб японской бригады,— весело потребовал капитан 1 ран-

га.— Да ты показывай, показывай, Михаил Демидыч! О чем задумался?

В каземате, куда они спустились, оказалось сумрачно, прохладно. Какие-то бумаги устилали пол, шкафы, столы. Залетавший в распахнутые двери ветерок шелестел обрывками карт. По углам, украшенные вязью серебристых иероглифов, стояли пузатые сейфы. Несколько наших офицеров извлекали оттуда папки и аккуратно раскладывали на столе. При виде капитана 1 ранга офицеры вытянулись.

— Вольно,— махнул тот рукой и, обращаясь к майору, руководившему разбором документов, спросил:— Как дела, начальник разведки? Есть что-нибудь интересное?

— Еще не закончили, товарищ капитан 1 ранга,— отозвался майор,— но, вроде бы, всё на месте.

— Далеко не всё,— возразил капитан с эмблемами связиста.— Не нахожу некоторых документов. И довольно важных.

— Каких, например? — поинтересовался капитан 1 ранга.

— Еще не установили точно. Но я вижу разницу между входящими и исходящими номерами, особенно по вопросам связи.

— Не только по связи,— вмешался начальник разведки.— Многие бумаги японцы, по-моему, успели уничтожить...

— Или унести!— буркнул связист.

— Зачем? Нужны они им теперь, как прошлогодний снег.

— Видно, японцы думают иначе,— вмешался молчавший до этого молодой лейтенант с погонами интенданта.— Исчезли, например, планы подземных складов с продовольствием и вооружением. Все они рассчитаны на длительное хранение, на десятки лет...

— Даже такие были?— удивился Горбатов.

— Так точно, товарищ мичман. Японцы предполагали вести войну длительное время, потому и запасались,— ответил начальник разведки.

— Да, планы у них были обширные,— усмехнулся капитан 1 ранга.— И, заметьте, обоснованные. Огромные стратегические запасы. Высокий дух нации. Всего этого нельзя не учитывать. А сухопутные войска?.. Сейчас у них под ружьем семь миллионов. Сила? Даже

у Гитлера, если помните, в армии вторжения солдат было чуть поменьше.

— Выходит, не приди мы на помощь, американцы с англичанами чухались бы с этой войной еще года два?— удивился связист.

— Не меньше,— подтвердил капитан 1 ранга,— и положили бы еще не одну тысячу своих солдат.

Где-то вдалеке будто разорвалась хлопушка.

— Никак граната?— спросил кто-то из разведчиков.

Капитан 1 ранга, за ним остальные офицеры устремились к выходу. Над островом по-прежнему висело затянутое дымкой солнце. Все вокруг дышало миром: едва колыхалась на ветру высокая, чуть пожухлая трава; убегали вниз по склону ровные, словно подстриженные, кусты шиповника с крупными, как райские яблоки, алыми плодами; полого подымались кверху нечеткие, размытые контуры гор; медленно сползали с них остатки молочно-серого тумана. Просто не верилось... Не хотелось верить... Невозможно было поверить, что могут снова загреметь выстрелы, может снова пролиться кровь...

Вдруг откуда-то послышались пулеметные очереди, гулко забухали арисаки. Звуки, множась эхом, раздавались где-то на другой стороне острова. Сомнений не было: там, у подножия вулкана, шел бой.

— Начальник разведки, установите, в чем дело!— распорядился капитан 1 ранга.— Жду ваших сообщений здесь.

Майор исчез. Выстрелы то затихали, то раздавались вновь. Потом неожиданно смолкли. Горбатов вопросительно поглядел на командира, хотя знал, что без точных данных тот ничего не предпримет.

Около полудня вернулся наконец начальник разведки и доложил: группа десантников, прочесывающая остров, в районе мыса Столбчатый была неожиданно обстреляна противником. Попытались с ходу японцев атаковать — безрезультатно. Есть потери. Чтобы уничтожить врага, нужно подбросить туда людей.

Взгляд капитана 1 ранга посуровел. Рано, рано он отпустил тормоза. Войне конец, но фанатиков во вражеском стане всегда хватало. Из-за них он должен сейчас послать матросов в бой, который для некоторых, возможно, окажется последним...

Он посмотрел на стоявших рядом с ним. Кого из

них послать? Взгляд его остановился на Горбатове. Они встретились глазами, два старых сослуживца. Капитан I ранга понял мичмана без слов и, раздражаясь от того, что вынужден согласиться, сказал:

— Ну хорошо, хорошо. Давай!.. Мичман Горбатов! Берите свой взвод. Ваша задача — уничтожить последний очаг сопротивления противника.— И, помолчав, тихо добавил:— Михаил Демидыч, дело, как ты понимаешь, опасное. Будь осторожен.

— Есть, товарищ капитан первого ранга. Взвод, становись!

И когда все построились, Горбатов не по-уставному, по-отцовски тепло обратился к матросам:

— Ну, братва, задача ясна. Прошу, у кого есть семьи, выйти из строя!

Никто не шелохнулся. Мичман недовольно поморщился:

— Не будем играть в геройство. Вы проявили достаточно храбрости в боях с немецко-фашистскими захватчиками. У каждого вон какой иконостас на груди, глазам больно от блеска. Так что проявите сознательность, не задерживайте!..

Однако взвод остался неподвижным. И Горбатов понял: никто не выйдет, потому что будет считать себя предателем по отношению к товарищам.

— А ну вас к дьяволу!— глухо выругался Горбатов и услышал в ответ дружный смех.

— Не разводи панихиду командир...

— Помирать нам рановато...

И тут на левом фланге мичман неожиданно заметил юнгу с автоматом через плечо, изо всех сил старавшегося, чтобы его не обнаружили. Мальчишка был любимцем отряда. Его, разумеется, не следует брать с собой. Горбатов обрадовался подходящему поводу, чтобы переключить внимание бойцов.

— Это что за явление?— грозно спросил он, направляясь к юнге.— Уж не с нами ли собрался, Иван? А ну, марш отсюда!..

Парнишка нехотя покинул строй. Горбатов взглянул на оживленные лица матросов и остался доволен общим настроением.

...Путь взвода пролегал по узкому побережью, стиснутому морем и скалами. Машины здесь пройти не могли из-за разбросанных повсюду огромных валунов,

поэтому их оставили за озером Лагунным и двинулись пешим порядком.

Был как раз отлив, позволявший идти полоской прибоя по обнаженному серому песку, похожему на асфальт. Слева, в каких-нибудь пятидесяти метрах, обрывисто поднимались отроги вулкана.

До мыса Столбчатого оставалось километра полтора, когда их встретили специально высланные два солдата из соседней части. Солдаты провели Горбатова к узкой расщелине, где располагался НП командира.

Лейтенант встретил мичмана не очень приветливо, а узнав, что тот привел с собой всего один взвод, вовсе расстроился.

— О чем они там думают?— возмутился молодой офицер.— Хоть бы роту прислали! Да и минометы не помешали бы...

— По древней присказке воюют не числом, а умением,— улыбнулся Горбатов и, видя, что лейтенант готов вспыхнуть, примирительно добавил:— Будем обходиться наличными силами. Введите в курс...

— Пошли. Только не высовывайтесь. Метко стреляют, гады!

Прячась за камнями, они добрались до конца расщелины. Отсюда хорошо просматривалась широкая поляна, покрытая густыми зарослями курильского бамбука.

— Вон там они и засели,— показал лейтенант.— Справа и слева не обойдешь — отвесные скалы. В лоб, сами понимаете... Я уже трижды пытался. Только людей зря потеряли.

— А ты выяснил, что они обороняют? — спросил Горбатов.— У противника обязательно должна быть какая-то цель. Если она не ясна, считай, ты наполовину проиграл.

— Да кто ж их знает? Может, тут какой-нибудь военный объект. Или прикрывают отступление своих? А вдруг смертники? Их, говорят, цепями к пулеметам приковывают...

— Смертников японцы просто так не используют, а для серьезного дела берегут,— вздохнул мичман.— А ты пока что гадаешь на кофейной гуще.

— Ишь, какой Суворов! — обиделся лейтенант. Он был ершист, самолюбив и от роду — не более двадцати лет.

— Не задирайся,— дружелюбно сказал Горбатов.—

Я ведь почти четыре года на войне отгрохал. Старикам и поворчать дозволено.

— Везучий же вы человечище! — ахнул лейтенант.— Неужто все время в разведке?

— Почти,— отозвался Горбатов, пристально изучая открывшееся перед ним пространство, безусловно простреливаемое противником вдоль и поперек.— Должен тебе сказать, в лоб их на самом деле не взять. Хорошо устроились. А вот в обход...

— Но кругом скалы,— возразил лейтенант.—Чтобы на них взобраться, нужны альпинисты со специальным снаряжением...

— Погоди,— остановил лейтенанта мичман, разглядывая трофейную карту острова.— Лучше давай разберемся вместе... Вот мыс Столбчатый, а тут речка. Вода, конечно, проложила в камне русло. На то она и вода, чтобы долбить камень. Как думаешь, если пойти по руслу, доберемся до гребня вулкана?

— Не знаю,— растерялся лейтенант, но было видно, что предложение ему понравилось.

— Мои разведчики — народ тренированный, пролезут везде,— заметил Горбатов.— Я беру с собой восемь человек. Остальных оставляю тебе. Как только окажусь в тылу противника, дам сигнал. Ударим с двух сторон одновременно.

Речка действительно прорезала в скалах довольно широкий каньон. Идти по нему, страхуя друг друга веревкой, было несложно. Вода, правда, оказалась ледяной, но кто обращает внимание на подобную мелочь, когда речь идет о выполнении боевого задания.

Горбатов с матросами достиг цели как раз в тот момент, когда багровый солнечный диск наполовину окунулся в голубовато-зеленые волны Охотского моря. Времени до темноты оставалось немного, и мичман поспешил дать сигнал.

Автоматные очереди загрохотали одновременно с фронта и тыла. Японцы, зажатые с двух сторон, заметались. Беспорядочно стреляя, они бросились сначала вперед, потом назад. Попадая каждый раз под губительный огонь десантников и неся потери, вынуждены были в конце концов бросить оружие и поднять руки.

— Давно бы так — с усмешкой заметил Горбатов, выходя на поляну.— Долго же вас надо было приводить в чувство, господа...

Японцы, кланяясь, смотрели на него с надеждой и подобострастием, принимая за главного начальника. И только один солдат, до крови закусив губу, старательно отводил взгляд. Скуластое, клинообразное, с широкими ноздрями и острым подбородком лицо его передергивал нервный тик. Горбатов уже встречался с такими вот озлобленными, знал: от них можно ждать любых неожиданностей. Подумал, что японца следовало связать, пока сдуру не натворил беды. Только хотел распорядиться, как японец отскочил в сторону, выхватил из кармана пистолет. Глаза его в бешенстве сузились. Направив оружие на мичмана, что-то хрипло крикнул, однако выстрелить не успел. Откуда-то сбоку на него бросилась маленькая юркая фигурка. Юнга! Вцепился руками в пистолет, что есть силы дернул книзу. Коротко ударил запоздалый выстрел, и мальчик медленно осел на землю. В следующую секунду к японцу подскочили разведчики, заломили ему руки, а Горбатов подхватил парнишку.

— Ваня,— крикнул,— сынок! Ты жив?

Юнга открыл глаза.

— Ранен?

— Ни,— мотнул он головой.— Перелякався чуток...

Все с облегчением рассмеялись. А Горбатов рассердился:

— Ах, чертенок! Я тебе что приказал, Иван?

— Не шуми, командир,— заступился за парнишку Сидоренко.— Он же, как ни крути, жизнь тебе спас. Лучше скажи, что с этим бешеным гадом делать,— кивнул он на японца.— Может, шлепнуть, и дело с концом?

— Расстреливать пленных никто права не давал!— ответил Горбатов.— А с этим, думаю, наши разведчики особый разговор иметь будут. Ведите всех на берег, к бухте.

Подошел лейтенант.

— Послушайте, мичман,— сказал он обескураженно,— мы все вокруг облазили. Надеялись хоть что-нибудь найти. А ничего нет...

— Не красоты же природы они обороняли?

— Понимайте, как хотите, а только ничего не обнаружилось. Деревья, бамбук, скалы. Даже ни одного паршивого дота...

— Не может того быть! Давайте еще раз тщательно осмотрим местность.

Однако и при повторном осмотре местности ничего не обнаружили. Напрасно Горбатов шарил по кустам, в траве, между валунами, спускался в расщелины — все впустую.

— Может, они отход начальства прикрывали? — предположил лейтенант.— Оно удирало, а солдаты...

— На чем удирало?— насмешливо спросил Горбатов. — Разве ты видел самолет? А за морем все время ведется наблюдение. Нет, видно, они что-нибудь прятали тут...

На землю опустилась ночь, и Горбатов решил прекратить бесплодные поиски. Построив взвод, он приказал сержанту вести всех в поселок. Мичман покидал поляну последним. Прежде чем спуститься к своим, еще раз обернулся и в который раз подумал: «Что же или кого все-таки защищали тут японцы?..»

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ШХУНА

Стоя на мостике, лейтенант Горбатов привычно вглядывался в иссиня-зеленую, простиравшуюся до самого горизонта, гармошку волн. Вынырнувшие из воды, как всегда неожиданно, две вершины начали быстро расти, раздвигаться вширь. И вот уже на их позолоченных восходящим солнцем склонах стали видны снежные прожилки. Одна вершина — вулкан Менделеева, могуче расправивший плечи пологих склонов; вторая — Тятя со срезанной шапкой.

Чем ближе подходил пограничный корабль к острову Кунашир, тем четче проступали изломы скал. Лейтенант смотрел на них и вспоминал деда. Летом сорок пятого он высадился здесь со своими разведчиками и принял бой, оказавшийся для него последним. На этом война закончилась.

Дед, Михаил Демидович,— заслуженный человек. Полвека отдал флоту, из них почти четыре года воевал в Заполярье. Внуку от старого боцмана достались в наследство отблески его славы и имя. У них в семье традиция — давать сыну имя деда. Михаил, Демид, снова Михаил. А с именем наследовали не только дух предков, а и профессию.

Военно-морское училище Михаил окончил с отличием. На предложение служить в морских частях погра-

ничных войск откликнулся с энтузиазмом. Учеба, спорт, служба давались ему легко. Михаил был высок, статен и, как утверждали некоторые девчонки, хорош собой, особенно в морской форме. Профессия военного моряка привлекала романтикой, а пограничная служба — тем более. Погони, схватки, задержания, конечно, обязательно с риском для жизни. Будущая служба еще заманчивее стала, когда его начали учить выслеживанию нарушителей, распознаванию их хитростей, уловок. И Михаил все больше укреплялся в мысли, что выбрал правильный путь. На Тихий океан же попросился потому, что это не только граница, а и суровый край — есть где проверить себя в деле.

Подобные мысли вслух высказывать почему-то не принято. Могут подумать — нескромен. И зря! Честолюбие военному человеку, Михаил в том уверен, необходимо. Оно — стимул для продвижения по службе. Ничего худого в том, что стремишься достичь большего, нет.

Желающих ехать на Тихий океан оказалось много, гораздо больше, чем вакантных мест. Михаилу при отборе отдали предпочтение как отличнику. Учли, наверное, и то, что он представитель морской династии, — отец ведь тоже был военным моряком. На мандатной комиссии Михаил так и заявил: «Хочу продолжить семейную традицию: быть там, где труднее всего!» И Горбатов поехал на Курилы.

Первые же месяцы пребывания на границе его разочаровали. Не так он себе все это представлял. Изо дня в день одно и то же: высадки, осмотры, проверки. Никакой опасности, ни малейшего риска. Они задерживают шхуны японских рыбаков, которые занимаются браконьерством. Да и с теми миндальничают. Вместо того, чтобы схватить с поличным не в меру жадных рыбаков и взгреть как следует, дабы другим было неповадно, ведут переговоры. А тут еще командир попался, словно задубелая вобла. Корректен, вежлив, но, как говорят, мягко стелет, да жестко спать. Ни в чем спуску не дает. Ему и в голову не приходит, что человек может что-то забыть. Ну почему бы ему что-то не напомнить помощнику, если видит, что тот закрутился? Повтори еще раз, язык не отвалится. Так нет... Это глухому, видите ли, две обедни служат. А офицеру, если он забыл выполнить указание начальника, полагается взыскание. Оно, взыскание, очень, мол, хорошо память укрепляет... Гор-

батов уверен, что характер командира отразился и на его внешнем облике: сухой, скулы выпирают, кадык, того и гляди, кожу проткнет, лицо выбрито до синевы. Говорят, командир болен чем-то и его собираются положить на лечение в госпиталь, а он сопротивляется изо всех сил. Только медики все равно верх возьмут, с ними спорить трудно. Интересно, кого Плужников за себя оставит?

По штату замещать командира положено помощнику. Но за год службы у Михаила с Плужниковым отношения так и не сложились. Внешне все выглядит нормально — никаких трений. Но Михаил-то чувствует: каждый его шаг вызывает у командира несогласие, во всяком случае не очень одобряется. Впрочем, многое зависит от комбрига Ушинского...

Сзади послышались шаги, прервавшие размышление Михаила. Только у штурмана, лейтенанта Пчелкина, имевшего, по боксерской классификации Михаила, категорию «мухи», была такая легкая походка.

— Здорово, старина! Как вахта? — спросил Пчелкин.

— Порядок,— буркнул Михаил, не очень довольный его появлением. Он не любил, когда ему мешали думать.

— Командир отдыхает?

Вопрос, по мнению Михаила, был дурацкий. Раз помощник на мостике, что еще может делать Плужников, отстоявший ночную вахту?

— Тебе что-нибудь надо? Или пчелка прилетела соленого ветерка хлебнуть? Похоже, надоело тебе в штурманской норе сидеть.

Пухлые губы Пчелкина, растянутые в улыбке, дрогнули.

— За такой тон можно и по шее схлопотать,— отозвался он обиженно.

— Уж не от тебя ли, Лёшенька?

С высоты своего роста Михаил окинул насмешливым взглядом тонкую, изящную фигуру товарища. Они знакомы еще с училища, были в одной роте, только в разных классах. Как все мужчины маленького роста, Пчелкин был болезненно самолюбив и, чтобы как-то компенсировать недостаток мускульной силы, регулярно занимался гимнастикой. Горбатов прекрасно об этом знал. Он любил Пчелкина, но отказаться от удовольствия подтрунить над Алешкой не мог. «От моих шуток не поху-

деешь, а злей будешь»,— приговаривал. На что Пчелкин неизменно с убеждением отвечал: «А мне не надо — злей!..»

Пчелкин и в самом деле был добрым, даже излишне мягким, как считал Михаил. Вместо того чтобы власть употребить, Алешка многое прощал своим подчиненным и чаще просил, чем приказывал. Вот и сейчас он не обиделся, а примирительно заметил:

— Я проложил новый курс. Дана команда идти к проливу Екатерины.

— Приказ не обсуждают,— развел руками Михаил, обрадовавшись, что размолвка не переросла в ссору.

— На траверзе мыса Докучаева будем поворачивать к северу...

— К северу, так к северу... Ты лучше расскажи, что Наташа пишет.

В бригаде ни для кого не было секретом, что невеста Пчелкина москвичка Наташа этим летом заканчивает институт и приезжает к жениху. Алексею уже и квартиру подготовили соответственно его будущему семейному положению. И Михаил знал, что разговор о любимой девушке приятен Пчелкину. Потому и завел его.

На палубе показался замполит старший лейтенант Бурмин. Видно, только проснулся, глаза со сна были слегка припухшими. Но китель, как всегда, наглухо застегнут. Бурмин выходил из каюты обязательно в кителе со свежим подворотничком и брюках с тщательно отглаженными стрелками. Даже в шторм этот человек умудрялся бриться, и от него неизменно пахло «Шипром». «Одеколон — не роскошь, а предмет бурминского ширпотреба»,— прохаживались по этому поводу местные острословы.

— Вахте привет!— задрав голову, крикнул Бурмин.— Как самочувствие?

Вопрос, на который отвечать было совсем не обязательно, задавался замполитом по привычке. Сам он отличался завидным здоровьем, быстро привык к курильскому климату и за год пребывания тут ни разу не простудился. Лицо, впрочем, было бледным: к Бурмину не приставал загар. Летом, когда в океане не спрячешься от обжигающего солнца, кожа у него сгорала, становилась багровой, и облезала клочьями. Особенно доставалось широкому, постоянно облупленному и шелушившемуся носу. Светло-серые глаза в сочетании с

шевелюрой цвета соломы и такими же бровями делали Бурмина блеклым. Это особенно бросалось в глаза, когда он шел рядом с женой. Его Люся была яркой брюнеткой с цыганскими глазами. Они и по характеру разнились. Тем не менее, сдержанный, несколько медлительный Бурмин и веселая, бойкая на язык толстушка Люся, чуть выше своего благоверного ростом, были идеальной парой. В маленьком военном городке, где все знают друг друга, лишь удивлялись: как могут ужиться, никогда не ссорясь, столь полярные натуры.

— Куда путь держим?— спросил Бурмин, все еще стоявший на палубе.

— Вперед,— отозвался Горбатов.

Он относился к замполиту с легкой иронией. Тот окончил политучилище по сухопутному профилю, на море попал хоть и по желанию, но в общем-то случайно.

— И что же там... впереди?— насупился Бурмин.

— Уточняю, товарищ старший лейтенант,— опередил Михаила Пчелкин,— идем в заданный район на охрану государственной границы. Вам сообщить координаты?

— Не надо, Алексей Степанович. Я зайду в рубку и с вашей помощью разберусь по карте...

У трапа появился матрос Ковалец.

— Разрешите доложить, товарищ лейтенант,— протянул он Горбатову радиограмму.— Застава Лагунная дает наведение!

— Что там?— вяло спросил Горбатов, а про себя подумал: «Опять какая-нибудь старая посудина заблудилась». Он пробежал глазами текст радиограммы. Так и есть: у мыса Столбчатого в наших водах неизвестная шхуна.

— Разрешите прокладывать курс, товарищ вахтенный офицер?— спросил Пчелкин.

— Разрешаю!

Горбатов дал сигнал тревоги, и моментально на корабле все пришло в движение. Перекрывая пронзительный звон колоколов громкого боя, послышался топот ног. Взревели двигатели, переключенные на «полный вперед». Корабль вздрогнул и резко прибавил ход.

— Право на борт!— скомандовал лейтенант.

— Есть, право на борт!— повторил рулевой.

Харитон Жарких кряжисто стоял у руля, широко расставив для упора ноги. Стиснув штурвал, он угрюмо и,

вроде бы, бесстрастно исполнял команды. Уж очень ему хотелось выглядеть перед всеми этаким морским волком. Пониженный за какие-то проступки из старшины 2-й статьи, Жарких прибыл на корабль недавно. Будь его воля, Горбатов ни за что не взял бы такого разгильдяя в экипаж. На других может отрицательно повлиять, в этом командир базы Вальясов абсолютно прав. Но стоило тому в присутствии Плужникова заявить, что Жарких неисправим, как командир сразу попросил перевести его к себе. И о чем он думал?

Корабль шел, огибая мыс Ловцова. Солнце, затопившее океан ласковым теплом, постепенно перемещалось за корму. По левому борту по-прежнему лежал Кунашир, но его закрывал теперь Тятя. Громадина вулкана с круто падающими книзу склонами мало-помалу смещалась в сторону, сближаясь с солнцем, пока не закрыла его. Сразу потемнело, ощутимо потянуло прохладой. Прозелень волн погустела. Корабль в окружении белого кружева пены вышел в Охотское море.

На мостик поднялся Плужников. Глядя на него, подтянутого, спокойного, трудно было представить, что командир отдыхал не более двух часов.

— Из-за чего сыр-бор, помощник?— спросил он и протянул руку за биноклем.

Выслушав подробный доклад Горбатова, командир несколько минут внимательно рассматривал побережье, придвинулся к переговорному устройству и спросил:

— Штурман, сколько хода осталось до Столбчатого?

Получив ответ, Плужников, не оборачиваясь, распорядился готовить осмотровую группу.

— Есть!— козырнул Горбатов и с явной неохотой отправился исполнять приказание.

Он думал о том, что опять предстоит высаживаться на шхуну и объясняться со шкипером при помощи разговорника. Тот может прекрасно знать русский язык, но все равно будет мычать: «Моя не понимай!» А ты предельно любезно доказывай, что кое в чем разбираешься. Если в разрешительном билете на промысел указан один район, а лов ведется в другом,— налицо грубое нарушение закона, за которое полагается штраф... И чего каждый раз объяснять одно и то же? Жаль, командир не может послать на осмотр кого-нибудь другого. Хорошо бы включить в группу боцмана. У Сивоуса опыт. Горбатов под стол пешком ходил, когда мичман

Сивоус уже нарушителей здесь задерживал... Нет, не может командир понять своего помощника! Не дано ему чуткости.

Однако Михаил ошибался. Глядя вслед Горбатову, командир как раз думал о нем. Откуда у молодого человека душевная усталость? Вроде бы хорошо начинал: сам рвался на осмотры, обязанности исполнял энергично, весело. И вдруг внезапно утратил интерес к службе. Нельзя сказать, что Михаил перестал быть добросовестным, но много ли в этом проку, если делает все без вдохновения, скорее по инерции. День да ночь — сутки прочь. Тянет служебную лямку, как старый вол в упряжке...

Плужников хорошо помнил себя лейтенантом. Так же, как и Горбатову, ему было двадцать три. Но на Тихий океан привела не столько романтика, сколько трезвый расчет. Он справедливо рассудил: пока молод, надо послужить там, где труднее. Позже, в сорок, пятьдесят, когда сил поубавится, можно и на Черное море проситься. Привлекали также и материальные соображения. Повышенный оклад, ускоренная выслуга лет кое-что значат. Тем более, женился Плужников еще на первом курсе училища. Такая у них с Марией любовь была, что решили не ждать лучших условий. Через год родился сынишка, а потом и вовсе радость — двойня. Плужников торжествовал: дети — великое счастье! Но их обуть, одеть надо... У Маши даже зимнего пальто не было. Они его уже потом справили...

Может, дело в том, что у Горбатова нет семьи? Одиночество — плохой стимул для продвижения по службе. Но ведь в бригаде не один он холостяк...

— Судно справа по носу,— доложил сигнальщик.

В бинокле шхуна сразу выросла в размерах. Плужников разглядел трубу, рубку, людей возле нее, снасти, развешенные между мачтами.

— Расположились, будто дома на печке. Удирать и не думают!— удивился Жарких.

— Повнимательнее на руле. Влево не ходить,— сделал замечание Плужников, думая о том же, что и матрос.

Обычно японские шхуны, застигнутые в советских территориальных водах, спешили их покинуть. На этой люди продолжали спокойно заниматься своими делами, словно не видели подходивших пограничников.

На мостик поднялся мичман Сивоус. Был он крепок, жилист. Лицо продолговатое, гладко выбритое, глаза, спрятанные за лохматыми с обильной проседью бровями, невозмутимы.

— Ну и что обо всем этом думаете, боцман?—спросил Плужников.

— Не гадалка я, товарищ командир. Сейчас подгребем и увидим.

— Но какова наглость?— возмутился Плужников.— Мы на корме висим, а им море по колено. Словно гостей к самовару ждут.

— Или все чисто, грехов за собой не имеют. Или специально тормознули, чтобы нас с вами поближе разглядеть...

Плужников нахмурился. Сивоус зря болтать не станет. Боцман отличался мудростью, что приходит с годами к людям, много пережившим. А он в свои полсотни с хвостиком лет повидал немало. В округе фронтовиков, продолжавших служить, оставались единицы, и мичмана называли «последним из могикан». В праздник, когда Сивоус надевал парадную, увешанную орденами и медалями тужурку, люди почтительно уступали ему дорогу...

— И мне не нравится это, боцман. Не верю в безгрешность ее команды. Ты вот что, собирайся-ка вместе с Горбатовым... на самовар.

Пожав плечами, Сивоус возразил:

— Дело ваше, товарищ командир, но я бы предпочел остаться.

— Почему?

— Обидится помощник. Похоже, не доверяете ему. Так ведь?

— Тебе скажу: не доверяю. Не потому, что службы не разумеет, а взгляд у него сонный. Там же, как сам понимаешь, даже въедливость требуется.

— Так ведь учить нужно, нагружая работой, а не освобождая,— заметил Сивоус.

— Согласен. Но сегодня для дела будет полезней тебе с ним пойти. Не кисейная барышня помощник — переживет! Впрочем, ты, как парторг, сумеешь и обязан сориентироваться. Объяснишь, мол, не сторожем приставлен.

— Понял.

Вскоре осмотровая группа была на катере.

— Держать на шхуну!— приказал Горбатов стоявшему на руле старшему матросу Менкову.

— Есть, держать на шхуну,— прогудел тот в ответ.

Глядя на худющего, не очень складного матроса, трудно было предположить в нем обладателя столь мощного баса. Из-под форменки выпирали острые ключицы, на узком лице длинный, острый нос — предмет постоянного обсуждения товарищей. Но Пашка — добрая душа, как любил рекомендовать себя Менков,— ни на кого не обижался. Он отлично играл на гитаре, любил петь куплеты Мефистофеля, демонстрируя силу голосовых связок, и единственное, чем дорожил по-настоящему, это славой отменного моториста.

Сидя на носу, Горбатов равнодушно смотрел на приближавшуюся шхуну. Она явно доживала свой век: потрепанный такелаж, облупленная на бортах краска, неопрятно лохматые концы, свисавшие с надстроек.

Михаил покосился на мичмана. Включение Сивоуса в осмотровую группу Горбатов воспринял с раздражением. Дожил, подумалось, няньку приставили... Впрочем, боцмана он вообще недолюбливал, главным образом за покровительственную снисходительность к молодым офицерам, за постоянные подсказки, за стремление учить уму-разуму. Конечно, опыт, возраст давали ему некоторые преимущества. Но привилегий, отменяющих табель о рангах, не существует. Каждый в соответствии с должностью имеет определенное положение.

Однако сейчас Горбатов поймал себя на мысли, что очень хочет узнать мнение Сивоуса. Запущенное судно у японцев — редкость и сразу наводит на мысль... За тридцать лет пограничной службы боцман сталкивался со всякими мыслимыми и немыслимыми ситуациями. Старого воробья на мякине не проведешь... Однако Сивоус сидел себе тихо в сторонке и помалкивал, будто ничего и не думал.

Едва катер коснулся борта шхуны, осмотровая группа мгновенно оказалась на палубе. Каждый занялся своим делом. Менков бросился в машинное отделение. В его задачу входило не допустить порчу двигателя. Случаи, когда машину выводили из строя, чтобы затруднить конвоирование судна, бывали частенько.

Ковалец, метнувшийся в радиорубку, обязан был помешать повреждению аппаратуры и предотвратить передачу в эфир всякой чепухи, вроде той, что «японское

судно подверглось в открытом море нападению советских пограничников».

Два других матроса собрали команду на юте. А Михаил поспешил к шкиперу, который уже сам, улыбаясь и кланяясь, шел навстречу. Он был немолод, держался с достоинством и удивил Горбатова, сразу же заговорив на русском языке:

— Моя просит помогай. Машина помогай. Ломался...

— Разберемся,— ответил Горбатов, не поверивший его словам.

— Разреши мне посмотреть?— спросил Сивоус и, получив согласие, направился к Менкову.

Горбатов тем временем вместе с переводчиком занялся просмотром промыслового журнала. По документам выходило, что шхуна вела лов в отведенном ей районе. Однако на борту, как доложили матросы, улова не оказалось.

— Моя хотел лови. Рыба нет!— объяснил шкипер, неотступно следовавший за лейтенантом.

На юте под охраной пограничника сгрудилась команда — шесть рыбаков в истрепанных робах. Были они под стать шкиперу — пожилые. Лишь один выделялся. Не одеждой и не возрастом, скорее осанкой. Он стоял, расправив плечи, вскинув голову. Колючий взгляд, брезгливая гримаса, ядовито-тонкие губы, каменные желваки на скулах...

«Где я его видел?— подумал Михаил.— Напоминает... Да нет, ерунда. Почудилось... Просто типичное с высокомерным выражением лицо, знакомое по многим фильмам...»

Из люка вынырнул Менков.

— Починили, товарищ лейтенант,— доложил он.

— Какого характера поломка?

— Точно трудно сказать. Когда я пришел, двигатель был уже вскрыт, в нем копались японские машинисты.

— Все в порядке, командир,— подтвердил Сивоус.— Можно заводить.

— Как думаете, мичман,— понижая голос, чтоб не услышал шкипер, спросил Горбатов,— не сами ли они испортили двигатель?

— Эти «деятели» на все способны. Но для какой цели?..

— Может, из разведывательных соображений интересуются мысом Столбчатым?

— Их все советское интересует. Однако при том раскладе, что имеется,— недоказуемо.

— А отсутствие рыбы на борту?

— Разве это довод? Рыбакам просто не повезло. Ловили, да не выловили, вытащили пустой невод.

— Предположим. Тогда взгляните на снасти...

Сивоус нахмурился, подошел к неводу и для верности даже потрогал. Было совершенно очевидно: снастями давненько не пользовались.

Краем глаза Михаил заметил, с каким вниманием наблюдает за их действиями шкипер. «Горячо! — подумал.— Мы где-то близко от истины!» Но шкипер ощутил на себе взгляд и отвернулся.

— Тут что-то нечисто,— заметил Михаил.

— Предчувствия да предположения не могут служить основанием для задержания,— заметил Сивоус.

— А испорченный двигатель? А сети, которыми не пользовались,— горячился Горбатов.

— Вы ведь сами понимаете, товарищ лейтенант, насколько эти доводы несерьезны,— вздохнул Сивоус.— Так что придется отпустить.

Пограничный катер медленно отвалил от шхуны. Горбатов, усевшийся на привычное место, угрюмо молчал. Он был уверен, их обвели вокруг пальца. А сгрудившиеся на корме рыбаки с издевкой смотрели вслед.

Сивоус, придвинувшись вплотную, улыбнулся.

— Что так мрачны?— спросил.— Эта шхуна не первая и не последняя в жизни... А вы, однако, наблюдательны, Михаил Демидович. С чем и поздравляю. Отличное качество и, уверяю, не всем дано!..

ДОКОПАТЬСЯ ДО ИСТИНЫ

Скалистый было не узнать. Полторы недели назад, когда корабль уходил на границу, все вокруг было серым, тусклым. Окутанные зябким туманом, громоздились покрытые пятнами грязного снега угрюмые скалы, а в расщелинах, где негде разгуляться пронзительному ветру, едва пробивалась гравка.

Сейчас остров расцвел. Михаил с удовольствием вглядывался в знакомые и в то же время разительно изменившиеся окрестности. Склоны сопок, плавно сбегавшие к бухте, покрылись сочным изумрудом разно-

травья, частыми островками курильского бамбука, всю зиму простоявшего пожухло-желтым. Листва опушила деревья. Белоснежная кипень черемухи радовала глаз.

Горбатов шагал по пирсу и с каким-то неведомым ранее чувством восхищения и горечи отмечал происшедшие перемены. Как красиво вокруг! И как немило, будто чужое. А ведь здесь долгие годы служил отец. Был командиром корабля, потом начальником штаба бригады. Тут и Михаил появился на свет, только не на земле, а в океане.

Матери подходило время рожать, и она решила отправиться в Южно-Курильск. На Скалистом не было ни госпиталя, ни больницы, ни тем более роддома. Теперь сюда два раза в неделю приходят комфортабельные пассажирские теплоходы, привозят людей, почту, грузы. А в то время не было даже регулярного сообщения с «большой землей», как тут называют Кунашир. Добраться до Южно-Курильска можно было лишь с оказией. Для жен офицерского состава таковой оказывался, как правило, все тот же пограничный корабль, на котором служили их мужья.

Именно на такой «попутке» и отправилась мать. Вместе с ней на корабле, где командиром был отец, плыли другие женщины. Они направлялись по своим делам, кто за чем. Многие были с детьми. Стояло жаркое лето, и все надеялись, что путешествие будет недолгим и приятным. До Кунашира всего четыре-пять часов хода.

Однако едва корабль успел покинуть Скалистый, как с самолета, патрулировавшего над морской границей, поступила радиограмма: «В наших водах две иностранные шхуны. Ведут лов». Прозвучал сигнал тревоги. Экипаж занял места по боевому расписанию. Женщинам с детьми командир приказал спуститься вниз и разместиться в матросских кубриках.

Матери от волнения стало плохо, и фельдшер, совсем еще молодой, дал ей валерьянки — единственное успокоительное средство, обнаруженное в корабельной аптечке.

Корабль полным ходом шел в район местонахождения нарушителей. Расстояние оказалось неблизким. Наконец на горизонте показались две шхуны. Заметив пограничников, рыбаки начали поспешно удирать. Одно судно удалось догнать сравнительно быстро. На ходу

высадили осмотровую группу, обнаружившую в трюме семь тонн крабов. Браконьеров поймали с поличным, за что им предстояло ответить по закону.

Вторая же шхуна, не реагируя на сигналы и предупредительные ракеты, продолжала удирать. Однако Демид Горбатов был не из тех командиров, от которых безнаказанно уходили нарушители. Мотористы выжали из двигателя все, что возможно, и браконьеры, уже радовавшиеся, что их не задержали в советских водах, были перехвачены в последний момент, у самой границы.

Нетрудно представить, каково при такой гонке пришлось женщинам. Преследование шхун и конвоирование их к Скалистому продолжалось восемнадцать часов. В кубриках укачало буквально всех, а у матери начались преждевременные роды. Принимать их пришлось тому же юному фельдшеру, никогда прежде этим не занимавшемуся.

Отец рассказывал: Михаил издал первый свой крик при входе в бухту.

По древнему поверью, рожденный в море непременно должен стать моряком. А Михаил тем более — и дед, и отец моряки. Еще школьником сын частенько повторял: «Я догоню тебя, батя. Вот увидишь!» «Догнать— не фокус,—возражал тот.— Ты должен добиться большего». «Рассчитываешь увидеть меня адмиралом?» — спрашивал сын. «Не откажусь. В добрый час,— смеялся отец и, посерьезнев, задумчиво говорил: — Сначала стань человеком, а потом... Мой батя, твой дед, был мичманом. Я — капитан второго ранга. Тебе идти дальше...»

Эх, знал бы батя, как его наследник, став морским офицером-пограничником, несет службу. Как по-бурлацки натужно тянет лямку, растеряв радужные мечты... Ошибся, что ли, в выборе профессии? Не привлекают больше морские горизонты. А раз так, надо, пока не поздно, уходить. Но как об этом напишешь бате? Какой будет для него удар?

Деревянная, без малого в триста ступеней, лестница, зигзагом проложенная по откосу от пирса прямо к штабу, показалась Михаилу непривычно длинной. Обычно он взлетал по ней. Сегодня же вроде и выспался, а голова тяжелая, во всем теле усталость. Преодолевая пролет за пролетом, Горбатов выбрался на верхнюю площадку и тут же увидел спешившего навстречу офи-

цера. Однако не сразу узнал его. Лишь когда тот обрадованно закричал: «Миха! Ты ли это?», с изумлением понял: перед ним Васька Маховой. Только он называл Горбатова Михой.

— Откуда?— спросил Михаил растерянно.— Ты же на Сахалине служил. В командировку, что ли?

— Насовсем!— обнял его Маховой.— Переведен по личной настоятельной просьбе. Рад тебя видеть, чертяка!

Горбатов поморщился. Он не любил бурного проявления чувств, к тому же еще не успел осмыслить, рад ли встрече.

Они с Василием не просто однокашники. Четыре долгих курсантских года их койки стояли рядом и всё, что выпадало на долю одного, разделялось другим. Пополам радость, горе, успехи и неудачи, и последняя сигарета тоже. Однако в дружбе двоих, как это часто случается, Горбатов оказался лидером. Он и учился лучше, и на ринге занимал призовые места, частенько побивая неловкого медлительного друга.

В отличие от неуклюжего, не знающего куда деть длинные руки Василия, Михаил был ловок, хорошо сложен. И никогда не лез за словом в карман.

К тому же Михаил Горбатов был симпатичным парнем. Пышный русый чуб, правильные тонкие черты лица и пронзительно синие глаза били, как утверждали во взводе, женский пол наповал. Горбатов с общим мнением соглашался, а Маховой вторил славящему «хору» и охотно играл вторую роль, считая Горбатова намного способнее и умнее себя. Тем более что со второго курса Михаил стал командиром отделения, старшиной 1-й статьи.

Горбатову при выпуске прочили большое будущее. Василия же считали середнячком. В лучшем случае говорили, что тот мог рассчитывать на какую-нибудь не очень высокую должность. С тем и разъехались по разным частям друзья, направленные в погранвойска. Но судьба обоих круто изменилась...

В то время как Горбатов, придя из училища помощником командира пограничного корабля, так им и оставался, Маховой быстро пошел в гору. Он трижды проявил себя при задержании нарушителей. Был награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». Ему досрочно присвоили звание старшего

лейтенанта. Пока Василий был далеко, Михаила это, в общем-то, мало трогало. Сейчас предстояло служить вместе...

— Поздравляю!— сказал Михаил, ревниво взглянув на три звездочки, блестевшие на новеньких погонах.

— С чем?— удивился Василий.— Ах, ты о звании? Тебя сия доля не минует. Главное в другом!

— В чем же? — усмехнулся Горбатов.

— Долго рассказывать, Миха,— вздохнул Маховой, сразу почему-то погрустнев.

Внешне старый друг вроде бы изменился мало, разве немного похудел, отчего резче обозначились скулы. Что-то в выражении глаз, пока неуловимое, показалось чужим. Зато усы, пышные, пшеничные, тщательно ухоженные, оставались прежними. Василий всегда холил свои усы, справедливо полагая, что они украшают его заурядную внешность.

— И все-таки в чем главное? Рассказывай, я не тороплюсь,— с прежней снисходительностью заметил Михаил.— Ты уж выкладывай свои беды. Кстати, как Клава?..

Угнетенное настроение друга подействовало на Горбатова взбадривающе. Наслышавшись о его успехах, он долго бы еще не решился задать этот вопрос.

Именно из-за Клавдии их дружба если и не прекратилась, то, во всяком случае, дала глубокую трещину. И надо ж было встретить эту Озерцову! Мало ли было у него других девчат? Те, другие, считались с его капризами, прощали даже грубость. А он, привыкший с детства быть единственным и неповторимым, пользовался этим, всячески демонстрируя свою власть. Это же так приятно, когда тебе позволяют казнить или миловать...

И вдруг — «порох в юбке»! Что ни скажи—все не так. Ей слово, а она — двадцать. Да так врежет, — хоть стой, хоть падай. Ох, Клава! Как же она его помучила. Ни от одной девчонки он такого не терпел. Другую бы мигом отшил, а от этой сколько резких слов сносил...

И чем она только брала? Стать, конечно, хороша, фигурка точеная. А лицо — так себе: курносо, широкоброво, кругло. Пройдешь мимо — не заметишь. Разве глаза остановят: зеленые, влажные, будто сбрызнутые росой. И дерзкие. Глянет — обожжет! А еще голос — низкий, грудной, что называется, бархатный. Говорит — слушать хочется, а запоет...

— Так что Клава?— повторил вопрос Горбатов.— Она с тобой приехала?

— Да,— односложно отозвался Василий.

Михаил удивленно поглядел на друга и настырно переспросил:

— С тобой или нет? Не слышу твердости в твоей речи. Что-нибудь случилось?

— Все в порядке,— уклончиво ответил Маховой.

Что-то в голосе Василия да и в облике заставило прикусить язык. Горбатов помнил друга всегда открытым, распахнутым, с широкой улыбкой и неиссякаемой готовностью помочь всем и каждому. Таким он показался и теперь. Но первое ощущение обмануло. Рядом шел молчаливый, заметно повзрослевший человек, даже постаревший с тех пор, как они не виделись. И седина обозначилась на висках, а ведь прошло не более двух лет...

Откровенный разговор явно не получался. Печально, когда после разлуки встречаются друзья, а говорить им, по сути, не о чем.

— На какую должность к нам?— прервал молчание Михаил.

— Еще не знаю. Да какая разница!

— Кокетничаешь. Так-таки все равно?— ехидно заметил Горбатов.

— Я давно просился на Скалистый,— сказал Василий сухо. — Должность же меня не волнует.

— Не ко мне ли под бочок размечтался? — не удержался Михаил, но, увидев укоризненный взгляд друга, почувствовал неловкость. В самом деле, почему не послужить рядом? Они, в конце концов, что бы там ни случилось, не один пуд соли съели.

— Успокойся, Миха,— грустно отозвался Маховой.— Ты не при чем. Так сложились обстоятельства. Я должен был резко сменить обстановку. А лучшее место, чем Скалистый, придумать трудно. Тем более и ты здесь. А это для меня до сих пор все еще важно.

— Ты непоследователен. Не замечаешь? То я «не при чем», то — это «очень важно»...

— Стоп. Хватит!— Маховой протестующе поднял руку.— Давай не будем углубляться. Со временем само по себе все узнается, а пока... Будь здоров, Миха! Спешу к комбригу. Рад, что встретились. Ей богу, рад!— повторил он и порывисто прижал Михаила к себе. Потом от-

толкнул его и стремительно пошел прочь. А сбитый с толку Горбатов остался на месте. Он так и не понял причины приезда Махового.

Кто-то крепко хлопнул его по плечу. Рассерженный, Михаил обернулся: кто ж это позволяет подобную бесцеремонность? Впрочем, в гарнизоне лишь один человек мог вытворять с ним, да и с остальными молодыми офицерами все, что вздумается. Это был командир береговой базы капитан-лейтенант Борис Вальясов, неистощимый на выдумки балагур. Именно он и стоял сейчас перед Горбатовым, обнажив в улыбке ослепительные зубы.

— Наинижайшее вам, Михаил свет-Демидович!— воскликнул Вальясов.— Из-за какой беды-напасти тень на светлый лик набежала?

Губы Михаила помимо воли расползлись в улыбке. С Борисом вне службы нельзя оставаться серьезным. Вальясов жил в том же общежитии, что и он, был душой всех холостяцких компаний. Борис, правда, совсем недавно примкнул «к великому братству вольных казаков»...

Жена Вальясова, по его же словам, милашка Танечка, отчалила от него навсегда. Мало кому в бригаде, разве что начальнику политотдела, была известна истинная причина крушения семьи командира береговой базы.

После шести лет супружества и стольких же лет службы на Камчатке Вальясову на выбор предложили перевод в Крым на равноценную должность или на Скалистый с повышением, причем значительным. Командир береговой базы по штатному расписанию значился капитаном 2 ранга. Так что простор для роста был изрядный, и Вальясов, как человек военный, не задумываясь, предпочел второй вариант.

— С кем это ты сейчас вел светскую беседу? Уж не с Маховым ли?— поинтересовался Вальясов у Горбатова.

— Он самый. Вместе кончали училище,— неохотно пояснил Михаил.

— Не вижу восторга по поводу свидания с однокашником.

— Не целоваться же? Встретились, перебросились парой слов, и дело с концом.

— На более подробной информации не настаиваю,— ответил Вальясов, пытливо поглядев на собесед-

ника.— Разве что последний вопрос: прибывший холостяк?

— Женатик,— отрезал Михаил и поспешил перевести разговор на другую тему. Боцман, мол, жаловался: ему нужна шаровая краска, а на складе не дают.

— У твоего жмота Сивоуса,— усмехнулся Вальясов,— такие запасы, что можно выкрасить всю посудину от киля до клотика...

В новой должности командира базы Вальясов оказался незаменимым. Для его кипучей натуры нашлось широкое поле деятельности. На островах, где на учете каждый болт, он ухитрялся буквально из-под земли доставать все, вплоть до свежих овощей ранней весной и субтропических фруктов зимой. Когда же его спрашивали, откуда товар, Вальясов хитро улыбался и, доверительно подмигивая, отвечал: «Секрет фирмы». Но хозяйственником он был прижимистым. Про него говорили: «Снега среди зимы не выпросишь». Слыша такую характеристику, командир базы лишь довольно потирал руки.

— А краску все-таки нам дай,— попросил Михаил.

— Не выклянчивай. Пусть боцман сам зайдет. Погляжу по документам, — неопределенно пообещал Вальясов.— Да, чуть не запамятовал. Завтра вечерком встреча в харчевне «Двух пескарей»...

На языке Вальясова харчевней, или «Бунгало», называлась банька с парилкой и бассейном, которую он соорудил с матросами на берегу бухты. Баня называлась физкультурно-оздоровительным комплексом для воинов-спортсменов. Днем в определенные часы там собирались матросы, занимавшиеся плаванием и прыжками в воду. Вечером же, когда помещение пустовало, сюда иногда приходили офицеры, чтобы попариться и снять тем самым усталость после напряженного рабочего дня. Вальясов, считавший заботу об отдыхе командиров первейшей обязанностью, организовал здесь по всем правилам «искусства» чайный стол с огромным двухведерным самоваром. В трехлитровом фарфоровом чайнике, привезенном кем-то из Средней Азии и великодушно подаренном «Бунгало», заваривался крутой, до черноты, чай. На стол выставлялись баранки, печенье, конфеты, другие немудреные сладости.

После парилки приятно было посидеть в тесном дружеском кругу, выпить пару кружек чаю, обсудить новос-

ти, а заодно, если к тому был повод, поздравить кого-то с днем рождения или другой знаменательной датой. Родился даже шутливый ритуал, когда имениннику сперва учиняли «допрос» с пристрастием, требуя отчета о текущих делах и достижениях, и лишь потом желали всяческих благ и многие лета...

— По какому случаю нынче сабантуй?— получив приглашение, поинтересовался Горбатов.

— Неужто запамятовал?— укоризненно покачал головой Вальясов.— У твоего замполита, Михаил свет-Демидович, грядет день ангела.

— У Бурмина? Почему он молчит?

— А вот с него за это и спросим по всем законам морского братства. К тому же у меня есть к нему особый разговор...

Однако на следующий день ничего не состоялось. После обеда Плужникова вызвал комбриг.

— Как настроение, Игорь Александрович?— начал Ушинский издалека.

Плужников усмехнулся:

— Вы имеете в виду мои взаимоотношения с медициной? Неважные, честно скажу.

— Врачи давно на вас зубы точат,— заметил Ушинский.— Слышал, намереваются снова уложить в лазарет. Так?

— На данном этапе это излишне, товарищ капитан первого ранга!— отчеканил Плужников.— Чувствую себя отлично.

Ушинский поглядел на командира корабля с прищуром, как бы прикидывая меру искренности. Он не терпел фальши ни в чем, сразу чувствовал, когда ему что-то недоговаривали или обманывали. Если кто-нибудь на совещании начинал докладывать о положении дел в радужных тонах, комбриг перебивал фразой, ставшей афоризмом: «Свистать всех наверх для парадного построения...»

Лучше самая горькая правда, чем сладчайшая ложь, — это было его кредо, потому что Ушинский не просто добросовестно служил, а душой болел за пограничные войска, за их морские части, которым была отдана жизнь. Да и не только его... Виктор Андреевич Ушинский был ленинградцем или, как он говорил, питерцем, потомственным моряком. Его прапрадед, комендор,

за исключительную храбрость, проявленную при обороне Севастополя в Крымской войне, специальным царским указом был пожалован дворянством. Грамота эта до сих пор как драгоценная реликвия хранится в семье. Дед, комендор броненосца, погиб в Цусимском бою, а отец начинал в гражданскую и прошел всю Отечественную, командуя эсминцем. Он как-то с гордостью сказал сыну: «Наша династия свыше полутора веков славно служит флоту российскому».

Сам Виктор Андреевич хорошо помнит День Победы, возвращение отца...

Плужников выдержал пристально-оценивающий взгляд и наконец услышал:

— Что ж, Игорь Александрович, рад за вас. Но помните: здоровье офицера — не только его личное дело. Как экипаж?

— Готов к выполнению любого задания!

— В этом я не сомневаюсь. Меня интересует настроение людей, взаимоотношения.

— Моральный дух на уровне. Отношения служебные, как и положено.

— Что у вас там с помощником — не все ладится?

— Да как сказать...— нерешительно протянул Плужников.

— Так прямо, без обиняков, и говорите.

— Особых претензий к лейтенанту Горбатову нет. Свои обязанности он исполняет.

— И все-таки, чувствую, вас что-то тревожит.

— Понимаете, Виктор Андреевич, парню двадцать три. В таком возрасте земля под ногами должна гореть, а он какой-то...

Плужников запнулся, подыскивая слово поточнее. Он не хотел быть необъективным. К тому же считал и себя отчасти виновным в том, что Горбатов с каждым днем все больше теряет интерес к службе.

— Словом, корабль вы бы ему не доверили? — напрямик спросил Ушинский. — Так я вас понял?

Плужников отозвался не сразу. На сухом скуластом лице отразились колебания, и Ушинский понял, что в своем предположении не ошибся.

Капитан 1 ранга не зря спрашивал о Михаиле Горбатове. Его очень беспокоила судьба молодого офицера, не сумевшего за два года хоть в чем-то себя проявить.

Но Ушинский тревожился не только потому, что речь шла о непосредственном подчиненном. Михаил был сыном старого друга — Демида Горбатова, с которым они вместе служили еще лейтенантами. Он знал и деда Михаила — старого мичмана, уважал его. Потому и считал себя за лейтенанта в ответе. В кармане к тому же лежало письмо от Демида, в котором тот на правах друга спрашивал о сыне...

— Простите, Виктор Андреевич, — заговорил после паузы Плужников, — но мне бы хотелось подумать, прежде чем окончательно ответить на ваш вопрос. И посмотреть! Так будет надежней.

— Что ж, не возражаю. Посмотрите, подумайте,—согласился Ушинский.—Горбатов, насколько мне известно, с отличием окончил училище. Блестящую характеристику получил и на пограничных курсах переподготовки. Так в чем же дело? Что с ним случилось? Давайте-ка, Игорь Александрович, попробуем разобраться вместе. Договорились?..

Сказал и подумал, что должен был раньше обратить внимание на лейтенанта Горбатова. Да все дела, дела, затянула текучка, а работать с людьми некогда.

Ушинский встал, давая понять, что неофициальная часть разговора окончена. Был он высок и плотен. Тужурка плотно облегала спортивную фигуру.

— А теперь о делах сугубо пограничных, — сказал капитан 1 ранга, отдергивая занавес, закрывавший карту. — Сожалею, что сокращаю вам время отдыха, но обстановка на границе осложняется. В этом районе, — комбриг обвел карандашом вокруг острова Кунашир, — наблюдается какая-то подозрительная возня. Вы застали шхуну в наших водах, заставы на островах тоже доносят о появлении неизвестных судов. Очень мне это не нравится. — Ушинский повернулся к Плужникову и уже иным, приказным тоном сказал: — Выходите сегодня в ночь. Вам предстоит...

Окончив постановку задачи, Ушинский прикрыл карту и устало опустился в кресло.

— Постарайтесь выяснить, — глядя на Плужникова, проговорил он раздумчиво, — что интересует здесь представителей сопредельного государства. Надо... Надо докопаться до истины!

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

В каюте было настолько душно, что пришлось включить кондиционер. Горбатов, сдавший вахту Плужникову, сбросил тужурку и подсел к столу. Пора, подумал, черкнуть домой письмецо. Мать, наверное, волнуется. От ее единственного сыночка столько времени нет вестей. Раз не пишет, определенно что-то случилось.

Достав ручку, Михаил придвинул блокнот и задумался. О чем же написать?.. Он нежно любил мать, и все-таки с некоторых пор его стала раздражать излишняя женская опека, охи и вздохи по поводу здоровья, словно сыночку десять, а не двадцать с гаком. Если бы не отец, совсем бы скис от материнского обожания.

Так о чем же написать родителям? О буднях, серых, как мышь? О том, как другим иногда удается задержать нарушителей, а он лишь досматривает шхуны японских браконьеров? Или о натянутых отношениях с командиром?.. Мама разохается, а бате рассказывать стыдно. Пожалуй, можно сообщить о встрече с Маховым. Родители его знают. Однажды во время каникул Михаил привез закадычного дружка домой. Василий, тихий, вежливый, воспитанный, пришелся ко двору. Отец о нем сказал: упорный парень, что означало в его устах высшую похвалу. Батя оказался прав, друг действительно пошел в гору... Впрочем, какие они теперь друзья? Встретились, а говорить не о чем. А все из-за нее, Клавы Озерцовой.

Так и не написав ни строчки, Михаил отложил ручку. Какие странные коленца, однако, выделывает судьба! Он же сам... Сам от нее отвернулся, а теперь вроде бы жалеет? Заявил тогда Ваське, что фифа эта надоела хуже горькой редьки...

Ох, как Маховой вскинул голову, как пронзил взглядом! «Хочешь, — спросил, — избавлю?»

«Каким же образом?» — оторопел Михаил.

Маховой спокойно, будто речь шла о давно обдуманном, сказал: «Я на Клаве женюсь».

«Вот так сразу?— спросил Михаил.— Для такого шага надо, как минимум, любить человека!..»

«А я и люблю! Давно... Я знаю Клаву с незапамятных времен, когда она еще под стол пешком ходила...»

Клава и Василий в детстве жили в рыбацком поселке, учились в одной школе. На три года старше девочки, Василий покровительственно сопровождал ее до-

мой, пренебрегая насмешками товарищей, после чего бегом возвращался к себе на противоположный конец поселка. Потом они встретились во Владивостоке, куда она приехала учиться.

Василий, собственно, и познакомил Клаву с Михаилом. Курсанты частенько ходили в расположенный по соседству с училищем институт культуры. По воскресеньям днем там гремела музыка. В ослепительном свете, льющемся из старинных хрустальных люстр, девушки выглядели ярко, нарядно, одна красивее другой. Но Михаил почему-то сразу обратил внимание на одиноко стоявшую в стороне от танцующих фигурку. Девушка прислонилась к массивной мраморной колонне, заложив руки за спину, и тоже разглядывала их.

«Фартовая девочка. Смотрит дерзко!» — шепнул Михаил, подталкивая Василия в бок.

Маховой не сразу понял, о ком речь, а увидев девушку, обрадовался. «Это же Клавочка Озерцова, — сказал он, — дочь бригадира нашего колхоза. Батя ее — капитан лучшего рыболовецкого сейнера, Герой Социалистического Труда. Да и сама Клавочка — замечательная. Хочешь, познакомлю?»

«Валяй, — снисходительно разрешил Михаил, — натиск и быстрота — спутники победы!»

Горбатов понял значительно позже, как не хотелось Василию знакомить его со своей землячкой. Предложив, он, вероятно, тут же пожалел об этом, хорошо зная способность Михаила очаровывать девчат с первого взгляда.

Горбатов увлекся Клавдией сразу. Девушка как будто ответила взаимностью. Но у Клавдии, с точки зрения Михаила, оказался взбалмошный характер. Она позволяла себе, например, выставить его на улицу из общежития, когда он намеревался расположиться там с полным комфортом. Она частенько опаздывала, а то и вовсе не являлась на свидание, но не потому, что была необязательным человеком, а специально, дразня и посмеиваясь, частенько отпускала в его адрес колючие шуточки... До некоторых пор, как ни странно, Михаил терпел. Обижался, приходил порой в ярость, но терпел. За год знакомства Клавдия измучила его вконец, и Михаил уже сам не понимал, чего больше в его отношениях к девушке: нежности или неприятия.

Бывало, Михаил приходил в отчаяние. Именно в один

из таких моментов он и сказал Василию, что от Клавы устал. Когда же тот ошеломил его своим предложением жениться, честно говоря, растерялся. Кто бы мог предположить, что Васька, тюха и мямля Васька, с которым он не особенно-то считался, был влюблен в Клаву!.. На миг пришло облегчение, тут же сменившееся досадой. Засмеявшись не совсем искренне, Михаил сказал: «Что ж, Вася, полный вперед. Совет вам да любовь!..»

Михаил гулял у них на свадьбе, лихо отплясывал, пел озорные частушки и громче всех орал «горько!». Но было почему-то невесело. Он глядел на Клавдию и, утешая себя, старался припомнить их ссоры, стычки, перебранки, когда она обзывала его «пупом земли», «самовлюбленным индюком»...

Тяжко вздохнув, Михаил откинулся на спинку кресла. Зачем ворошить прошлое?

В дверь едва слышно постучали. Получив приглашение, вошел Бурмин, что крайне Горбатова удивило, — обычно замполит в его каюту старался не заходить.

— Прошу извинить за вторжение, Михаил Демидович, — угрюмо сказал Бурмин. — Не помешаю?

— Ох и церемонен ты, — поморщился Михаил. — Словечка в простоте не вымолвишь... Проходи, садись. Наверняка ведь пришел по делу...

Бурмин, не подумав обидеться, опустился на диванчик. Уравновешенный, неунывающий замполит всегда выглядел уверенным, жизнерадостным бодрячком. В его манере отпускать «коронные» шуточки, говорить округлыми фразами Михаилу всегда чудилась нарочитость. Однако сейчас лицо Бурмина, и без того бледное, стало бесцветным, плечи опустились, спина ссутулилась, — замполит был явно не в своей тарелке.

— Вопрос, с которым я пришел, Михаил Демидович, как бы поточнее выразиться, деликатный, — начал замполит и умолк.

«Неужели у них с Люсей разлад?» — мелькнула мысль, но он тут же ее отверг как совершенно нелепую. Семья у Бурмина была крепостью, которой, как утверждали в гарнизоне, не страшна даже долговременная осада. Но тогда отчего замполит мнется?

— Ты вот что, Владимир, давай без лишних знаков препинания, — грубовато сказал Михаил.

— И за то спасибо, — поджал губы Бурмин. — Доб-

рый ты человек... Я вот о чем. Ковалец хочет попросить у тебя рекомендацию в партию. Так ты не откажи. Одну я дам, вторую — ты. Поддержи парня. По всем статьям он подходящий. Отличник, классный специалист, секретарь комсомольской организации...

— Не агитируй. Я против парня ничего не имею. Но ему же рекомендацию собирался написать парторг.

— Парторг отказался!

— Сивоус? — изумился Горбатов. — Это же его прямая обязанность заботиться о пополнении партийных рядов. Ковалец — личность без сучка и задоринки...

— И я так думаю. А боцман не согласен. Не дорос, говорит, Ковалец до партии. Уперся — и все...

Разговор с парторгом и вправду получился неожиданно крутой, хотя начался вроде бы с мелочи. Бурмин поинтересовался, как ведется партийное хозяйство, остался доволен порядком. Потом спросил, готова ли рекомендация комсоргу. Сивоус насупился и заявил, что писать ее передумал. Бурмин удивился, чем парень не угодил мичману? Тот рассердился еще больше: «Я не пан, чтоб мне угождать!..» Стараясь переубедить Сивоуса, замполит сказал: «Ковалец старательный, активный общественник, что ни прикажешь — мгновенно исполнит...» «Это уж точно, — подтвердил Сивоус. — Как говорится, «чего изволите» — этого у парня в избытке». «С каких же пор исполнительность ставится в упрек моряку?» — вскипел Бурмин. «Не притворяйтесь, будто не поняли, Владимир Константинович. Я о другом... Я вот присмотрелся к нему... Ковалец — неплохой матрос. Он комсорг, собирается стать коммунистом, а в душе, помоему, ко всему равнодушен. По графику собрание провести требуется — пожалуйста! А дало ли оно что-нибудь людям, нашло ли отклик в сердцах, — плевать с высокого дерева. Требуется боевой листок выпустить? Сделает, разрисует — хоть на выставку. Но прочел ли хоть один матрос этот листок, Ковальцу до лампочки. По-моему, это называется формализмом. А вы как считаете?..» «Значит, я слепой?» — разозлился вконец Бурмин. На скулах боцмана заходили желваки. Он посмотрел на замполита в упор и отрывисто сказал: «Сами напросились. Отвечу откровенно: да, слепой! — И, помолчав, перешел на «ты», что случалось чрезвычайно редко и означало высшую степень возмущения: — Прости, Владимир Константинович, Ковалец — твоя работа. Ле-

пишь по своему образу и подобию. Давно присматриваюсь... Вот и ко мне пришел бумажки проверять, вместо того чтобы о людях со стариком поразмышлять. Для тебя главное, чтоб отчеты в ажуре... И будет! Все сказал!» «Ну, знаете, — задохнулся от возмущения Бурмин, — о моей работе не вам судить. Те, кто повыше, мною довольны...» «Считайте это пока частным мнением, — снова перешел на «вы» Сивоус. — Но только пока. Советую поразмыслить... А рекомендацию Ковальцу, извините, не дам...»

Бурмин ушел от парторга совершенно выбитым из колеи. Что теперь делать? Пойти в политотдел и обо всем рассказать? Конфликт между замполитом и парторгом — дело серьезное. Или лучше не выносить сора из избы — сами постепенно разберутся? Да и настолько ли серьезны разногласия, чтобы предавать их гласности?

С хаосом в голове он и пришел к Горбатову. Лучше бы, конечно, к Плужникову. Но у того своих забот полно, да и не совсем здоров. Пчелкина же Бурмин считал юным и несколько легкомысленным. Оставался Горбатов — человек серьезный, не трепач, как некоторые, хотя особых симпатий Бурмин к нему не питал.

Михаил догадался, что не только с просьбой о рекомендации Ковальцу пришел Бурмин, что-то еще у того было на душе. И еще понял: замполит, как ни странно, нуждается в нем, в его понимании, сочувствии и помощи.

— Послушай, Владимир, — сказал он с обезоруживающей прямотой, которой в себе и не подозревал, — это ведь не все, с чем ты ко мне пришел. Выкладывай напрямик, что у тебя еще. Мы же товарищи!

И замполит сдался. Заговорил глухо, сбивчиво. О том, как тренирует выдержку, совершенствует характер, как стремится быть образцом для людей.

Михаил слушал, не перебивая. Впервые он выступал в роли исповедника и втайне страшно завидовал искренности, с которой говорил Бурмин. С чем-то он соглашался, кое-что вызывало протест, но имеет ли Михаил право навязывать другому свою точку зрения? Единственно, что он может порекомендовать: не бить себя в грудь раньше времени, тем более куда-то и кому-то «звонить».

Горбатов так и сказал. Горячку пороть не следует и, чтобы не выглядеть дураком, необходимо во всем ра-

зобраться сначала самому. Закончить мысль он не успел. В каюту ворвался Пчелкин.

— Скорее, — крикнул он. — Командиру плохо!..

Плужников стоял на мостике, вцепившись руками в поручень. Лицо, искаженное болью, побагровело. Пилотки на голове не было, слипшиеся волосы упали на лоб.

— Быстрее в каюту! — поддержал командира Горбатов. — Фельдшера сюда!

— Отставить, — с усилием сказал Плужников. — Сейчас отпустит.

— Вам отдохнуть требуется, товарищ капитан-лейтенант, — просительно сказал Бурмин, пытаясь поддержать командира с другой стороны.

— Я сам, — отстранился Плужников. Ухватившись за трубку переговорного устройства, он сжал ее так, что побелели пальцы.

— Но меры-то надо принять, — вмешался Пчелкин. Он без толку суетился, не зная, что делать и как помочь. — В постель бы вам!

Плужников неодобрительно покосился на Пчелкина:

— Отставить, штурман! Я останусь здесь... Занимайтесь своим делом. Командуйте, помощник.

Михаил стал к переговорному устройству на место командира.

— Внимательней на руле! Вправо не ходить!..

Жарких на него покосился, и Горбатов почувствовал: он повторил не только обычную команду, но и интонацию Плужникова. Черт побери, Михаил и не подозревал, что копирует командира. Считал — у него свое лицо, своя манера руководить людьми. Конечно, не все в Плужникове было так уж плохо. Обладать такими качествами, как строгость, непримиримость к расхлябанности, преданность делу, совершенно необходимо. Но педантизм, нетерпимость к малейшим промахам подчиненных казались Михаилу крайностью. Командир должен быть добрее, человечней...

Плужников же, глядя на Горбатова, думал о своем. Боль в правом боку то усиливалась, вызывая озноб, то отпускала, и сразу становилось легче. Замкнутый, немногословный, Плужников был по природе своей аналитиком. В свое время он даже поступал на физмат МГУ. Но умер отец. На руках у матери кроме него оставались две младшие сестренки. Пришлось идти работать.

Потом служба в погранвойсках, училище... Но характер не изменился. Прежде чем что-то предпринять, Плужников всегда обдумывал каждый шаг. Это не занимало много времени. У него сразу рождалось несколько вариантов решения какого-то вопроса, и он выбирал оптимальный. Короткие фразы, произносимые командиром корабля безапелляционным тоном, срывались с губ не в пылу раздражения, как казалось, а были тщательно взвешены.

Да, он был непримирим к любой разболтанности, пресекал ее самым строжайшим образом. Но не только потому, что так диктовали суровые законы пограничной службы. Командир подобен хирургу: приносит боль, идущую только на пользу. Ведь от того, как он научит, воспитает подчиненного, зависит готовность того и к бою, и ко всей последующей жизни. Плужников уверен: любишь человека — будь к нему строг, как бы тебе ни было трудно, сожми сердце в кулак и не давай ему ни малейшей поблажки. В экипаже его корабля взысканий было больше, чем в каком-либо другом. Даже начальник штаба бригады иногда выговаривал: «Портишь мне, Игорь Александрович, всю отчетность по дисциплинарной практике. Попридержал бы норов-то...»

Однако норов тут был ни при чем. Плужников не только никогда не скрывал, если кого-нибудь наказывал, а, наоборот, объявлял об этом во всеуслышание. Давая наряд вне очереди, заставлял провинившегося выполнить «черную» работу на виду, дабы другим неповадно было. Когда видели матроса, драющего настил пирса или гальюн, то, посмеиваясь, говорили: «Опять Плужников кого-то взгрел!» А он, переживая за наказанного порой больше, чем он сам, с виду оставался спокойным. Плужников видел — его недолюбливают, но изменять что-либо в своем поведении не собирался.

Когда боль немного отпустила и дышать стало легче, Плужников снова задумался о Горбатове. Он чувствовал скрытую неприязнь помощника, его внутреннее сопротивление...

Обиднее всего было то, что Плужников, через руки которого прошли десятки лейтенантов, не знал, как помочь конкретно этому. Единых рецептов, конечно же, нет. Всякий молодой офицер — задачка со многими неизвестными. И порой, чтобы ее решить, приходится идти даже на риск...

Погода постепенно портилась. Подул норд-ост, море взлохматилось. На поверхности его то и дело вскипало белесое кружево. Ветер срывал пену с гребней волн и с ожесточением швырял на корабль, обдавая смотровое стекло водяной пылью, размывая горизонт, делая его зыбким. Огромные водяные валы все чаще накатывались на палубу. Качка усиливалась.

Горбатов вглядывался в пустынный горизонт. Лицо его было спокойно, движения неторопливы, лишь глаза с еле заметной раскосинкой выдавали волнение. Они, точно прицеливаясь, щурились, веки чуть заметно подрагивали.

«А держится неплохо, — отметил Плужников с удовлетворением. — И наверняка злится, что торчу за спиной. Пожалуй, лейтенант прав... Тем более и предлог есть, чтобы удалиться. Полежать на самом деле не помешает». Сивоус появился в рубке на редкость своевременно. Он не произнес ни слова, лишь уставился на капитан-лейтенанта и укоризненно покачал головой.

К удивлению Горбатова, проследившего за мимикой мичмана, командир молча и как-то покорно последовал за боцманом. Теперь можно было вздохнуть с облегчением. Встряска, как видно, предстоит основательная: океан шутить не любит. Но он сможет доказать, что кое на что годится.

— Сигнал бедствия, товарищ лейтенант! — неожиданно сообщил появившийся за спиной радист. — Иностранное судно терпит аварию!..

— Далеко?

— Вроде бы близко. Хорошо слышно. Вот координаты передали...

— Пойдем к штурману.

Пчелкин, склонившись над картой, по координатам нанес точку.

— Западнее Кунашира? Неподалеку от берега? — удивленно воскликнул Михаил. — Мы же как раз туда идем.

— Да, заданный район, — подтвердил Пчелкин. — Рядом мыс Столбчатый. Странное совпадение.

— Полагаешь, оно не зря там объявилось?

Пчелкин пожал плечами. Он тоже не очень-то верил в повторяющиеся случайности.

— Что бы там ни было, — заметил штурман, — а оказать помощь мы при таких обстоятельствах обязаны.

— Окажем, — усмехнулся Горбатов. — Но и проверим! Радист, запросите разрешение базы. А ты, штурман, давай курс...

Шхуна появилась над волной и исчезла, точно растворилась. Через минуту показалась вновь и опять пропала из виду, — лишь волны, одна круче другой, вздымались на том месте. Горбатов, однако, успел поймать судно в бинокль. «Старенькая кавасаки, — определил, — водоизмещением тонн шестьдесят...»

Шхуна ныряла, как поплавок, крючок которого заглотнула мелкая рыбешка: вверх-вниз и снова резко кверху. «Пляшет, черт ее побери, — думал Горбатов, — как же на нее высадиться?..»

— Да-а... круговерть, — протянул Бурмин. Он давно уже стоял рядом с Горбатовым, сосредоточенный, как всегда подтянутый, словно на смотре.

— Вижу, — огрызнулся Горбатов, — и сам в восторге. А что прикажешь делать? Не бросишь ведь в беде?..

— Так я же не возражаю. Лишь констатирую, — согласно закивал замполит, испугавшийся, что его заподозрят в трусости.

Горбатов с досадой поглядел на уныло вытянутое лицо Бурмина. Послать бы его... на ту же кавасаки. Чтобы там констатировал... «А что? — подумал с мальчишеским озорством, совсем не соответствующим моменту. — Пусть на деле подаст пример стойкости и мужества. Он так к этому стремится!..»

— Вот что, Бурмин, собирайся! — сказал Горбатов и тут же пожалел о необдуманно вылетевших словах.

Еще минуту назад у него был иной план. Командиром смотровой группы он намеревался послать Сивоуса. Во-первых, сноровка при высадке нужна. Во-вторых, случай неординарный, а у боцмана опыт. Но слово, как говорится, не воробей...

Осмотровая группа, одетая в ярко-оранжевые спасательные жилеты, построилась через пять минут.

— К выполнению задания готовы! — доложил Бурмин.

Горбатов почувствовал, как его одолевает тревога. При таком волнении черт знает что может случиться.

— Действовать согласно инструкции, — отрывисто бросил он. — Глядеть в оба! Осмотреть все досконально!— Упершись взглядом в стоявшего на левом фланге

Менкова, предупредил:— На двигатель — особое внимание. Всякое может быть. Надеюсь, справишься.

«Чирок» отвалил от корабля и затанцевал среди волн. Горбатов взглянул на Бурмина, и сердце сжалось. Тот, сгорбившись, — куда девалась осанка, — сидел на корме катера и, казалось, стал меньше ростом... Дернула нелегкая его послать. Ведь обведут вокруг пальца!.. Дорого дал бы сейчас Горбатов, чтобы очутиться на месте замполита. Уж он-то сумел бы разобраться в обстановке, он бы ничего не упустил...

Преодолевая волнение, катер приближался к шхуне. Стоя на ходовом мостике, Горбатов наблюдал: «чирок» порой зарывался носом в волну, выпрыгивал и снова ходко шел вперед. И всякий раз, словно он сам болтался в хрупкой посудине посреди расходившегося не на шутку океана, у Михаила покалывало под ложечкой. Но вот полетел конец, шлепнулся на палубу и был пойман кем-то из японцев. Вот и Бурмин первым поднялся на борт, за ним — остальные. Горбатов наконец расслабился. Кажется, впервые он почувствовал до конца полную меру командирской ответственности. А ведь рядовой эпизод, каких сотни. Бывает и похуже.

— Наши со шхуны радируют, — доложил вахтенный.

— Что передают?— встрепенулся Горбатов, с нетерпением ожидавший известий и досадовавший, что осмотровая группа слишком долго возится.

— Заклинило рулевое управление, — сообщил вахтенный, — стараются исправить. Шхуна сбилась с курса и оказалась в наших водах. Их несет на камни...

— Как с осмотром, спроси,— потребовал Горбатов.— Что обнаружили?

— Все в порядке. Ничего подозрительного.

«Так я и знал, — подумал Горбатов. — Снова пустой номер...»

— Возможно, придется взять на буксир,— продолжал передавать радист.

«Веселенькое занятие — тащить на буксире чужую шхуну, — подумал Горбатов. — Но и не бросишь без помощи...»

— Передай: шхуну осмотреть еще раз самым тщательным образом, — приказал Горбатов. — А насчет буксира... Пусть сделают все, чтобы исправить! Боцмана ко мне, — распорядился он, понимая, что нужно на всякий случай приготовиться к буксировке.

Сивоус оказался на ходовом мостике в мгновение ока. Когда-то шевелюра у мичмана, по его словам, была черна, словно вороново крыло, нынче он больше смахивал на чайку-альбиноса. Однако выправка, широкая спина без признака сутулости, жилистые руки, цепко схватившиеся за поручни, — все говорило о том, что человек этот очень силен. Крепок не только физически — закален и продут всеми ветрами, но, что немаловажно,— мудр и надежен.

— Готовьтесь принять шхуну на буксир, — приказал Горбатов Сивоусу и еще раз пристально посмотрел на старого боцмана.

Недавний разговор с Бурминым, неизвестно почему пришедший сейчас на память, предстал в совершенно ином свете. Тогда показалось: чудит старик, Ковалец, видите ли, нужной спелости не достиг... Да таких парней, как он, побольше бы! Образованный, на редкость исполнительный, подчеркнуто опрятный... А теперь и Горбатов понял, не так уж Сивоус неправ. Конечно же, в политотделе секретаря комсомольской организации хвалят. Но политотдельцы далеко и судят по отчетам, которые у Ковальца выполнены ювелирно. А экипажу виднее. Ребята говорят, Ковалец, мол, чтоб начальству услужить, готов сам себе перебежать дорогу. Ничего не скажешь, мрачноватый юмор... И вот что еще понял Горбатов. Комсомольский секретарь — зеркальное отражение Бурмина и, похоже, его порождение. Конечно, замполиту по штату положено «быть впереди на лихом коне». Но Бурмин слишком уж округлый, отполированный. Захочешь ухватить — не за что...

— Товарищ лейтенант, — крикнул радист. — Со шхуны передают: повреждение исправлено!

— Ай да Менков, молодец! — обрадовался Горбатов. — Доложите на базу о случившемся и запросите их решение. А вам, боцман, отбой!

Через несколько минут было получено распоряжение — японцев отпустить, пусть следуют своим курсом, и Горбатов вздохнул с облегчением.

Не успел «чирок» отойти от шхуны, как на ней дробно застучал двигатель. Она вздрогнула и, набирая скорость, ходко пошла к югу, в сторону границы.

— Ишь, заторопились,— заметил сигнальщик,— словно деру дают.

«А может, и в самом деле сматываются?» — подума-

лось. Но Михаил тут же отмахнулся от этой мысли, упрекнув себя в излишней подозрительности, и пошел встречать возвращавшихся на корабль моряков.

— Ну что? — бросился он к Бурмину, едва тот ступил на палубу.

— Трос заело, — ответил замполит. — Штурвал ни туда ни сюда. Спасибо Менкову — классный специалист. Скажу Ковальцу, чтоб «молнию» ему посвятил и...

— Ты о деле рассказывай, — перебил Горбатов. — Что нашли на борту?

— Ровным счетом ничего подозрительного, — обидчиво ответил Бурмин.

— Ну а рыба-то хоть была? Ты проверил, в каком районе им разрешено вести лов?

— Конечно, в первую очередь. Документы в порядке. Шкипер заявил: бог их японский, мол, прогневался на что-то, рыбу увел, потому не ловится.

— Это у японцев-то не ловится? — удивился Горбатов. — Ну и врать здоровы! Да они в любом случае способны рыбой загрузиться до бортов... Может, хоть следы какие заметил? Бывает, при подходе пограничников они незаконно выловленную добычу успевают выбросить в воду.

— Я искал и ничего не обнаружил.

— А снасти? Тебе не показалось, что снасти не были в работе?

— Кто их знает, — раздраженно отозвался Бурмин, которому уже начал надоедать дурацкий, с его точки зрения, расспрос. — Вроде бы...

Михаил смерил его уничтожающим взглядом. Так он и знал: вроде бы... кажется... Ни черта не проверил. А теперь — ищи ветра в поле или рыбку в море...

— Товарищ лейтенант, разрешите? — вмешался в разговор Менков.

— Слушаю, герой дня, — неохотно ответил Горбатов, не любивший, чтоб подчиненные встревали в командирские дела без особой на то надобности.

— На сети я глянул. Не похоже, чтобы их недавно забрасывали в море. Чистенькие они, без единой рыбьей чешуйки и совершенно новые, будто только из лавки. Точно как на той посудине, что мы с вами не так давно проверяли. Аккурат, возле этого мыска, помнится...

— Что ж вы об этом на шхуне лейтенанту Бурмину не доложили?

— Так ведь товарищ замполит требовал поскорее поломку исправить, потому как японцев на камни несло...

Горбатов выразительно покосился на замполита. Бурмин обидчиво ответил:

— Сам же торопил исправить. Вот и старались.

— Товарищ лейтенант,— снова вмешался моторист.— Знаете, кого я там высмотрел? Нашего знакомца... Помните, мордастый такой, длиннющий, на голову выше остальных? Глаза злющие, так и сверлят! Все в три погибели гнутся, аж противно, а этот, гусь лапчатый, голову задрал, ноздрища ходуном ходят...

Горбатов отлично помнил японца, выделявшегося среди изможденных рыбаков осанкой, холеным лицом и злобным взглядом.

— У меня память на лица фотографическая, — словоохотливо говорил Менков. — Японцы вроде все на одно лицо и коротышки, щеки сморщенные, как печеные яблочки, а «гусь» хоть и старый, да гладкий. Барин барином — и все тут...

Сомнений не оставалось, все сходилось один к одному. Горбатову еще при первой встрече показалось: он знает этого типа давно, с незапамятных времен. Вроде бы, видел даже его. Может быть, на фотографии?.. Но самое странное: «приятель» старый, а судно другое? Что бы это значило? Похоже, человека магнитом притягивает район мыса Столбчатого? Все это не просто совпадение. Что дело тут нечистое, сомнений уже не оставалось. Шхуна пришла сюда с определенными намерениями. Чтобы узнать с какими, ее следует догнать. Догнать немедленно! И доставить на фильтрационный пункт. Там разберутся!

Горбатов взбежал по трапу на ходовой мостик и поспешно перевел рукоятки машинного телеграфа на «полный вперед».

— Держать на шхуну! — приказал Горбатов рулевому.

— Отставить! — властно прозвучало за спиной. — Сбавить обороты. Идем к границе. Таков приказ. И там наше место. Надеюсь, не забыли?

Серые глаза Плужникова, отливавшие стальным блеском, впились в помощника. Отправив сигнальщика с поручением к боцману и оставшись с Горбатовым вдвоем, он коротко бросил:

— А теперь докладывайте!

Выслушал, ни разу не перебив. Потом неторопливо вытер слезившиеся от ветра глаза и сказал, что оснований для задержания шхуны не видит.

— А японец? Тот самый! — загорячился Михаил. — Он — не рыбак, я интуитивно чувствую...

— Спокойно, лейтенант, — перебил его Плужников.— Рыбак, а он ведь наверняка имеет безупречные документы, просто сменил место работы, потому и оказался на другой шхуне. Шпион, смею вас заверить, никогда не держит в кармане документов, подтверждающих, что он агент иностранной разведки. Вот и получается, что ваши факты не стоят выеденного яйца. Интуиция — полезное качество, но запомните, помощник, не главное в нашей службе. — Командир замолчал, взгляд его смягчился и, оттого что на впалых щеках пылал нездоровый румянец, показался даже печальным. — Я дал вам возможность действовать самостоятельно. Однако вы чуть не наделали ошибок. Сожалею, но не оправдали вы надежд. Так что не обессудьте!..

КТО ПРАВ!

Пограничные корабли стояли у пирса, выстроившись в ряд, словно на параде. Они почти соприкасались бортами, будто специально прижимались друг к другу. Так, по крайней мере, Горбатову всегда казалось, когда их корабль приходил в базу и, пришвартовавшись, почтительно замирал рядом с крупным соседом. В неподвижности судов, в их облике чувствовалось нетерпеливое ожидание и готовность. Развернутые носом к выходу в открытый океан, они словно только и ждали момента, чтобы ринуться вперед. Поданные с кормы сходни соединяли их с землей. Но связь эта воспринималась как нечто временное и непрочное. Она могла оборваться в любое мгновение. Стоит поступить приказу, и корабли сорвутся с места и устремятся вдаль, чтобы перекрыть границу. В этом, собственно, и состояло их предназначение.

Еще совсем недавно Михаил думал именно так. Это придавало особый смысл его делу, возвышало в собственных глазах. Но с некоторых пор, возвращаясь в базу, он уже не думал столь возвышенно, и чувства стали какими-то блеклыми, невыразительными. Михаил часто не знал, куда себя деть.

Вот и сегодня, оставшись на корабле дежурным офицером, он ощутил опустошенность, делал все как-то машинально, по инерции. Присмотрел за приборкой и погрузкой припасов, проверил службу наряда. Время, незаметно пролетающее в море, когда напряженная ходовая вахта почти не оставляет наедине с собственными мыслями, на стоянке резко замедлялось.

Наступал полдень, а с сопок, кольцом окружавших бухту, еще сползали остатки серого тумана. На антеннах и реях мачт повисли мутные капельки воды. В лучах выглянувшего из-за туч солнца они внезапно ожили, заискрились. И все вокруг тоже повеселело: домишки рыбацкого поселка, позеленевшие от водорослей высунувшиеся при отливе камни и даже бурый от ржавчины сторожевик, выкинутый на противоположный берег бухты.

Когда Горбатов впервые увидел лежавшую на боку посудину, он поразился: какая силища понадобилась, чтобы отбросить этакую громадину за двести метров от линии прибоя? Позже старожилы объяснили, что несколько лет назад на Скалистый обрушилось цунами с высотой волны более пятнадцати метров. Сторожевик, отслуживший свой век, стоял на приколе и использовался в качестве плавучей базы, в которой размещался штаб бригады. Он мог бы еще стоять и стоять, но взбесившийся океан в мгновение зашвырнул его, как спичечный коробок, на высокий берег. Там он и застрял в густых зарослях бамбука между обломков скалы. Теперь его оттуда не стащить никакими имеющимися на острове средствами. Штаб же переместили на сушу, построив для него специальное здание. Стоит оно высоко над берегом, длинное, приземистое. С корабля у пирса хорошо видна его серая покатая крыша. Оттуда открывается великолепная панорама. Бухта — чаша с голубой водой — как на ладони. Военный городок с единственным многоэтажным домом. Здание погранкомендатуры, похожее на железнодорожный вагон. Приплюснутые кубики цехов рыбокомбината, расположившиеся у самой воды... Там сейчас оживленно. У причалов стоят полные рыбы сейнеры. По сходням снуют грузчики, катящие бочки. И над всем этим резко-крикливые чайки — знают, где можно поживиться. Эхо разносит птичий гомон далеко окрест, множится в скалах...

Горбатов смотрит на комбинат, на видные отсюда маленькие домишки поселка... Вчера он встретился там

с Клавой Озерцовой. Они столкнулись у почты, и Михаил не сразу ее узнал. Мелькнула знакомая темно-медная высокая прическа, током ударил дерзкий зеленый взгляд.

— Ты?.. Прости, вы?.. — растерялся Михаил.

Клавдия рассмеялась. Смех у нее все тот же, переливчатый, волнующий.

— Батюшки-святы, никак Мишенька заикаться стал? Кто ж тебя до такой степени довел, родимый?

— Да вот... неожиданно как-то...

— Разве не знал, что я тут?

— Нет. Впрочем, знал... Васька успел похвастаться...

— Так-таки и похвастался?.. Ну да ладно, поговорим о тебе. Как живешь, Мишенька? Кого из местных девочек провожаешь? Насколько помню, в этих вопросах ты был мастак...

— Никого у меня нет. Некогда! — отрезал Михаил сердито. — Служба тут — не танцульки, больше на границе, чем на берегу, — добавил он, будто оправдываясь.

Клавдия, чуть пополневшая и оттого ставшая женственной, снова обидно засмеялась:

— Ай да Мишенька! Весь службе отдался? Хвалю. И поздравляю. Надо думать, у тебя успехи большие, карьеру сделал. Так?

— Брось, — рассердился Михаил. — Опять за старое? Мало ты надо мной пошутила? Мы теперь с тобой просто знакомые. Ты — жена моего друга...

— Да? — дразняще спросила Клавдия. — Ты согласился на такую роль? А вдруг я начну тебя соблазнять, что тогда?

— Прекрати!— возмутился Михаил искренне.

Клавдия, как и прежде, притягивала и отталкивала одновременно. Но он бы солгал себе, сказав, что оба чувства однозначны, первое было сильнее. Во рту пересохло, и Михаил с трудом, словно бросаясь с борта в ледяную воду, хрипло выговорил:

— Давай сразу договоримся, Клавдия: что было, то прошло. Ну, встречались, испытывали чувства. Теперь все! Васька — мой друг, во всяком случае, был другом... И ничего назад не вернешь...

Румянец сбежал с ее щек. В глазах плеснулась боль, обжегшая его, как кипяток.

— Эх, Миха, Миха, — протянула с укором. — Ну да ладно, договорились!

Назвав его так, как обычно звал Васька, она как бы отрезала все, что говорилось прежде.

— Послушай!..

Клавдия остановила его протестующим жестом и властно сказала:

— Оставь. Все правильно, Мишенька. Будь здоров!.. И не вздумай за мной идти!

Она повернулась и пошла прочь. А он, растерянный и подавленный, с щемящим чувством пустоты глядел ей вслед...

Стоя сейчас на палубе, Михаил не сводил глаз с видневшегося вдалеке здания почты и представлял Клавдию не теперешней, повзрослевшей, а той, из курсантской жизни, худенькой, угловатой — желанной и любимой. Дорого бы дал он за то, чтобы вернуться в прошлое и все или, по крайней мере, многое начать сначала. Скольких ошибок и разочарований удалось бы тогда избежать!..

Звонок, поданный вахтенным матросом, прервал воспоминания. Принесла кого-то нелегкая.

Михаил поспешил на корму, издали увидел монументальную фигуру комбрига и заволновался. Ушинский появлялся на корабле обычно, когда назревали какие-то перемены.

Подскочив с рапортом, Горбатов неожиданно обнаружил за спиной комбрига Махового. «Этот еще зачем пожаловал?» — изумился он, а Василий, пока шел доклад, стоял навытяжку и старательно отводил глаза. Все, впрочем, разъяснилось сразу.

— Знакомьтесь, — сказал Ушинский, — ваш новый командир старший лейтенант Маховой Василий Илларионович.

— Врио, — робко поправил Маховой, и по его щекам пошли красные пятна.

От неожиданности Михаил оторопел. С момента, как Плужников отправился на лечение, прошло слишком мало времени. И назначать нового командира... Плохо соображая, он не сводил с Махового взгляда. Васька! Всегда глядевший ему в рот и ловивший каждое слово. Васька — командир! Тот самый, которого он, будучи отделенным, гонял как сидорову козу и буквально за уши вытягивал по математике и кораблевождению?..

Наверное, Михаил выглядел довольно странно, потому что Ушинский нахмурился. В каюте командира кораб-

ля он жестом усадил молодых офицеров на откидную полку, а сам, опустившись в кресло напротив, поглядел на все еще растерянного Горбатова.

— Вот так-то, Михаил Демидович, — сказал он наконец. — В том, что принято такое решение, а не иное, вы виноваты сами. Очень надеюсь: сработаетесь. Во многом это зависит от вас, Горбатов. А вам, Маховой, приказываю не делать никому, даже бывшему однокашнику, никаких скидок. На корабле прошу соблюдать субординацию. Знаний же и умения вам, думаю, хватит. Нужно только постараться, чтобы корабль, как при Плужникове, сохранил за собой звание отличного.

Представив экипажу нового командира, Ушинский ушел, сказав, чтобы его не провожали. Молодые офицеры остались один на один. Тяжело было обоим. Михаил с трудом осмысливал происшедшее. Никогда еще в жизни гордость его не была так уязвлена. Мысли рассыпались, перескакивая с одного на другое. То думалось: нужно немедленно подать рапорт о списании с корабля. То вдруг мелькнуло, что следует уйти из погранвойск...

Василий, хорошо знавший Михаила, прекрасно понимал, что творится сейчас в душе самолюбивого друга. Всегда быть лучшим, во всем впереди — и в учебе, и в спорте! И вдруг — осечка? Да, офицер совершил ошибку, но суть его от этого не меняется. Михаил Горбатов — прирожденный моряк и командир. Ему бы чуток помочь. Но как?

Молчание затянулось, усиливая неловкость, возникшую между ними, однако ни тот, ни другой не знали, с чего начать. В дверь каюты постучали. Горбатов встрепенулся, вопросительно посмотрел на Махового. Отныне тот здесь хозяин и должен дать разрешение войти. Маховой пожал плечами, как бы говоря, ну что ж, начнем...

Появившийся на пороге каюты кок доложил:

— Обед готов, товарищ лейтенант. Пробу снимать будете?

— Тут есть старшие по званию,— раздраженно заметил Михаил.

— Виноват! — смутился матрос.

— Будьте добры обратиться к новому командиру корабля по всей форме, — выразительно глядя на Махового, сказал Горбатов. «А что,— подумал неожиданно,— именно нейтральной линии мне и следует держаться. Любопытно, что из всего этого получится?»

— Лейтенант Горбатов сейчас подойдет снять пробу, — сказал Маховой. — Можете идти!

Они снова остались одни. Первым нашел в себе мужество заговорить Маховой.

— Послушай, Миха, нам ведь не только жить вместе, но и служить, — сказал мягко. — Неужели не понимаешь...

— Простите, товарищ старший лейтенант, — отчужденно сказал Горбатов и встал, — я предпочел бы обойтись без лирики. Мы уже не школьники. Разрешите снимать пробу?

— Что ты... — с досадой сказал Маховой. Потом медленно поднялся, неожиданно стукнул ребром ладони по столу и раздельно сказал: — Ну, ладно... Пусть будет так! — Глаза Махового буравчиком ввинтились в Михаила, голос прозвучал тихо, а распоряжение — категорично: — Идите, товарищ лейтенант! Выполняйте свои обязанности!

— Есть, выполнять обязанности! — козырнул Михаил и с треском захлопнул за собой дверь командирской каюты.

В «Бунгало» было шумно и весело. Баня удалась на славу. Мужчины блаженствовали. Мылись азартно. Ожесточенно хлестали друг друга пахучими хвойными вениками. До багровости надраивали жесткими мочалками спины. С уханьем прыгали в студеный бассейн. Выскакивали оттуда, как ошпаренные, и снова «ныряли» в парную. На верхней полке уже нечем было дышать. Даже «хозяин» «Бунгало» — прапорщик, славящийся отменной выносливостью, — не выдерживал более трех минут. Но, приговаривал он, париться — так до седьмого пота, как и подобает пограничникам-курильчанам.

Закипел пузатый самовар. Заварили чай. Вальясов, накрыв деревянный стол белоснежной простыней, выложил на него извлеченные из портфеля свертки с сахаром и печеньем.

— Прошу честную компанию разделить со мной скромную трапезу, — широким жестом пригласил он всех.

Румяные купальщики расселись на массивных, выбеленных водой табуретах. Закутанные в простыни, они походили на римских патрициев и вели себя с преувели-

ченной любезностью и предупредительностью, помогая друг другу устроиться поудобнее.

— Тихо, вольные казаки! — поднял Вальясов руку.— Сегодня не рождество, не поминальный...

— Правильно! Сегодня день рождения Бурмина, — крикнул кто-то. — Неужто зажал?

— Сейчас спросим. — Вальясов поплотнее запахнул простыню и величественно повернулся к сидевшему рядом Бурмину: — Ответствуй, отрок, братству!..

Тот встрепенулся, подражая Вальясову, выгнул тщедушную грудь колесом, солидно откашлялся и, явно стараясь попасть в тон говорившим без умолку присутствующим, торжественно водрузил на стол картонную коробку, гордо пояснив:

— Торт «Наполеон». Изготовлен специально к сегодняшнему дню. Изделие местное, но за качество ручаюсь!..

— Спасибо, хоть не именинник изготовил. Нетрудно представить, что было бы.

Раздался дружный хохот и реплики по поводу дамских изделий, имеющих знак качества. Вальясов, вступившись за именинника, решительно навел тишину:

— Что вы понимаете в кулинарии, вольные казаки? Это же фирменное изделие Людмилы Бурминой! Или я ошибаюсь?

— Она с двумя соседками целый день провозилась...

— Ну вот видите, мальчики? — воскликнул кто-то. — На нас корпорация работала. Фирма «Людмила и компания»...

— Так ведь у меня жена с понятием, — серьезно отозвался Бурмин, вызвав тем новый взрыв смеха развеселившейся компании.

Бурмину всегда не хватало чувства юмора, а от насмешек, даже самых безобидных, он терялся. Вот и теперь он оторопело огляделся и остановил взгляд на Горбатове.

— Налей-ка мне, да покрепче, — протянул Михаил к самовару чашку, приходя тем самым Бурмину на выручку: надо было как-то отвлечь внимание присутствующих от его персоны.

Кто-то громко постучал в наружную дверь. На пороге появился Маховой. Приветствуя собравшихся, он поднял руку и громко сказал:

— Здравия желаю. Не помешал?

— Хорошим людям всегда рады, — по праву старшего ответил Вальясов. — Тем более зван. Для представления. Поприветствуем нового командира корабля!

Все дружно захлопали, а Маховой смутился:

— Рановато чествуете, ребята. Я всего лишь временно исполняющий...

— Калиф на час тоже повелитель! Почему опоздал и в форме?

— Обстоятельства, — уклонился от ответа Василий.

Он на самом деле, в отличие от остальных, явился в баню, не переодевшись. Впрочем, было это не случайно. Еще в курсантские годы, когда Маховой однажды облачился в новенький, с иголочки, гражданский костюм, Горбатов окинул его насмешливым взглядом и едко заметил: «Партикулярное платье сидит на тебе, как на корове седло». С тех пор Василий, безоговорочно доверявший вкусу друга, раз и навсегда решил гражданский костюм не носить. Форма, думалось, скрадывала недостатки его далеко не спортивной фигуры.

Вальясов, пристально глянув на Махового, спрашивать больше ни о чем не стал. Он был догадлив. В «Бунгало» по неписаному правилу было не принято лезть в душу.

— Может, сперва жар примешь? — предложил.

— Попозже, — как можно беспечнее отозвался Василий, усаживаясь за дальний край стола. Он не хотел, чтобы кто-нибудь заметил, как скверно у него на душе.

Несмотря на приглашение, Василий сперва не намеревался идти в «Бунгало». У него были иные планы. Привели же его, в конце концов, и в самом деле обстоятельства весьма неприятные и неожиданные. Впрочем, если быть перед собой до конца честным, а не зарывать, как страус, голову в песок, то не совсем так. Обстоятельства возникли не сегодня и не вчера. Он просто до поры до времени не хотел ничего замечать, надеясь, что все образуется. Ведь когда двое начинают жизнь, для притирки характеров необходимо время. Василий, кстати, так в первый день и сказал молодой жене. Что же она тогда ответила?.. Что очень ценит его и хорошо к нему относится, но не любит?! Василий не то чтобы не поверил. Подумалось, настоящие девчонки — они гордые, стесняются сразу упасть в объятия. К тому же был глубоко убежден, его любви так много — хватит на дво-

их. Ради Клавы он был готов на все и надеялся: истинная самоотверженность обязательно вызовет ответное чувство.

Теперь, когда он перебирает в памяти прожитое, всплывает то один, то другой неприятный эпизод,— сколько их было... Он так хотел ребенка, а Клава — ни в какую. Сперва объясняла, что надо закончить институт. Затем заявила, что намерена немного поработать... Все чаще возникали сомнения в ее искренности. Василий гнал дурные мысли прочь. Боялся, что если они окажутся правдой, тогда ему просто нечем будет жить.

А потом... По месту его службы Клаве не нашлось работы по специальности, и она временно, чтобы не сидеть сложа руки, устроилась администратором в гостинице. Но душа к этому не лежала. Мучилась сама, терзала его, а он не мог придумать, как помочь. Узнав, что на Скалистом есть вакансия завклубом на рыбокомбинате, тотчас стал добиваться перевода. Собирался сделать приятный сюрприз, а Клава, узнав, взмахнула руками, как крыльями, и презрительно сказала: «Бог мой, какой же ты дурак! Неужели так и не понял? Разве дело в моей работе?..»

Сколько Василий ни допытывался, она не стала ничего объяснять. И вот сегодня... Он торопился домой. Знал, у жены свободный вечер, что не часто случалось с тех пор, как та начала работать. Однако дома он увидел: Клавдия собирается уходить и даже как-то по-особенному принарядилась, словно на гулянку собралась.

— Куда ты? — растерялся Василий. — А я думал, что мы вместе проведем вечер, Клавуся... Поужинали бы, посмотрели по телевизору новый фильм...

— Вот и смотри, — бросила она. — Еда на печке.

— Разве в том дело? Мне ведь тебя недостает,— вырвалось у Василия. Он подошел к ней, попытался обнять.

Клава прикусила губу, что было признаком глубокого волнения, и попросила:

— Не трогал бы ты меня, Василек...

— Но почему? Почему, Клавуся?— воскликнул он.

— Дурацкая кличка!.. Прекрати называть меня так!— взорвалась Клавдия ни с того ни с сего.

Это оказалось выше его понимания. Как она может? Какой же нужно быть черствой, бездушной эгоисткой, чтобы вот так, походя, плевать в душу? Его захлестнула

злость, так долго копившаяся внутри. Что он кричал, Василий не помнит. Его прорвало. А Клавдия слушала, не возражая. Руки безвольно повисли вдоль тела, только зрачки расширились, точно хотели увидеть и охватить невидимое.

— Ты все сказал?— спросила тихо, спокойно, когда он замолчал.— Теперь моя очередь. Давно хотела, но не решалась. Не люблю я тебя...

Василия как холодной водой окатило. Пытаясь предотвратить разрыв, он покорно проговорил:

— Это ничего. Это я знаю! И жду, надеюсь... Ты только не торопись, не делай выводы...

— Поздно. Уже сделала. Больше не могу!

Сказала и выбежала из комнаты. Оставшись один, Василий рухнул на стул. У него перехватило горло. И тогда пришла спасительная мысль: надо идти к людям, одному оставаться нельзя...

— Ты отчего такой мрачный, Василий Илларионович? — придвинувшись к Маховому, осторожно спросил Бурмин. — Не дома ли неприятности?

«Ишь, угадал, — удивился Маховой. — На лице у меня, что ли, написано?» Захотелось рассказать кому-нибудь, пусть хоть и малознакомому человеку, о своей беде. Выложить все, как есть. Самому ведь не разобраться — слишком близко лежит. Но поймут ли его правильно? Не истолкуют ли превратно? Он же теперь командир корабля... Нет, беду свою нужно одолеть самому. Возможно, не все потеряно. Мало ли что человек натворит в запальчивости? Следует повременить, выждать. Надо оставить Клавусе путь к возвращению...

Василий понимал, что успокаивает себя, чувствовал, насколько призрачна его надежда, но иначе не мог. А Бурмин, вопросительно глядя на Махового, был весь— сочувствие.

— Семейная жизнь — сложная штука, — так и не дождавшись ответа, заметил замполит. Он кое-что слышал о неладах у Махового с женой — в военном городке ничего не утаишь. — Без понимания и взаимности лада не жди.

Говоря так, он прежде всего имел в виду себя и свою Люсю. Утром, как обычно, Бурмин принес жене из пайка плитку шоколада. Протягивает ей, а жена хохочет:

«И так толстуха, а ты сладостями совсем мою фигуру портишь...» Знает, хитрованка, что он любит ее без памяти. Уж у них-то взаимность полная...

Бурмин улыбнулся. Пожалуй, впервые за вечер. Вообще-то он надеялся приятно провести время с ребятами. Над ним же пусть беззлобно, но все-таки посмеялись. А замполит считал, что живет правильно. Это вовсе не трудно: знаешь, как надо, и следуй неукоснительно. Какой же ты политработник, если не подаешь пример?.. Так почему же тогда на него ополчились сперва Сивоус, а теперь — товарищи?..

— Второй заход, вольные казаки! — скомандовал Вальясов. — Вперед на пар!

Все дружно вскочили. Но тут во входную дверь снова постучали.

— Еще какая-нибудь заблудшая душа припозднилась, — выразительно заметил Вальясов. — Откройте, кто ближе стоит.

В проеме двери стоял Сивоус, и шуточки мгновенно смолкли. К старому мичману все без исключения относились с почтением.

— Как, молодежь, не прогоните? — спросил Сивоус. В одной руке он держал авоську, в другой — веник.

— Милости просим, Иван свет-Тарасович! В нашем «Бунгало» ветеранам почет и место в красном углу, — воскликнул Вальясов. — Веничек такой знатный откуда? Если не ошибаюсь — российская береза. Неужели с Большой земли?

— Оттуда, — подтвердил Сивоус. — Сейчас вот распарю и тому, кто толк в этом понимает, могу спину огладить. Только уговор: на полдороге не сдаваться...

Желающих попасть в «руки» старого моряка не оказалось. Только после недолгих колебаний Вальясов вызвался разделить общество Сивоуса, тем более было о чем поговорить...

— Как там у вас? Война идет? — шутливо спросил Вальясов, когда красный, как рак, боцман уселся на скамью и от наслаждения зажмурился.

— Идет... Непримиримая, — отозвался в том же тоне Сивоус.

— Что ж не поможете выяснить отношения, Иван Тарасович?

— Не знаю, как и подступиться.

— Да полноте, вы-то не знаете?

— Не просто меж двух третьему встревать. Лучший лекарь — время. И еще — общее дело. Пойдем, что ли, подышим? — сжалился Сивоус над Вальясовым. — Жарковато стало...

Пчелкин набросал на доске схему прибора и, полюбовавшись своей работой, спросил:

— Пояснения нужны?

Люди молчали. Значит, поняли. Пчелкин остался доволен, черчение было его коньком еще в училище.

— Раз ясно, — сказал, — запишите задание на самоподготовку: подробно объяснить принцип действия данного прибора.

Занятие было окончено, и матросы потянулись к выходу. А Пчелкин, собирая учебники и конспекты, испытывал необыкновенный подъем. Вначале, когда предложили проводить занятия по навигационному оборудованию, он согласился неохотно. Штурман не считал себя умелым преподавателем. Практика — куда ни шло, тут имелся некоторый опыт, а для разъяснения теории нужны определенные способности.

В школе Алеша Пчелкин был толковым помощником преподавателю физики, ремонтируя и налаживая приборы для опытов. И отец, наблюдая увлеченность сына, утверждал: «Прямой тебе путь, малыш, в заводские инженеры. Там с твоей головой и золотыми руками станешь незаменимым...» Сам он был конструктором, незаурядным изобретателем.

Мать же мечтала о другом. Ее Алешенька должен быть пианистом. Он, действительно, учился в музыкальной школе, и все его преподаватели прочили Лешеньке Пчелкину большое будущее на ниве концертной деятельности.

Однако Алексей не оправдал ожидания родителей: ни инженером, ни музыкантом не стал... В тринадцать лет Алешу, одного из лучших учеников школы, наградили путевкой в Артек. Встреча с морем настолько поразила, так перевернула все его представления, что маленький тульский мальчишка, что называется, «заболел» им... А тут еще встреча с гостями из неведомой Атлантики. Моряки, выступавшие на артековском костре, загорелые, сильные, исхлестанные океанскими штормами, казались богатырями. Эти мужественные люди, так же

как вечно живое изменчивое Черное море, покорили его навсегда. И Алеша решил...

Он долго таился от родителей, а те радовались, видя, как сын серьезно относится к занятиям и особенно предан точным наукам. Пчелкин-младший только с виду казался мягким и уступчивым. Он не питал иллюзий ни по поводу родительского отношения к «бредовой» затее, ни по поводу своей мечты. Профессия моряка трудна, к ней, кроме наук, надо готовиться физически. И начались сначала занятия гимнастикой, потом велосипедом и наконец боксом.

Алешу убедили поступать в политехнический. Он не возражал: подготовка, любая, зря не пропадет и в будущем пригодится. Но заранее решил, что срежется на вступительных экзаменах и пойдет служить срочную. Все шло по плану. По его плану! В военкомате Пчелкин попросился на флот. Если быть моряком, то почему не военным? Ну а попасть в училище со срочной службы при его стремлении и неплохой подготовке было уже легко...

Сложив наглядные пособия в шкаф, штурман еще раз оглянулся на доску. На черной глянцевитой поверхности четко выделялись меловые линии. Какой выразительный у графики язык! Читай и наслаждайся!..

Из него, кажется, получится неплохой преподаватель. Зря опасался, что не сможет. Кто знает, где истинное призвание? С морем он, разумеется, расставаться не намерен, но ведь и моряков надо кому-то учить...

В опустевший класс заглянул Маховой. С момента назначения его командиром корабля прошло не так много времени, а старшего лейтенанта как подменили. Щеки ввалились, нос заострился, не лицо — одни усы. Достается со всех сторон. Личная жизнь рушится, служба не приносит радости...

«Командирская ноша и так тяжела, — посочувствовал Пчелкин, — а тут еще Мишка выпендривается. Отвратная штука — зависть, под корень товарищество рубит...»

— Учительствуешь? — спросил Маховой.

Пчелкин покосился на командира подозрительно: не иронизирует ли? Но ни в лице, ни в голосе насмешки не обнаружил. Наоборот, спрашивал Маховой доброжелательно, заинтересованно. И вопросы задавал со знанием дела.

— А вы, Василий Илларионович, не имели случайно

отношения к преподаванию? — полюбопытствовал Пчелкин.

— Как вам сказать, — улыбнулся Маховой. — Однажды направили в учебный центр, но учитель из меня получился аховый. Хорошо, что и начальство, и я это быстро поняли.

Обезоруживающая откровенность вызывала ответную симпатию. Не всякому дана смелость, подумал Пчелкин, так бесхитростно сознаться в собственном неумении. Вот почему, когда раздался неожиданный вопрос, штурман и не подумал уйти от ответа.

— Расскажите мне, как сложились взаимоотношения Горбатова и Плужникова, — попросил Маховой. — В общих чертах я знаю. Меня интересуют детали. Пожалуйста, если можно...

Пчелкин задумался. Рассказывать, собственно, было не о чем. Открытых конфликтов по конкретным поводам у командира с помощником не случалось, хотя совершенно очевидно Плужников был им недоволен. Считал, что Горбатов несет службу по принципу день да ночь — сутки прочь.

— И это все? Тогда почему...

Маховой не закончил фразу, выбирая, как бы поточнее выразиться.

— Я сказал все, что знаю, — смутился Пчелкин. — Разве только о разногласиях по поводу последних событий забыл. Они спорили...

— О чем?

— О том, что происходило возле Столбчатого. Мишка... простите, лейтенант Горбатов, придавал всему этому особое значение.

— Почему?

— Точно не знаю. Горбатов однажды рассказывал, что тут воевал его дед и именно на Кунашире принимал свой последний бой...

Теперь вспомнил и Маховой. С дедом, Михаилом Горбатовым, лично встречаться ему не пришлось, но в доме у Мишки любили рассказывать один эпизод. Последний бой всегда памятен военному человеку, как и первый. Тем более такой странный, как на Курилах в сорок пятом... После приказа о капитуляции все японские гарнизоны послушно складывали оружие, но тот, что встретился знаменитому Мишкиному деду, почему-то яростно сопротивлялся, хотя на поверку оказалось, что за-

щищали они, вроде, пустое место. Но там все равно что-то было: то ли японцы не успели обрубить концы связи, то ли спрятать что-то.

— Понимаете, Василий Илларионович, капитан-лейтенант Плужников реалист. Фантазии Горбатова показались ему ерундой. Честно говоря, я тоже не вижу никакой связи между прошлым и настоящим, — развел руками Пчелкин. — А там кто ж его знает...

Маховой молчал. Стоял у раскрытого окна, опершись руками о подоконник, и думал: духота, синоптики предсказывают циклон, надо к нему готовиться... Он вдруг заторопился и уже от двери, повернувшись к Пчелкину, как-то загадочно произнес:

— Да-а... Кто знает, может, Горбатов в чем-то окажется прав. А?

НА РАСПУТЬЕ

Вместе с береговым бризом в открытые иллюминаторы врывалось солнце. Кают-компания, залитая струящимися потоками света, золотилась кожаными спинками кресел и диванов. Зеркало — во всю длину — слепило глаза, и Сивоус, ощущавший на лице теплые блики, блаженствовал. Солнце — редкий гость в здешних краях. Его можно увидеть разве что в конце лета, да и то не часто. Остальные длинные месяцы года либо дождь льет или метели гуляют, либо сыплется бесконечный бус и стоит плотная водяная пыль. Наверное, поэтому Курилы зовут туманными.

Из транзисторного приемника, стоявшего на столике в углу, лилась тихая мелодия. Вибрирующие, словно человеческий голос, звуки хватали за душу, вызывая то радость, то печаль. Кто бы сказал, почему?.. Никто никогда не учил Сивоуса разбираться в музыке. Да и не было в жизни Ивана времени этому учиться. Война, фронт, служба. В четырнадцать лет стал юнгой, в семнадцать — боцманом. А музыка всегда оказывала на него сильное воздействие...

— Войдите,— крикнул Сивоус, услышав стук в дверь. Увидев Ковальца, он поправил разложенные на столе бумаги и выпрямился.

— Прошу прощения, товарищ мичман, я — к вам...

— Догадываюсь, потому как кроме меня в этот день

и час тут никого больше быть не может. Садись. С чем пожаловал?

— Я спросить... Мне очень нужно, товарищ мичман...

— Да ты не заикайся, брат,— подбодрил Сивоус.— Раз пришел, говори толком.

— Я и говорю... Почему вы мне рекомендацию в партию дать отказались?— выпалил матрос.

— Неверно формулируешь, парень: я не отказался, а воздержался. Чуешь разницу?

— Выходит, не достоин?— Пухлые губы Ковальца обиженно подрагивали.

Сивоус глядел на матроса и думал: парень-то неплохой, головастый, язык подвешен. Умеет перед народом выступить, в стенгазету складно написать — тут ему учеба в институте явно на пользу пошла. Однако характер — показушный. Когда на виду — «Давай, давай! Нажмем, перекроем!» А чтоб без похвальбы службу с полной выкладкой нести — извини-подвинься. За спиной у начальства зачем же пуп зря надрывать...

— А скажи, Георгий, зачем тебе хочется в партию?— неожиданно спросил Сивоус.— Только откровенно.

Матрос от удивления замер. Как это зачем? Разве нужно объяснять само собой разумеющееся. Стать членом партии стремятся все лучшие люди. Об этом он слышал в школе, дома и, конечно, в институте. Учитель, тем более завуч или директор школы, а он надеется стать и тем, и другим, как наставник молодежи должен быть коммунистом...

— Что ж ты молчишь, Ковалец?— нарушил паузу мичман.— Или нечего сказать?

— Почему?— встрепенулся матрос.— Я скажу. Я давно готовился, конспектировал классиков марксизма-ленинизма, признаю программу и устав...

Сивоус поморщился и жестом остановил разволновавшегося матроса.

— Не то говоришь, Георгий, не то,— сказал с сожалением.

— Все, что требуется, я изложил в своем заявлении. И не могу понять, товарищ мичман, в чем и когда промахнулся. Обязанности выполняю честно. Политинформации провожу регулярно. Хотите, побеседуем по материалам последнего Пленума?

— В следующий раз,— вздохнул Сивоус,— обяза-

тельно побеседуем. А пока иди. Служи да поглубже копай, комсомольский секретарь...

Матрос ушел, а Сивоус долго еще находился под впечатлением разговора. Ковалец пришел к нему с наивной верой в справедливость. Да, да, он верит искренне. А парторг не оправдал его надежд... Почему?.. Может быть, потому что избалована молодежь снисходительностью старших, привыкает к иждивенчеству, к формализму. Вон даже Бурмина разъедает эта ржавчина, и если ее вовремя не соскрести, глядишь — пропадет, хотя задатки у него прекрасные.

Повернувшись, Сивоус вдруг увидел себя в зеркале. Солнце предательски высветило каждую морщинку. «Старею,— подумал,— скоро придется уходить. Бежит времечко, за кормой — сорок лет службы...»

Он вдруг увидел себя пацаном, впервые надевшим бескозырку. Отец погиб при обороне родной Одессы, мать убило в бомбежку. Тогда-то Иван прибился к роте морских пехотинцев. И с тех пор...

В дверь заглянул моторист.

— Старшина второй статьи Менков просит разрешения войти,— лихо выпалил он вместо простого «Разрешите войти». Это был тоже своего рода шик.

— Ох и горласт ты, парень,— усмехнулся Сивоус.— Истинно про тебя говорят: расхристанная душа. Верно подметили. Докладывали, ты опять после отбоя анекдоты травил?..

— Обижаете, товарищ мичман, мне и до отбоя хватает времени. Я дисциплину, как маму родную, уважаю, зазря нарушать не стану!

Довольный своим ответом, Менков весело глядел на мичмана, зная, что нравится ему. Действительно, моторист, исправно несший службу, всегда жизнерадостный, компанейский, вызывал у Сивоуса симпатию.

— Садись, Павел Зиновьевич,— пригласил мичман.— С чем пожаловал? Может, на берег решил проситься?

Месяца два назад командир базы Вальясов, которому пришелся по душе веселый старшина 2-й статьи, предлагал Менкову хорошую должность в обмен на участие его в художественной самодеятельности. Менков решительно отверг соблазнительное предложение, заявив: «Я, товарищ капитан-лейтенант, в сухопутные игры не играю... У Пашки Менкова мечта есть в загранку попасть, мир поглядеть по примеру брательника

старшего...» Ответ его Вальясову был Сивоусу известен.

— Насчет характеристики я, товарищ мичман,— не отзываясь на подначку, серьезно сказал Менков.

— Никак в запас настроился? Не рановато ли котомку собрал?

— Готовь сани летом... Сами же учили, что жизнь и планы на нее надобно загодя обдумывать! Да и из дома пишут: чтоб визу открыть, характеристику требуется послать.

— А почему же ко мне с этим вопросом?

— К кому ж еще! Вы — партийный секретарь.

— Характеристику дает командир.

— Верно, командир. Однако совет держать все равно будет с замполитом да с вами,— хитровато прищурился Менков.

— Понял я тебя, Павел Зиновьевич, — согласно кивнул Сивоус.— Словечко при случае за тебя замолвлю. На данном этапе заслужил. Но смотри...

— Обижаете, товарищ мичман. Пашка Менков ни прежде, ни теперь учителей своих подводить не станет. Тем более таких... Ребята болтают, будто вы, когда пацаном были, в этих местах с десантом высаживались?

— Было дело...

— На Кунашир?..

Сивоус взглянул на моториста, откинулся на спинку кресла... Память отчетливо, до мельчайших деталей, хранила события последнего дня войны. Многое забылось, а это...

Высадка десанта в туман. Безоговорочная капитуляция японцев 1 сентября 1945 года. Неожиданная схватка у Столбчатого. Бешеный самурай, организовавший сопротивление группы японцев, когда гарнизон уже сдался. Рисковал собой, другими — и все во имя какой-то цели, так и оказавшейся неразгаданной. А может, не зря пропали в штабе японской бригады документы по связи, интендантству? Что если они их как раз прятали там, где-то возле мыса Столбчатого? Попробуй найти, нет точных координат. Тот проклятый фанатик знал, что делает. И мичмана Горбатова чуть не прихлопнул!.. А он тогда, будучи еще юнгой, поступил так глупо: имея за спиной автомат, бросился на пистолет верзилы-японца. Запросто мог пулю схлопотать в живот. Но об этом не думал. Одна мысль заслонила все остальные: спасти названого отца. Страх пришел потом. Но все равно ради

командира Иван и тогда, и теперь готов на все. Он потому и стал мичманом, что им был Михаил Демидович Горбатов...

— Вы не ответили, товарищ мичман. Разве за Кунашир были бои?— вернул его к действительности Менков.

— Не бои, а бой,— задумчиво поправил моториста Сивоус.— И руководил им мичман Горбатов.

— Родственник нашего лейтенанта?

— Его родной дед. Потрясающий моряк: всю войну был в разведке на Северном флоте. На его счету столько «языков» значится — другим разведчикам и не снилось.

— Вот это да! А Ковалец мается в поисках темы для политинформации! Вы бы, товарищ мичман, рассказали ребятам хоть о себе, хоть о мичмане Горбатове...

— Правильно думаешь, Менков. Рассказать молодежи есть о чем. Кстати, Горбатовых целая династия. Отец нашего лейтенанта, капитан второго ранга, начальником штаба бригады был много лет...

И Сивоус снова мысленно вернулся к тому бою на Кунашире. Так и осталась тайной причина яростного сопротивления японцев на безымянном клочке земли, где ничего не оказалось: ни документов, ни складов — никаких военных объектов... Лишь много лет спустя, году, наверное, в шестьдесят седьмом, завеса чуть-чуть было приоткрылась. У мыса Столбчатого схватили группу нарушителей. Однако главарь успел удрать, а рядовые участники налета истинной цели поиска не знали, и капитан 2-го ранга Горбатов тогда сказал: «Со временем разберемся. Все тайное в конце концов становится явным...»

Плужников назвал это воскресенье днем открытых дверей. Посетители одолели его с самого утра. Жена — не в счет. Мария в лазарете днюет и ночует...

Первым после завтрака явился Харитон Жарких. Вытянувшись на пороге палаты, бравый рулевой четко поуставному поприветствовал командира и неловко ткнул на тумбочку кулек.

— Это что?— строго спросил Плужников.

— Фрукты. От экипажа... Ребята попросили передать, чтоб поскорее поправлялись.

— Впредь делать этого не разрешаю,— нарочито

хмурясь, сказал Плужников.— Отделение рулевых и штурманских электриков уже приняли?

— Так точно, товарищ капитан-лейтенант. Спасибо вам!..

— Себя благодарите.

Плужников улыбнулся. Это была его идея поручить Жарких возглавить отделение рулевых. Вальясов решительно возражал. «Рано,— заявил.— Этот разгильдяй доставил всем слишком много хлопот. Он должен до конца прочувствовать свою вину!» Но Плужников достаточно хорошо изучил матроса и был уверен в обратном.

Жарких вырос без отца. Ранняя самостоятельность выработала у парня пренебрежение к сверстникам, которых он считал маменькиными сынками. В четырнадцать лет Харитон уже курил и лихо владел «заборной» лексикой. Окончив восемь классов и «девятый коридор», пошел работать. Сперва в велосипедную мастерскую, потому что увлекался гонками, а своей машины не было; потом в магазин грузчиком. Оттуда в ЖЭК — водопроводчиком. Нигде долго не задерживался, предпочитая себя не утруждать, но непременно иметь левый заработок. «Деньги не пахнут»,— повторял он от кого-то услышанную фразу.

И покатился Жарких по наклонной плоскости. Имея несколько приводов в милицию, он едва не попал под суд за жульничество. Выручил «сизый Семен» — участковый милиционер. Странный он был человек, возился с дворовой ребятней, будто собственных четверых ему мало. Харитона чуть не за уши вытащил... Подошло время призыва в армию, ребят со двора в погранвойска забрали, а Харитону — от ворот поворот... Что уж там говорил в военкомате «сизый Семен», одному ему известно, только просьбу Жарких удовлетворили. «Ты уж смотри, Харитон,— напутствовал парня участковый,— не подведи меня!..»

И Жарких старался. В учебном центре он, можно сказать, наизнанку вывернулся, а отличником стал. Да и служба началась неплохо. И вдруг случай... Встретились старые дружки, завербовавшиеся на Курилы подработать в период путины. Предложили сходить к знакомым девчатам. Он стал отказываться: увольнение, мол, скоро кончается. Они все же уговорили его. Он решил: «Ладно, побуду недолго». Отправились в женское общежитие. Сначала все было хорошо, но потом — Хари-

тон и не заметил как — между его бывшими дружками и девчонками вспыхнула ссора. Парни стали приставать к девушкам. Те сперва отбивались, пытаясь все обратить в шутку, потом расплакались. Харитон попытался по-хорошему остановить приятелей. Да куда там, те разошлись, удержу нет, да еще над ним потешаются: не моряк ты — баба. И все больше наглели. И тут Харитон не выдержал: вступился за девчат, а заодно и за свою матросскую честь. А кулачки у него пудовые. Вот и досталось кое-кому, да так, что один парень в больницу попал. Харитона забрали в комендатуру. Оправдываться не стал. Виноват — пусть наказывают. Вот его за драку и разжаловали...

Обо всем этом Плужников узнал, разумеется, не сразу. Жарких был скрытен, рассказывать о себе не любил. Да и о чем? Ничего выдающегося в его жизни не случалось, подвигов не совершал, добрых дел — тоже. Но долгие ночные вахты вдвоем с командиром, когда вокруг тишина да море, побуждали иногда к откровенности. То одно вырвется, то другое. Так и сложилась у Плужникова цельная картина нехитрой жизни молодого матроса.

— Присаживайся,— кивнул командир на табурет, откидывая одеяло и опустив ноги в шлепанцы. В темно-синей госпитальной пижаме с белым, подшитым неровной строчкой подворотничком он выглядел домашним и непривычно мягким.— Рассказывай, что там у нас? Как обстановка?

Жарких неопределенно пожал плечами.

— Скорей бы вы возвращались, товарищ капитан-лейтенант,— сказал он, не отвечая на вопрос.

— Боюсь, медицина меня крепко держит,— ответил Плужников и подумал: «Значит, нет мира под оливами?»

Жарких ушел, оставив в душе Плужникова теплое чувство и уверенность, что, назначив Харитона командиром отделения рулевых, он поступил правильно. Вальясов, конечно же, ошибается. Оказать парню доверие время приспело.

Не успела закрыться дверь за матросом, как в палате появился Бурмин: губы растянуты в улыбке, в глазах — ласка. Он забросал Плужникова вопросами о самочувствии, настроении. Спрашивал, не дожидаясь ответа, и тем временем ловко рассовывал по полкам

тумбочки содержимое принесенного в авоське объемистого пакета. Тут были завернутые в промасленную бумагу пирожки, куски торта, баночки, коробочки.

— Люся сама пекла,— радостно сообщил Бурмин.

— Да здесь продуктов на целый флотский экипаж,— засмеялся Плужников.

— Вкуснота, Игорь Александрович, слово даю,— продолжал суетиться Бурмин, игнорируя реплику командира.— Все на чистом сливочном масле. При любой диете годится. Витамины, калории..

Замполит говорил хорошо поставленным голосом и, несмотря на скромные габариты, заполнял собой всю палату. Но выражение глаз, глядевших обычно весело, выдавало сумятицу чувств, тщательно, впрочем, скрываемых.

Плужников насторожился. Прежде всего он подумал о конфликте между Горбатовым и своим преемником. Кое-какие раскаты до лазарета уже докатились, но Плужников терпеливо ждал, как развернутся события. Бурмин мог вполне оказаться между двух огней и не сразу сообразить, какой следует тушить раньше. С одной стороны, известный тебе человек, которому надо бы порадеть. С другой — хоть и врио, а командир! И каждый по-своему вроде прав.

Взгляды замполита на сей счет Плужникову были хорошо известны. Бурмин считал: политработник всегда и во всем должен поддерживать командира, даже если и не согласен с ним. Плужников придерживался иной точки зрения, хотя, конечно, такая позиция замполита была чрезвычайно удобной. Но командир — не безгрешный ангел, и кто, как не замполит, обязан подсказать, поправить, стать противовесом! По этому поводу Плужников однажды в сердцах сказал: «Не будь соглашателем, Владимир Константинович. Хоть бы когда-нибудь поспорил со мной... до крика, до хрипоты... До боли сердечной!..» Сказать сказал, но взгляды Бурмина этим не изменил. Тем более характер...

— Мне же этого вовек не съесть,— взмолился Плужников, когда Бурмин опорожнил авоську.— Я сижу на строжайшей диете...

— Все равно назад не понесу, Игорь Александрович,— замахал руками Бурмин.— Люся так старалась, а я жену ни под каким видом огорчать не могу.

— Спасибо за заботу. И тебе, и Люсе. А теперь вы-

кладывай, с чем пожаловал. Как там молодой командир ведет себя?

— Нормально, Игорь Александрович.

— А помощник?

— С ним все в порядке.

— Не морочь голову,— рассердился Плужников.— И давай без психотерапии. Разве между ними любовь да совет?

— Так ведь трения неизбежны, Игорь Александрович. Приноровятся постепенно...

Плужников взглянул на Бурмина: хочет успокоить или ничего не заметил? Уж если Жарких уловил, то замполиту по штату положено.

— Не крути, замполит,— с досадой сказал Плужников.— Кое-что мне известно. Хочу знать подробности.

Бурмин задумался. Он и в самом деле не придавал особого значения соперничеству командира и помощника. Наскакивают друг на друга, как петухи: кто больше знает, кто лучше сделает... Не явно, конечно, но замполит-то видит. Смех да и только! Ну а что соревнуются, так это для службы полезно. Не далее как вчера, когда Бурмин попробовал уличить Горбатова в грубости, тот вспылил: «Не встревай,— заявил,— меж нами. Сами как-нибудь разберемся. Что касается службы, обещаю полный ажур». И Бурмин, как ни странно, ему поверил. Совершенно очевидно: с тех пор, как ушел Плужников, Михаил переменился, стал более ревностно относиться к обязанностям, болезненно переживает промахи подчиненных. Чем же это плохо?..

Выслушав сумбурно выраженные соображения Бурмина, Плужников подумал: плавает замполит по верхам. Конфликт гораздо серьезней. А вслух сердито сказал:

— Формалист ты, вот что я скажу!

— И вы туда же?— воскликнул Бурмин.— Казенно, шаблонно, а теперь еще и формалист?..

— Значит, я не одинок?— усмехнулся Плужников.— Кто ж тебя еще припечатал?

— Нашлись. Поучать многие любят...

— Не обижайся, лучше подумай: раз не я один говорю, следовательно, что-то есть? Ты хороший человек, Владимир, а до хорошего замполита не дотягиваешь. Обидно, но факт...

Плужников замолчал, а Бурмин вдруг всем нутром

ощутил, как предельно сейчас откровенен командир. Вряд ли на корабле между ними состоялся бы такой разговор: обстановка не та, и потому, наверное, важно, крайне важно выслушать, попробовать понять, что ж о нем думают сослуживцы. В политотделе его всегда хвалили, ставили в пример, и разговор с Сивоусом был как гром... Ох и разозлился же он на мичмана! Потом подоспел Вальясов с шуточками под «девятое ребро». Теперь вот командир...

— Огорошил я тебя?— спросил Плужников, увидев, как скис посетитель.

— Если честно, — да,— признался Бурмин.

— Извини, не хотел расстроить. Ты иди и, очень тебя прошу, присмотрись-ка получше к ребятам. Боюсь, дров бы не наломали, особенно Горбатов, как обиженная сторона.

Оставшись один, Плужников взбил подушку, лег поудобнее и закинул руки за голову. Последние дни он много думал о Горбатове и все чаще приходил к выводу, что вел себя с ним не всегда правильно. Горбатов вырос во флотской среде, был сыном командира, общим любимцем в доме. Его хвалили и, наверняка, перехваливали, что породило сознание собственной исключительности. А командир сразу по самолюбию — щелчок за щелчком. Полагал — пойдет на пользу.

В принципе, может быть, верно: беспощадная требовательность и нетерпимость к самомнению должны быть всегда и во всем. Охрана границы — дело ответственное, не терпящее поблажек. И все же Горбатов — личность со своими достоинствами и, никуда не денешься, с человеческими слабостями. Он развит, начитан, полон желания проявить себя... Благодатный материал! А командир? Командир только и знал, что долбил: ты такой же, как все, неси службу и не высовывайся!.. Так кого хочешь можно угробить.

Плужников сердито хрустнул сжатыми в замок пальцами. Плохим он оказался воспитателем. Приучил парня к будничной службе, а тот жаждет романтики. Да разве ее нет в пограничной жизни? Сколько угодно! Нужно только показать, научить видеть. А он этого не делал...

Посетители продолжали идти один за другим. Начальник штаба бригады и корабельный фельдшер, начальник клуба базы — неизменный партнер Плужникова по шахматам и даже представительница женсовета —

все словно сговорились завалить его дарами. После ухода Вальясова, заявившего, что он намерен долечивать капитан-лейтенанта «народными средствами» в «Бунгало», наступила наконец тишина. Плужников устало вытянулся на койке, намереваясь вздремнуть. Он больше никого не ждал. Все, кто мог и даже сверх того, уже побывали. Однако ошибся. Перед обедом, деликатно постучав, вошел Ушинский.

— Прошу не вставать, Игорь Александрович,— остановил он собравшегося сесть в постели Плужникова.— О самочувствии не спрашиваю, врач уже доложил. Как настроение? На сей раз, как говорится, бог миловал?

— Не понял.

— Обещают выписать без последствий. Это означает, что мы с вами еще послужим на морской границе.

— Скорей бы на корабль!

— Скорей не получится. Недели две еще продержат. Для профилактики. Да и куда спешить?

— Обстановка в экипаже беспокоит. Нелады у помощника с временно исполняющим...

— Слыхал.

— Я все думаю, не зря ли мы их спаровали? Старые друзья в одной упряжке — взрывчатое сочетание.

Ушинский отозвался не сразу. Беспокойство Плужникова было ему понятно. Он тоже неоднократно думал об этом, но каждый раз приходил к выводу: решение принято верное. Горбатов, конечно, справился бы с должностью командира корабля. Но это лишь утвердило молодого офицера в том, что командир был к нему пристрастен. Он потом, вернувшись на круги своя, с еще большим трудом стал бы тянуть служебную лямку. Нынешняя встряска поубавит самоуверенности. Ревность к ровеснику, оказавшемуся над ним, укротит строптивость. Соревнование — прекрасный стимул к личному совершенствованию...

— Нет, Игорь Александрович,— твердо сказал Ушинский,— в отношении Горбатова мы поступили правильно.

Он встал, подошел к окну и распахнул створки. Отсюда открывалась широкая панорама голубой бухты. Пирса не было видно, его загораживал крутой берег. Но Ушинский, даже закрыв глаза, представлял это мощное сооружение из стали и бетона, которому не страшен напор стихии. А когда-то, в начале пятидесятых, у пограничников здесь было два деревянных пирса —

боевой и хозяйственный. Располагались они под сопкой у самой горловины бухты, где стоит сейчас входная мигалка. Бревенчатые срубы, забутованные скальными обломками и соединенные дощатым настилом, то и дело разрушались штормами. Объявлялся аврал, весь дивизион выходил на восстановительные работы.

Бедновато они тогда жили. В дивизионе было три больших деревянных «охотника», несколько «мошек»* да два «бычка» — так они называли буксиры. Законы в те времена были суровые, почти военные. С браконьерами не церемонились. Застав кавасаки в наших водах, давали сигнал остановиться. При непослушании — залп под нос, залп под корму.

Ушинскому памятна легендарная «Веха», осуществившая десятки задержаний. Он плавал на «Вехе» матросом, сигнальщиком. Командовал тральщиком отчаянный моряк капитан-лейтенант Корнев. Сейчас он в запасе. Возраст...

«Скоро и мне придется уходить на сухопутье,— с грустью подумал Ушинский.— Такие, как Горбатов, которым сейчас по двадцать с небольшим, придут на смену. И надо, чтобы они были не хуже, а лучше ветеранов. И зависит это от стариков, от их умения подготовить замену...»

Ушинский снова посмотрел вперед. Все тут было знакомо ему до мельчайшего бугорка. Лобастые громады скал, круто обрывающиеся к воде, с обеих сторон вплотную подступали к выходу из бухты. Они как бы сдавливали фарватер. Немалым умением следовало обладать, чтобы провести по нему корабль в шторм. Но крутит ли метель, хлещет ли дождь или грохочет океан, стоит поступить сигналу тревоги — и корабли, покинув спокойную бухту, устремляются навстречу опасности. Потому-то и не может быть в их рядах места расхлябанности, эгоизму, мелкой фанаберии...

— Надеюсь, Горбатов сделает из сложившейся ситуации выводы и изменит свое поведение,— как бы подытоживая разговор, сказал Ушинский.— Иначе, как это ни горько, ему придется уйти из погранвойск.

---

* «Мошки» — «малые охотники» за подводными лодками.

Маховой выбежал из дому и, споткнувшись о попавшееся на дороге ведро, слетел вниз по лестнице. Дом стоял на косогоре, прочно уперевшись тыльной стороной в каменистый склон. Фасад с высоким крыльцом, подпираемый несколькими ступеньками, наоборот, словно парил в воздухе, и окна как бы свысока смотрели на остров поверх сопок, окружавших бухту. Вид, открывавшийся с пригорка, был прекрасный, но, ошеломленный, Василий сегодня ничего не замечал. То, что сказала Клава, означало конец. Конец всему...

После того памятного объяснения были и другие. Отношения становились все хуже. Клубок взаимных обид и претензий рос, как снежный ком, катящийся с горы. И все же его не покидала надежда. В человеке ведь всегда живет вера в чудо.

Но чуда не случилось. Забежав на минуту домой, Маховой застал Клавдию перед открытым чемоданом.

— Что ты делаешь?— спросил.

Жена метнула в него неприязненный взгляд.

— Будто не понимаешь? Любишь ты, Василек, в прятки играть с самим собой...

— О каких играх ты говоришь?

— Разве не ясно? Ухожу я! Кончилась наша совместная жизнь, Василек. Была и вся вышла...

— Вот так сразу, Клавуся? Опомнись!— воскликнул Маховой.— Я понимаю: тебе надо подумать, собраться с мыслями. Ты поживи тут сама. Я не стану приходить, пока не позовешь, не буду мельтешить перед глазами. Я на корабле поночую...

— Ерунду говоришь, Василек,— покачала головой Клавдия.— Мой дом, твой дом... Не в этом дело. Да ты не беспокойся. Я комнатку в поселке сняла. Поживу пока, а там видно будет.

Клавдия говорила спокойно, будто увещевала ребенка. Потому и показалось Василию, что происходящее сейчас — несерьезно. Стоит только удержать, не дать уйти и...

— Мне пора,— тихо сказала Клавдия.— Не поминай лихом, Василек.

— Остановись!— закричал Маховой и загородил дверь.— Не пущу!

Глаза Клавдии потемнели. Она окинула мужа так

хорошо знакомым насмешливым взглядом и с обидным сожалением сказала, словно припечатала:

— Я считала, ты умнее, Маховой. Так вот, чтобы не оставлять иллюзий, знай: я люблю другого.

— Кто он, отвечай?

— Не вынуждай меня, Василек, произнести имя. Ты и так знаешь, о ком речь. Всегда знал.

— Лжешь!— не помня себя, яростно вскричал Василий, прекрасно понимая, что жена говорит правду. Его захлестнула ненависть. Хорош друг! Вор, прокравшийся в дом. Да и она хороша! Все одним миром мазаны...

В бессильном бешенстве, злой на весь свет, Василий скатился с крыльца и чуть ли не бегом помчался к штабу. Ветер с бухты, сырой и прохладный, несколько остудил разгоряченное лицо. А куда, собственно, он спешит? Искать утешения у товарищей, и так слишком добрых и снисходительных? Помогите несчастненькому, посочувствуйте брошенному... А сам? Пора бы повзрослеть. Пора самому научиться справляться с личной бедой...

Маховой остановился. Поглядел на часы. До совещания в штабе оставалось двадцать минут — он успеет вернуться. Ну, взорвался, нагородил всякого. Стыдно! И почему за ней, а не за ним осталось последнее слово?..

Василий повернулся и решительно зашагал назад. Он тяжело поднялся по лестнице, открыл дверь, встретился с настороженно вопрошающим взглядом Клавдии. Молча, игнорируя преследующие его глаза, достал чемодан, бросил в него белье, рубашки, бритву, запасной китель. Надел, несмотря на жару, шинель. Осторожно, боясь вспугнуть тишину, прикрыл за собой дверь и, так и не сказав ни слова, покинул квартиру.

Возле штаба в ожидании совещания толпились офицеры. Они оживленно обменивались шуточками, новостями. Особенно шумно было в группе, кучковавшейся вокруг неугомонного Вальясова. Сам он высился в центре в фуражке, сдвинутой на затылок, из-под которой выбивался пышный каштановый чуб. В карих глазах прыгали чертики, на полных, красиво очерченных губах играла улыбка. Вальясов находился в своей стихии и главный удар нацелил в Бурмина, решив довести его до «кондиции».

— Едва командира уложили на больничную койку, дорогие товарищи,— притворно вздохнул командир ба-

зы,— как на судно сразу снизошли тишь да гладь — божья благодать.

Окружавшие весельчака Вальясова офицеры дружно рассмеялись. Крылатая фраза начальника штаба о том, что Плужников портит ему отчетность, была всем хорошо известна.

— Ничего смешного. Так получилось!— воскликнул Бурмин.— Я же не подтасовщик! Нарушений в самом деле стало меньше.

— Как по мановению волшебной палочки,— выразительно заметил Вальясов.— Отчетность идеальная, новый план мероприятий — не документ, а песня, от художественного оформления соцобязательств начальник штаба пришел в дикий восторг...

— Не я придумал инструкции, директивы, указания,— насупился Бурмин.

— В этом ты, дорогой Владимир свет-Константинович, к сожалению, прав. Беда наша — бумаги, горы бумаг. Мало времени на главное остается, комиссар.— Вальясов посерьезнел:— Наше дело учить людей любить свою землю. Этому научишь — остальное приложится само собой.

— Вот и подсказали бы, как делать это самое главное,— вырвалось у Бурмина.

— Кабы знал,— усмехнулся Вальясов,— не стоял бы тут с вами в табачном дыму. Кабы знал,— повторил он,—заседал бы в главном военном совете...

Вдали показался Маховой. Вид его вызвал всеобщее удивление и новый взрыв веселья. С чемоданом в руке, в шинели он на самом деле смотрелся забавно. Однако что-то и настораживало.

«На Север поехал один из нас, на Дальний Восток — другой»,— пропел кто-то и умолк.

Хмурый, с отрешенным взглядом, с плотно сжатыми губами, Маховой решительно поставил на землю чемодан и исподлобья оглядел товарищей. Первым устремился к Василию встревожившийся Горбатов.

— Что случилось?— спросил тихо.

Маховой, отвернувшись, поднял чемодан и пошел на него. Опешивший Горбатов едва успел отскочить в сторону. Черт знает что? Какая муха Ваську укусила? В друзья он не набивается, что было, то прошло. Но официальные отношения обязывают быть с помощником командира корабля хотя бы вежливым. Публично

игнорировать Горбатова он просто не имеет права. Да и не смеет...

Пока Михаил собирался с мыслями, из окна комнаты дежурного выглянул начальник штаба и пригласил всех в класс. Офицеры заторопились, и на несколько минут Горбатов потерял Махового из виду. А когда заметил снова, тот был уже без шинели и чемодана.

Ушинский не спеша прошелся вдоль огромной, занимавшей стену, рельефной карты района. Острова Курильской гряды с их горными кряжами, вершинами вулканов и редкими пятнами равнин располагались в центре. Остановившись у трибуны, комбриг окинул сидевших в классе офицеров строгим взглядом и заговорил:

— Обстановка на границе осложняется. Островные заставы то и дело передают о появлении неопознанных целей...

Ушинский на секунду замолчал, потер пальцами бугристый лоб и так же неторопливо, размеренно продолжал:

— Из получаемых нами сообщений недвусмысленно вытекает вывод: реваншисты снова поднимают голову. Текущий месяц, как стало известно из зарубежной печати, объявлен за кордоном месяцем борьбы за освобождение «северных территорий». Не вам объяснять, что это означает возможность различных провокаций...

На какое-то время Михаил позабыл о Маховом и его странном поведении. То, о чем говорил комбриг, было, конечно, не новостью. На совещаниях офицеров информировали о политической обстановке в сопредельном государстве. Но только сейчас, слушая бесстрастное сообщение Ушинского, Михаил особенно четко осознал, насколько все серьезно: и растущее с благословения американской военщины движение реваншистов, и притязания на так называемые «северные территории». Правда за рубежом от народа скрывается. Никто ведь не рассказывал там простым людям, что Курильская гряда была открыта и освоена русскими землепроходцами еще в семнадцатом веке. Япония вероломно их захватила, воспользовавшись ослаблением царизма после Крымской войны, а в девятьсот пятом отторгла еще и Южный Сахалин. И только разгром японской военщины Советской Армией положил конец незаконным захватам. Курильская гряда, как и Сахалин, была возвращена исконному владельцу.

Казалось бы, все ясно, как дважды два. Ан нет, буржуазная пропаганда переворачивает все с ног на голову, проповедуя бредовые идеи... На разных островах Михаилу неоднократно попадались огромные, вдавленные в землю камни, испещренные иероглифами. Они остались еще с тех, давних времен и вещают буквально следующее: «Курилы — ключ к господству Японии в северных морях...», «Курилы — ворота на Север». Это ли не современные реваншистские лозунги!..

Горбатову припомнилось розовое полотнище с паучьей свастикой посредине — знамя реваншистов, находящееся в комнате боевой славы бригады. Это был трофей, захваченный пограничниками на одной из шхун. Несколько лет назад нарушители намеревались водрузить его на одном из островов, но тревожная группа, своевременно высадившаяся на палубу, опередила. Знамя было отобрано, а с нарушителями поступили по всей строгости закона.

— Нам необходима сейчас высочайшая бдительность,— подводя итог, сказал Ушинский.— Граница должна быть закрыта наглухо. Командиры кораблей, задача ясна?

Поскольку вопросов не было, комбриг отпустил людей и только Махового с Горбатовым попросил задержаться.

— Присаживайтесь поближе, товарищи,— пригласил он офицеров.

Не глядя друг на друга, оба молча передвинулись вперед. Ушинский наблюдал за их действиями, неодобрительно покачивая головой, однако от комментариев воздержался.

— Собрался было выйти с вами в море,— сказал он.— К сожалению, обстоятельства не позволяют покинуть сегодня штаб. С часу на час жду товарищей из округа. Но...— Ушинский сделал паузу и посмотрел на друзей испытывающим взглядом:— Прежде чем вы уйдете на границу, хочу задать вопрос командиру. Не хотел бы ты, Василий Илларионович, поделиться тем, что тебя беспокоит?

— Никак нет!— вскочил Маховой.

— Сиди,— досадливо махнул рукой комбриг.— Выходит, доверительного разговора у нас не получится. Ладно. — Он взял указку и повернулся к карте. — Пе-

рейдем к делу. Объект особого внимания — западное побережье Кунашира. Плужников давно им занимался, до конца довести не успел... Теперь это поручается вам. Очень уж этим районом интересуются из-за рубежа, значительно чаще, чем в других местах, здесь случаются нарушения. Странная закономерность... А почему? Мы до сих пор не знаем. Верно, Горбатов?

Михаил неопределенно пожал плечами. Однажды он уже высказал свои догадки Плужникову и получил щелчок по носу. А ведь тоже был уверен, что тот, не похожий на рыбака, японец неспроста кружит вокруг Столбчатого.

Ушинский прошелся по классу и остановился возле Махового.

— И все-таки вам хочется что-то сказать мне, старший лейтенант? — в упор спросил он. — Я прав?

Багровый от волнения, Маховой встал, одернул китель, но не произнес ни слова.

— Говорите же!— поморщился комбриг.

— Простите, товарищ капитан первого ранга,— выдавил наконец Маховой. — У меня сугубо личное. К делу отношения не имеет.

Ушинский покосился на Горбатова:

— А вы что скажете?

— У нас все в полном порядке, товарищ капитан первого ранга!— твердо ответил тот.

— Так точно!— подтвердил Маховой.

— Надеюсь, власть делить больше не будете?— усмехнулся комбриг.

— Никак нет!

— Ну вот и добро,— сказал Ушинский.— Вижу, пришли к согласию. Итак, идете к Столбчатому...

Штормило вторые сутки. Корабль, одетый в броню, обычно казавшийся большим и крепким, представлялся сейчас скорлупкой, брошенной в пучину бескрайнего океана. Его швыряло из стороны в сторону, подбрасывало вверх, чтобы через минуту низвергнуть в кипящую бездну. Холодная, в белой пене, вода неслась по палубе.

Маховой с тревогой поглядывал на рулевого: как-то он справится. Но Жарких стоял у руля, коренастый, уверенный, сохраняя абсолютную выдержку. Ноги расстав-

лены, плечи развернуты, лицо сосредоточенное, вдохновенное, словно в борьбе со стихией рулевой получал награду за свой тяжкий труд. Возможно, так он и считал, потому как вахта его началась, когда штормить стало значительно сильнее.

Раза два Маховой предлагал Жарких сменить его, но Харитон отвечал вопросом:

— А вы, товарищ командир? Сами-то вы остаетесь?..

Маховой действительно уже много часов не покидал рубки, но, как ни странно, не чувствовал усталости. Только движения стали чуть-чуть замедленными да голова потяжелела... Корабль неожиданно завалило на левый борт.

— На волну, на волну рули...— крикнул командир и, вцепившись в поручень, склонился к фосфоресцирующему экрану локатора.

Размеренно бежала по кругу развертка, вспыхивали пятна там, где встречалось препятствие. Далеко в океане радиоволны наталкивались на землю и тотчас отражали ее здесь, на круглом выпуклом экране. Радиолокационная станция «Волга» — глаза корабля — всегда служила надежно, вовремя предупреждая об опасности. Для корабля не было сейчас ничего страшнее земли и прибрежных подводных скал.

В рубке появился Ковалец.

— Товарищ старший лейтенант, антенну сорвало!— доложил он.

Час от часу не легче, подумал Маховой. То «чирок» чуть не снесло, теперь вот антенну... Что дальше-то будет?

— Исправить можно?— спросил.

— Пробовал. Может, еще раз?

— Отставить, Ковалец,— с досадой сказал Маховой. — В такой шторм рискованно.

— Так ведь я слышу базу, а она меня нет...

— Принимайте все, что передают, и докладывайте немедленно. Идите на место!

Время шло, а шторм и не думал слабеть. Океан грозно накатывал на корабль волну за волной. Порой казалось, что, зарывшись в воду, он уже оттуда не выберется. Но проходили мгновения, и форштевень снова, взметнувшись кверху, вспарывал очередной вал.

Крепкая посудина, сделанная на совесть, с горделивым чувством думал Маховой. Он был на вахте уже

шесть часов. Пора бы и смениться. Но ему не хотелось уходить в каюту. И он тут же находил оправдание: пусть не такой сильный, а все же шторм. В такой ситуации свой глаз надежней... К тому же боялся остаться наедине с собой. Лучше быть на людях.

Порой в памяти наступали не то чтобы провалы, а какое-то затмение. И Маховой то приваливался к переборке, то машинально глядел на экран локатора или без нужды заглядывал в штурманскую рубку. Потому, наверное, и не уловил, как постепенно начала меняться погода. Сперва очистился краешек взлохмаченного неба. Потом переменился ветер: задул норд-ост.

На командном пункте появился Горбатов. Он несколько раз обошел посты, побывал в машинном отделении, на камбузе. Переходя из отсека в отсек, Михаил беседовал с матросами, даже шутил, но на сердце, как говорится, скребли кошки. Уязвленный поведением Махового, он сдерживался из последних сил.

— Все в порядке,— коротко доложил Горбатов.— Настроение у людей нормальное.

Голос прозвучал отчужденно, и Василий, искоса взглянув на помощника, подумал: обижен? А ведь прав... Сознаться вслух не позволяла гордость, но понять, откуда идет неуступчивость, Маховой был в состоянии. Хотелось доказать себе, что он ничуть не хуже Мишки. Почему же тогда его предпочли другому? Почему?.. Глупо, конечно, у женщин совсем иные мерки.

— Вроде бы стихает,— сказал Жарких.

— Сила ветра упала до трех баллов,— отозвался Пчелкин.

— Значит, пошло на убыль...

Маховой откровенно обрадовался предлогу передать вахту помощнику. Самое опасное позади, и командир вправе покинуть мостик.

— Пойду передохну,— сказал Горбатову.— Командуй тут. Курс прежний!

Приказ был получен, и, хотел того Михаил или нет, он вынужден был подчиниться, хотя внутри и противился этому.

«Василия понять, конечно, можно,— подумалось ему.— Маховой утверждается в коллективе. Но какой ценой? Унижением друга?.. Больше терпеть нет сил. Как только вернутся в базу, он немедленно подаст рапорт с просьбой отчислить с корабля. Пусть посы-

лают на любую «калошу» с каким угодно понижением. Вплоть до увольнения... Только бы не оставаться под командованием человека, не ставящего его ни в грош...

Слева по борту показался вулкан. Их на Курилах много, но спутать Тятю с каким-нибудь другим было невозможно. Срезанная вершина, ровные крутые склоны — издали похоже на перевернутый стаканчик из-под мороженого.

— Входим в Кунаширский пролив,— доложил Пчелкин.— Находимся в заданном районе.

— Как связь?— поинтересовался Горбатов.

— По-прежнему...

Оставшись один, Горбатов почувствовал себя уверенней и спокойней. Досада незаметно прошла. Остался лишь неприятный осадок, словно чего-то не сделал, недодумал.

— Товарищ лейтенант, застава Лагунная дает наведение!— доложил по переговорному устройству Ковалец.— Южнее мыса Столбчатого в наших водах неопознанная цель!

Сердце Михаила екнуло: не та ли, встречу с которой они так долго ждут? Район вроде бы подходящий...

Корпус корабля задрожал от мощного биения запущенных на полную мощь двигателей. Из-под форштевня веером вспыхнул каскад ослепительных брызг. За кормой распустился клокочущий снежно-пенный хвост.

— Надо бы командира вызвать,— осторожно подсказал Бурмин, стоявший справа от Горбатова.

— Командир после тяжелой вахты только что заснул,— буркнул Горбатов, зная о способности Махового мгновенно погружаться в сон.— Ничего экстраординарного пока не произошло.

Предлог не будить Махового был более чем основательный, и хотя это противоречило инструкции, по-человечески Горбатова можно было понять. Есть предел даже командирским силам — так рассудил Михаил, искренне веря, что поступает правильно. Острой необходимости в присутствии Махового нет, да и вряд ли будет. Случай, в общем-то, заурядный, можно прекрасно обойтись без надзора.

В последней мысли как раз и заключался весь смысл «благородных» рассуждений. Важно сделать, а чьими руками — все равно!

Среди волн мелькнула черная точка. Схватив би-

нокль, Михаил впился в нее глазами. Точка быстро росла, превращаясь в силуэт судна. Низкая косая мачта. Приземистые надстройки. Срезанная корма... У судна был необычный, ни на что не похожий вид. И еще более странным было его поведение. Пограничники приближались, а судно не собиралось спасаться бегством.

— Может, они уснули? — удивился Бурмин. — Отлично же видят, что мы на хвосте, и никакого беспокойства.

— Переверни там все вверх дном, Бурмин! — жестко сказал Горбатов.

Внезапно шхуна-нарушительница дрогнула и стала медленно разворачиваться.

— Поздновато спохватились, — усмехнулся Горбатов. Но он успел отметить: японское судно стало набирать ход.

— Знать бы, какую пакость эти вражины задумали,— пробормотал Бурмин. — Неужто надеются удрать? Чушь собачья...

— Бахвалятся или поддразнивают? — спросил Горбатов, пытаясь заглушить растущее беспокойство. Он был уверен, что быстро догонит нарушителей и высадит на шхуну осмотровую группу. — Идти на сближение, — распорядился Михаил. — Полный вперед!

Шхуна между тем, обогнув дугой побережье, взяла курс на юг, к границе. И, странное дело, расстояние между ней и пограничниками оставалось стабильным. «Черт знает что, — удивился лейтенант, — боевой корабль и какая-то паршивая кавасаки!..»

— Самый полный! — передал он в машинное отделение.

Двигатели заработали на полную мощь. И Михаил подумал: при таком грохоте мертвый проснулся бы, только не Васька. На последней стажировке перед окончанием училища Маховой спал на корабле даже во время стрельбы главного калибра.

— Идем на пределе, командир, — доложил старшина группы мотористов. — Выжали все, что можно!

Михаил безотрывно смотрел вперед и отказывался верить глазам. Шхуна не приближалась. Наоборот, расстояние между ними постепенно увеличивалось.

«Неужели... скоростная?— мелькнула мысль.— С двумя мощными авиационными двигателями?». Горбатов уже слышал о таких судах, недавно появившихся у японцев, развивающих скорость свыше пятидесяти узлов.

В бешенстве глядел Михаил на удалявшихся нарушителей. Неужели он даст им шанс удрать? Схватил, можно сказать, бога за бороду — и на тебе! На борту кавасаки определенно есть улики, иначе зачем ей так спешить? Может, и старый знакомый там? Дважды они уже встречались у Столбчатого. Отец тоже рассказывал о бешеном самурае. По описанию похож на Тони Якуро. А это матерый разведчик... Нет, не имеет права лейтенант Горбатов упустить свою удачу. Если нельзя добром, придется догнать огнем. В конце концов, он имеет право действовать на свой страх и риск, так как связи нет и запросить базу невозможно...

— Ты с ума сошел! — закричал Бурмин, узнав о намерении Горбатова. — Стрелять разрешено лишь в крайнем случае!

— А это и есть тот самый — крайний, — отчеканил Горбатов.

— Я немедленно бужу командира!

— Не надо. Ответственность беру на себя!

— Отставить, Горбатов! — решительно сказал Бурмин и снял трубку телефона. — Командир, срочно на ГКП!

КОГДА МЕНЯЮТСЯ РЕШЕНИЯ

Поляна, окаймленная кустами жимолости и шиповника, куда Михаил любил приходить, если нападала хандра и хотелось побыть одному, жалась к берегу безымянной речушки. Над водой, делая ее сумрачно-зеленой, сплетались ветви ивняка. Мягкая трава, выстилавшая землю, так и манила прилечь... Место было уединенным. Горбатов наткнулся на него случайно, а позже от всезнающего Вальясова услышал, что неподалеку, в тисовой роще, взбегающей на сопку, стояла когда-то летняя резиденция императора Микадо.

Сопку и рощу Михаил тщательно исследовал. Нашел дорогу, вьющуюся по склону серпантином, но ни резиденции, ни хотя бы ее развалин не обнаружил. Заросло все травой, оплелось лианами. Даже железобетонные доты — бывшие опорные пункты японской обороны — растрескались, покрылись мхом да лишайником и наполовину вошли в землю.

Время стирает следы войны, только в сердцах людей

они остаются, живут, кровоточат. Недаром фронтовики любят вспоминать. Дед тоже до последнего дня все рассказывал и рассказывал о боях и рейдах по тылам врага. Особенно часто он почему-то возвращался к последнему дню второй мировой войны... Разведчики во главе с дедом взяли в плен большую группу японцев, отказавшихся в совершенно безвыходной ситуации сложить оружие. Пленных допрашивали поодиночке, но никто не мог ответить на вопрос, что заставило их принимать смертельный бой в полном окружении. Не один же фанатизм был тому причиной!.. Да и не могли знать этого простые солдаты. Лишь один — фельдфебель, тот, что стрелял в мичмана Горбатова, — фамилия его было Якуро — мог бы, наверное, что-либо объяснить. Но он молчал...

«А зачем я тебе все это рассказываю, внучек? — спросил дед, в очередной раз поведав старую историю.— Да еще так подробно?»—«Для общего развития, вероятно?» — предположил Михаил. «Развития у вашего брата, молодых, поболее нашего...»—«Тогда для чего?» —«Ты готовишься стать морским офицером, внучек. Хочу, чтобы уразумел: врага надо знать. Разгадать его повадки не так-то просто. Противника требуется неустанно изучать. Тогда и победа за тобой...»

Мудрым человеком был дед. С его опытом Михаил наверняка давно бы раскрыл загадку Столбчатого. И уж, конечно, не влип бы так бездарно.

Сбросив китель, Горбатов выломал пышную ветку черемухи и, отмахиваясь от слепней, растянулся в густой траве. День был парким. Вовсю жарило солнце, но изредка наплывал туман, и становилось душно. От водорослей, покрывающих дно, вода в речушке казалась зеленой. У поверхности стайками кружились мальки. Наблюдая за их движением, Михаил задумался.

Никогда, даже в самом кошмарном сне, не мог он представить, что жизнь его может сделать такой поворот. Объявляя об отстранении от должности, комбриг, правда, сказал «пока». Но он-то знает: за грубое нарушение приказа отдают под суд офицерской чести. Отвечать придется и за самоуправство — не собирался поставить в известность о своем решении даже командира корабля... Намереваясь открыть огонь, Михаил рассчитывал на то, что победителей не судят. Дурацкая логика лихача!.. Шхуна в конце концов остановилась сама и... оказалась пустой. Ни единой улики, ни малейшей зацеп-

ки!.. Воистину прав был дед: плохо он знает повадки врага. Надо было бы сообразить: на шхунах-браконьерах обычного типа нет авиационных моторов. А у этой они стояли. Потому и скорость оказалась выше, чем у пограничного сторожевика.

А этот тип, его старый знакомый, там был. Был! Увы, физиономию в качестве вещественного доказательства не приложишь... Он это знал. Стоял, проклятый, с полным сознанием собственной неуязвимости. Как победитель! Жертвой оказался не враг, а Михаил Горбатов. Печальный итог командирской деятельности — возможный международный скандал. Со шхуны успели-таки передать по рации: задержаны, дескать, советскими пограничниками в нейтральных водах! Доказать же, что воды были территориальными, никакой возможности нет...

На следующий день провокационную передачу нарушителей распечатали в зарубежных газетах. Из округа мгновенно последовала грозная шифровка: принять меры, расследовать... Ушинского вызвали «на ковер». Командир за все в ответе, с него и самый большой спрос. Он лейтенанта Горбатова прикрывать не станет, и будет прав. Предупреждал ведь, надеялся, верил. А лейтенант подвел комбрига как беспутный мальчишка!

Ужаленный слепнем в шею, Михаил ожесточенно замахал веткой. Кожа нещадно горела, а мысли стали еще злей. Уволят его — это ясно. Выгонят с треском. Через суд офицерской чести. А может — и под трибунал!.. Как же дальше жить? К отцу с матерью он не поедет. На родительские хлеба в его-то годы возвращаться стыдно. Может, к бабушке Майме податься? Давно ее не видел. После смерти деда, как ни уговаривали, вернулась на Сахалин в родное селение. Нивхи, сказала, должны уходить к «верхним людям» на земле предков.

Там, где живет бабуля, — рыболовецкий колхоз. Можно устроиться на сейнер, ходить в море...

Михаил, пожалуй, впервые осознал, как дорога ему служба. Дурак! Вбил в голову, что выбрал скучную профессию. Да разве море само по себе — не романтика? Что может быть прекраснее, чем стоять на мостике и каждой клеточкой ощущать спаянность с экипажем, власть над могучим, повинующимся твоей воле кораблем? А неоглядные дали, а сам океан! Да одна мысль, что находишься на самом переднем крае и впереди уже никого нет, только чужая земля, а от тебя

зависит, потревожат ли враждебные ветры родной край,— это ли не настоящая жизнь!

Кусты внезапно раздвинулись. Горбатов повернулся на шум и не поверил глазам. Перед ним стояла Клавдия.

— Что случилось? — вскочил Михаил.— С кем, говори...

— Эгоист несчастный,— закричала Клавдия. Она задыхалась от быстрой ходьбы.— Только о себе и думаешь. А на остальных наплевать?.. Василек прибежал — лица на нем нет: Мишка, говорит, пропал... А ты тут полеживаешь да природой любуешься?..

Вот, оказывается, в чем дело? Михаил не спеша поднял китель, отряхнул его, с усмешкой сказал:

— За слабака вы меня, однако, держите. А мужу передай — пусть не волнуется: его за меня не накажут.

— Ты такой же самовлюбленный индюк, каким был!

— А ты в своем репертуаре...

— Да пойми наконец, дурачина,— сказала она, глотая слезы,— вникни. Василек ко мне в поселок прибежал. Гордость свою сломал. И ради кого?.. Он настоящий мужик. Меня, бывшую свою жену, просил помочь тебе... Тебе, виновнику нашего разрыва. Я ведь сказала, что ухожу от него, потому что люблю тебя! Это хоть ты в состоянии понять?

Клавдия отвернулась, не сумев совладать с собой. Она теперь стыдилась своей слабости. А Михаила словно что-то ударило в сердце. Уронив китель, он бросился к Клавдии. Нестерпимо стыдно было и перед ней, и перед Василием. Какой он, действительно, круглый болван. Нашел врагов! Прошел мимо любви и самоотверженной дружбы...

Говорил он сумбурно, непоследовательно. О том, что всегда думал о ней, о том, что им нельзя быть вместе... О вине своей перед Василием и неоплатном перед ним долге. И снова: что помнит ее. Помнит!..

Клавдия постепенно успокоилась.

— О нас, Мишенька, говорить не будем,— сказала тихо.— Может быть, потом... А сейчас обещай, дай слово!.. А лучше всего — идем!

— Куда?

— В поселок. К людям...

Сойдя с трапа, Ушинский зябко поежился. Ну и погодка! Хуже, чем на Курилах. Хорошо еще, что при

такой видимости добрались до Владивостока. Могли запросто, вместо Приморья, застрять где-нибудь на полпути. Оправдывайся потом перед новым начальником войск округа, мол, небесная канцелярия подвела. Он, говорят, точность любит.

Над аэродромом висело сизое небо. Низко, беспросветно громоздились взлохмаченные тучи, сочившиеся мелким, занудным, как из плохого пульверизатора, дождем. Шагая по густо покрытой лужами бетонке, Ушинский поглядел на часы. Не было еще и семи. До начала работы штаба уйма времени, но и добраться до города не просто. Автобусы ходят, как говорится, в час по чайной ложке, а такси нет...

Однако в здании аэровокзала Ушинского ожидал приятный сюрприз. Подскочивший к нему матрос, представившись водителем дежурной машины, доложил, что прислан за капитаном 1 ранга.

— Новый наш генерал распорядился,— добавил матрос для убедительности.

Это было добрым признаком. Старый начальник погранвойск вызываемому «на ковер» подобных любезностей не оказывал.

Машина вырулила на отлакированное дождем шоссе и помчалась вдоль бегущих по косогорам домишек. Сопки вдали тонули в дымке, расплываясь чернильными пятнами.

— Вас в гостиницу или куда? — спросил водитель, когда они приблизились к городу.

«В самом деле — куда»,— подумал Ушинский. Отдыхать он не намерен. В штаб все еще рано, столовые закрыты... Решение возникло неожиданно.

— Давай на улицу Двадцать пятого Октября.

Дверь открыл Демид. Был он все так же статен, плечист. Серебряная, отливающая голубизной, чуть поредевшая шевелюра не старила, а, наоборот, придавала давнему другу внушительность.

Друзья обнялись, и Демид без лишних слов увлек гостя на кухню. Пока Горбатов колдовал у плиты, заваривая чай, тот самый — черный, как деготь, крепчайший напиток, памятный со времен совместной службы, оба молчали. Искусство приготовления чая равносильно священнодействию. Недаром напиток этот славился

среди моряков способностью снимать усталость даже после штормовой вахты.

— Не возражаешь, если не буду накрывать парадный стол? Жена еще спит...

Ушинский согласно кивнул, наблюдая, как ловко снует Демид на маленьком кухонном пятачке между плитой и столиком. А тот поставил две чашки, сахарницу, печенье домашнего приготовления. Сел напротив и без дипломатических ухищрений потребовал:

— Выкладывай. Как на духу!

Насупив густые брови, выслушал, не перебивая, горестную правду о сыне и отрывисто спросил:

— Все?

— Разве мало?

— Вполне достаточно, чтобы списать с корабля и отдать под суд. В лучшем случае перевести в другую часть с понижением.

— Круто берешь.

— А ты что, думаешь иначе?

— Как тебе сказать...

— Меня, старика, пожалел? — угрожающе надвинулся Демид.

— С какой стати? Я был уверен, что ты скорее, чем кто-либо другой, правильно меня поймешь. Но... Мы живем среди людей с зорким взглядом, Демид, заинтересованных, заметь, принципиально в судьбе ближнего — товарища, друга, сослуживца. Вот послушай...

Ушинский отодвинул пустую чашку и заговорил о том, что пережил. Отстранив лейтенанта Горбатова от должности, он принял окончательное решение, смысл которого заключается в словах: заслужил — получай! Но... не тут-то было. У паршивца неожиданно обнаружилось столько защитников, что волей-неволей пришлось задуматься.

— Неужто на тебя можно повлиять?— удивился Демид, издавна знавший неуступчивость друга.

— Представь себе, да,— засмеялся Ушинский.

Он рассказывал, а перед мысленным взором вставали один за другим его подчиненные, которые шли на прием чередой, и каждый — подумать только!— каждый взывал к совести и разуму.

Особенно возмутил разговор с Маховым. Пытаясь закрыть Горбатова командирской дланью, тот договорился до того, что взял всю вину на себя.

— Ох, и разозлился же Ушинский. Без году неделю командует кораблем, а уже пытается обмануть его, старого морского волка! Конечно, защищать подчиненных нужно. Но у пограничника нет и не может быть лжи во спасение... Когда же Маховой, исчерпав доводы, заявил, что такие люди, как Горбатов, нужны флоту, что помощник — прирожденный моряк и незаурядная личность, Ушинский поглядел на молодого офицера с невольным интересом. «Сам ты — личность,— подумал,— если после всего, что между вами случилось, так настырно борешься за соперника...» И все же он выдал Маховому все, что положено: и по поводу круговой поруки, и относительно офицерской чести...

Очередным заступником оказался Бурмин. Получив разрешение сесть, он, смущаясь и краснея, понес что-то о хрупком материале, об обстоятельствах, которые нельзя не учитывать...

— А напрямик нельзя?— остановил его Ушинский.

— Отчего же... Начну с себя, если позволите. Я тоже не ангел, хотя, если честно, хотел им быть. Очень обижался, когда подкалывали со всех сторон. Расстраивался, бесился, а потом понял — не со зла меня носом тычут в собственные ошибки. Теперь считаю, вовремя товарищи помогли...

— Вы что же предлагаете, товарищ замполит, всепрощенчество?

— Ни в коем случае, товарищ капитан первого ранга, но протянуть руку человеку, который в том нуждается, следует. А за Горбатова я могу поручиться!

Что тут скажешь, когда за спасение товарища голову на плаху готовы положить? Невольно задумаешься. И Ушинский попытался иначе взглянуть на происходящее. А тут еще Сивоус... Вошел в кабинет, кашлянул басовито и говорит:

— Извиняй, Владимир Андреевич. Редко я к тебе прихожу, но что касаемо Миши Горбатова, то говорю как на духу: пусть и виноватый, а все же прав...

— Позволь, Иван Тарасович, где же логика? Знаю, что слов на ветер не бросаешь, только вдумайся: может ли быть человек одновременно и плохим, и хорошим?

— Не знаю, как по науке,— возразил Сивоус,— только шхуна та, что мы задержали, непростая. Я успел ее несколько раз щелкнуть и пару снимков получилось от-

менных. Погляди... Образина эта,— ткнул боцман в стоявшего у борта кавасаки пожилого матроса с узкоглазым надменным лицом — губы тонкие, трубочкой,— дюже знакома мне. Сдается, встречались лет сорок назад... Вот и подумал, что гость заморский по старым следам идет.

— Интересно,— протянул Ушинский, рассматривая фотографии.— Есть над чем подумать. Только при чем тут Горбатов, допустивший самовольные действия?

— Да кабы Миша не догнал да не нарушил, а упустил ту самую шхуну, ты бы его первый по головке не погладил. А?

Ушинский замолчал и выразительно поглядел на Демида. Тот на глазах оттаивал, даже взгляд помягчел.

— Дела-а,— отозвался он.— Если уж Иван вступился...

— Вот я и подумал,— подхватил Ушинский,— боцман-то прав: из двух зол меньшее выбрать трудно.

— Во всяком случае, погранвойска и в мирное время стоят на передовой. Они должны быть оснащены так, чтобы никакая дрянь не могла из рук вырваться,— сердито заметил Демид.— Для этого нужна не сегодняшняя, а завтрашняя техника...

— Кто тебе сказал, что ее у нас нет? Скоро получим корабль новой серии. Командиром первого корабля этой серии намечается капитан-лейтенант Плужников.

— Мишкин командир?

— Тот самый. Кстати, наиболее ярый защитник. Плужников меня, признаюсь, и доконал. Он своего помощника не защищал, однако и не осуждал. Зато в выводе был категоричен: потребовал оставить на корабле.

Ушинский снова умолк и вопросительно посмотрел на друга. Ситуация в самом деле парадоксальная: старший начальник отстраняет офицера от должности, а непосредственный — с ним не согласен.

— Полагаешь, твой капитан-лейтенант ошибается?— тихо спросил Горбатов-старший.

— В том-то и дело, дружище, что он прав. Мы ведь стареем и не хотим замечать, что молодежь давно во всем не хуже нас разбирается.

— Стареем, да не очень. На мою жилетку не надейся, она непромокаемая. Служи, пока держат, и не жалуйся. Ты что-то о снимках говорил. Прихватил?

— Конечно. Хочу нашим разведчикам предъявить...

Горбатов взял из рук Ушинского фотографии и, едва взглянув, сердито воскликнул:

— Что ж ты о главном молчал до сих пор? Мишка-то, чертов сын, близок к истине. Знаю я эту личность!

— Кого? Что у борта стоит? И боцман уверяет, что сталкивался...

— Еще бы! Именно этого на Кунашире брали!

— Возле Столбчатого?

— А ты откуда знаешь?

— Земля слухом полнится. Да и флаг тот в комнате боевой славы висит. Про него любой первогодок знает.

— Прожженный тип, доложу я тебе. Тони Якуро — бывший рядовой первого класса, позже — капрал восемьдесят девятой пехотной дивизии императорской армии... С ним еще мой батя столкнулся, когда в сорок пятом на Кунашир высаживался. Тот его чуть не уложил, да Иван помешал.

— Сивоус?

— Он самый. Юнгой был.

— Этот Якуро, выходит, в плену у нас находился?

— Именно. Да не единожды. Второй раз его судили после задержания на Кунашире. За нелегальный переход границы свое получил. А когда домой вернулся, его объявили национальным героем. Во всех газетах физиономия появилась...

— Вот это информация! Кабы знал, что у тебя ее получу, давно бы примчался.

— То-то... У Мишки нюх, видать, есть. Не зря Тони Якуро к Столбчатому рвется. Помяни мое слово, не зря. Заинтересованность у него большая. Из-за пустяка национальный герой не стал бы рисковать своей драгоценной шкурой. Да и годов ему немало, наверняка за шестьдесят. В таком возрасте в бирюльки не играют.

— Ты прав. Сегодня же сообщу все в штабе. Мне пора...

— Что за спешка? — недовольно буркнул Горбатов.— Жена огорчится, что не повидались. Она тебя, дьявола, любит, частенько спрашивает, как там Володенька поживает...

— Служба, Демид, сам понимаешь. К десяти ноль-ноль вызван на прием к новому начальнику войск округа.

— Да-а?.. Не завидую. Крут, говорят. Как бы не согнул.

— Ну, мы тоже не из сдобного теста испечены. И коль решено — будем стоять до конца!

ЭПИЛОГ

Теплоход «Мария Ульянова» пришел к Скалистому ночью, и как ни хотелось прибывшему на нем Михаилу Горбатову поскорее попасть домой — на свой корабль, это оказалось невозможным. Судно до утра оставили на рейде, не разгружая: пограничные правила контроля обязательны для всех.

Занимался рассвет. Под медленно светлеющим небом вода из темно-маслянистой превращалась в пенно-серую. Темень постепенно отступала к берегу, вскарабкивалась на скалы, некоторое время пряталась в бамбуковых зарослях, поднялась по склонам сопок и обнажила наконец кромку далекого изломанно-сиреневого горизонта. Стали видны цеха рыбокомбината, домишки поселка. И вот уже прорисовались у пирса силуэты боевых кораблей!

Август, на удивление ласковый, походил на прошлогодний. Два теплых лета подряд — в этих местах редкость. Да, ничего не изменилось. Просто не верилось, что минул год. Вот только люди...

Уволились в запас матросы. Жарких учится в мореходке — Плужников дал ему блестящую характеристику. Исполнилась мечта Менкова: получил визу, ходит в загранку. Нашел свое призвание Ковалец. Недавно прислал письмо — работает инструктором райкома комсомола. Не ошиблись они с замполитом, дав парню рекомендацию в партию. Из него наверняка выйдет отличный молодежный вожак...

Михаил, облокотившись о поручень, вглядывался в четкие контуры военного городка. Как жаль: многих верных товарищей не застанет он нынче на острове. Ушел в запас Ушинский, а следом в отставку — Сивоус. Забрали в политотдел округа Бурмина. Переведен по личной просьбе на Камчатку Маховой. Пожалуй, это наиболее значительная потеря. Настоящим, надежным товарищем оказался Василий. Уехал получать корабль новой серии Плужников... Люди, как суда в плавании...

На борт «Марии Ульяновой» поднялись пограничники и приступили к проверке документов. Люди засуети-

лись, задвигались, устремляясь к трапу. Толпа оттерла Горбатова на корму. И вдруг услышал: «Не задерживайтесь, товарищ старший лейтенант, проходите!..»

Это он теперь — старший лейтенант. Еще не привык... Выписавшись из госпиталя накануне отплытия «Марии Ульяновой» и зайдя во Владивостоке в штаб, он узнал сразу три новости. Присвоение очередного звания — раз, назначение командиром корабля вместо ушедшего Плужникова — два и наконец, в-третьих... Его все поздравляли, а он только растерянно улыбался. Орден Красной Звезды, полученный в мирное время, казался слишком высокой наградой за выполнение воинского долга.

Снова и снова мысленно возвращался Михаил Горбатов к тому памятному дню, когда корабль, как обычно, вышел на патрулирование границы... Отстояв ночные часы, Плужников передал ему вахту на траверзе мыса Весло. От греха подальше Михаил пошел мористее. Лежавший справа залив Измены никто из моряков не любил. Глубины там небольшие, и в самом неожиданном месте можно наскочить на мель. Тем более в таком тумане, когда не разглядеть ни одного ориентира...

С самого утра над океаном висел плотный бус. Корабль шел в нем как в киселе. Водяная пыль обволакивала палубу, надстройки, залезала в каждую щель. От нее не было спасения даже в рубке. В августе, случается, даже на Курилах температура поднимается до плюс тридцати. Жара сама по себе не страшна, кабы не влажность. Глотаешь горячий туман — дышать нечем.

Михаил перешел на мостик в надежде на прохладу. Если вглядеться, можно различить берег Кунашира: узкую темно-серую полоску земли с несколькими десятками домишек, сбегающих к заливу. За околицей в это время сушатся вороха красно-бурой анфельции*. Раньше тут был небольшой агарагаровый завод... Теперь-то его уже нет, производство оказалось нерентабельным, и сырье для обработки отправляют на Большую землю.

К югу от поселка по всему мысу тянутся плантации шиповника. Да какого! Кусты в рост человека, плоды на них, как яблоки: крупные, румяные. В сезон сбора мест-

* Анфельция — морские водоросли, употребляемые для приготовления агар-агара, специального состава, применяемого в медицине и пищевой промышленности.

ных жителей у запретной зоны не удержать, жалуется начальник заставы. Все устремляются на Весло, а зона тут заповедная. Хоть бери да выставляй солдат...

— Так держать! — командует Горбатов. — Вправо не ходить!

От привычного отзыва рулевого «Есть, так держать!» становится спокойно. Все разумно во флотской службе, все выверено годами, подчинено целесообразным традициям. Как же могла прийти ему в голову дурацкая мысль уйти из морчастей погранвойск?

— Патрульный самолет дает наведение,— раздался голос радиста.— В квадрате двадцать три—пятнадцать неопознанная цель!

— Понял. Запроси курс и скорость,— распорядился Михаил и торопливо спустился в штурманскую рубку. Пчелкин, как всегда, колдовал над планшетом. Он чуть-чуть раздался в плечах, посолиднел. Как-никак — глава семьи. Недавно в базовой кают-компании сыграли его свадьбу. Наташа оказалась верна слову, приехала на «край света» к любимому человеку. Уже работает в школе, преподает английский язык.

— В квадрате двадцать три—пятнадцать обнаружена посудина.

— Покажи где? — попросил штурмана Горбатов.

— Батюшки! — сделав прикидку, воскликнул Пчелкин.— Магнитный полюс тут, что ли?

— Снова Столбчатый? — еще не веря, переспросил Горбатов.— Вахтенный, разбуди командира.

— Капитан-лейтенант только что заснул.

— Выполняйте приказание.

— Ишь, буквоедом стал,— улыбнулся Пчелкин.— По прежним-то временам ты инструкции не особенно жаловал.

— Прежде, Алешенька, и ты под стол пешком ходил,— ответил Михаил.

— Что случилось? — спросил Плужников, заходя в рубку.

— Неопознанная цель, товарищ командир. Тридцать минут ходу,— сообщил Пчелкин, продолжая следить за автопрокладчиком курса.

Подойдя к локатору, Плужников несколько минут наблюдал за бегавшей по экрану желтой чертой развертки. Потом, не оборачиваясь, негромко скомандовал:

— Корабль к задержанию! Катер к спуску! Осмотровой группе приготовиться к высадке!

Горбатов, рассматривавший в бинокль шхуну-нарушительницу, почувствовал: ожидание его подходит к концу. Вот она — низкая косая мачта, срезанная корма, приземистые палубные надстройки... Ну конечно, та самая! И повадки знакомы... Шхуна подпустила пограничный корабль совсем близко и начала уходить.

— Гнаться бесполезно,— сказал командиру Горбатов.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Имею печальный опыт.

— Шхуна остановилась! — крикнул рулевой.— Может, с двигателем что случилось?

— А ты говорил... Порядок,— обрадовался Плужников.— Самый полный! Готовься, Горбатов!

Однако не успели пограничники приблизиться, как шхуна начала набирать скорость. В рубке появился взволнованный Сивоус.

— Они же играют с нами в кошки-мышки, командир,— закричал он.— Эти гады уводят нас в сторону!

— Пожалуй, ты прав, Иван Тарасович,— отозвался Плужников.

— Надо идти к Столбчатому!

— Полагаешь, там кого-нибудь высадили?..

Пограничный корабль развернулся и стремительно двинулся к берегу. О возможном нарушении границы Плужников по рации сообщил на ближайшую заставу. Оттуда ответили, что высылают тревожную группу, однако добраться до Столбчатого во время прилива будет нелегко: машины вдоль кромки берега по песку не пройдут.

— Придется самим высаживаться, командир. Разреши мне? — попросил Сивоус.

— Нет,— возразил Горбатов.— Это дело мое!

— Тихо,— охладил Плужников,— пойдете оба!

Когда катер ткнулся в прибрежный песок, Горбатов приказал тщательно обследовать линию прибоя. Он был уверен: что-то найдется. И не ошибся. В бухточке под нависающими над водой кустами жимолости Жарких обнаружил надувную лодку.

— Что я говорил? — торжествующе воскликнул Сивоус.— Тут они, гады. Да и местечко вроде знакомое!..

Боцман напряженно вглядывался в узкие шести-

гранные столбы кварцевого андезита, выпукло-вогнутой стеной подступавшие к морю. Вверху, наклоненные друг к другу, они в основании расходились веером, как растянутые меха гармошки. У подножия своеобразного забора валялись в беспорядке камни. Отшлифованные бруски светло-серого цвета походили на свежераспиленные деревянные чурки.

— Точно, лейтенант. Все вспомнил,— уверенно сказал Сивоус.— Теперь слушай меня: где-то тропка наверх должна быть. По ней, надо думать, и нарушители ушли.

Осмотрев каменный забор, пограничники, действительно, обнаружили петлявшую по крутому склону тропу и двинулись вверх, карабкаясь по узкой расщелине. Из-под ног то и дело срывались камни, но Сивоус, страхуя молодых матросов, шел позади.

Подъем хоть и был крут,— не превышал ста метров. Минут через пятнадцать, добравшись до верха, пограничники очутились на небольшом плато. Слегка всхолмленная площадка, заросшая частоколом бамбука, со всех сторон ограждалась мрачными замшелыми скалами. То там, то здесь лежали огромные зеленовато-серые, вросшие в землю валуны.

Моряки остановились передохнуть, и Сивоус, тяжело дыша, подошел к Горбатову. Взволнованный, он обнял лейтенанта за плечи, даже не заметив фамильярности своего жеста.

— Та самая поляна, Миша,— шепотом произнес мичман и, перехватив недоуменный взгляд офицера, глухо пояснил: — Здесь мы с твоим дедом, мичманом Михаилом Демидовичем, принимали наш последний бой...

— Не может быть? — воскликнул Михаил.— И японцев тут в плен брали?

Сивоус приложил палец к губам и шепнул:

— Вспоминать будем потом, сынок. А сейчас поосторожней... Ты уж не серчай, слушай мою команду. Бери двоих и в обход поляны справа скользи. Я с остальными — влево подамся. На рожон не лезь, понял? Это я тебе категорически заявляю и велю!

Сделав матросам знак следовать в отдалении, Горбатов добежал до ближайшего валуна и огляделся: никого, тишина. Прислушиваясь к шороху жестких бамбуковых стеблей, волнуемых ветром, он двинулся

дальше, но, не сделав и сотни шагов, остановился. Показалось — впереди, в зарослях, что-то мелькнуло.

Горбатов замер. До рези в глазах вглядываясь в зеленую стену, подумал, что ошибся. Однако порыв ветра, колыхнувший бамбук, приоткрыл на мгновение темное пятно. Сомнений не осталось: там кто-то был.

С трудом раздвигая заросли руками, Горбатов ринулся вперед. По ладоням полоснули острые края стеблей. Запутавшись в траве, он упал, разодрал щеку. Тут же вскочил и снова устремился в гущу, не обратив внимания на то, что один,— матросы отстали.

Заросли внезапно раздвинулись, и Михаил оказался в нескольких метрах от зияющего в земле отверстия, перед которым в позе молящегося стоял на коленях человек. Рядом лежал круглый кусок дерна — крышка, только что закрывавшая люк.

«Так вот куда стремилась старая лиса! Он, один из оставшихся в живых из группы плененных дедом японцев, знал вход в таинственное подземелье,— подумал Михаил.— Нарочно не придумаешь! Сказка из «Тысячи и одной ночи»...»

Тогда Горбатов еще не представлял, насколько был близок к истине. Много позже, в госпитале, ему объяснили...

Японцы, фанатически уверенные в том, что «северные территории» так или иначе будут принадлежать им, потерпев поражение и убираясь с островов, оставили в сорок пятом году целую сеть заблаговременно подготовленных складов оружия, боеприпасов и продовольствия. Искусно замаскированные, эти подземелья должны были ждать своих владельцев хоть «тысячу лет»... Но не за банкой же консервов или десятком автоматов прибыл прошедший огонь и воду махровый реваншист!..

Человек возле люка обернулся. Горбатов узнал бы его из сотни других. Морщинистое клинообразное лицо. Распластанный нос. Пучки седых волос. Злые раскосые глаза, побелевшие от ярости зрачки... Тони Якуро! Его фотографию Михаил видел у отца. Сомнений не оставалось. Это был он! Матерый разведчик!.. Прокрался сюда, на чужую землю, со специальным заданием отыскать и доставить хозяевам запрятанные в сорок пятом году возле Столбчатого документы. И в первую очередь — схему имперской связи, соединяв-

шей Курильские острова и Сахалин с Токио, вводы которой были в свое время обрублены при отступлении...

Когда Михаил позже задал вопрос отцу, кому и зачем через столько лет могла потребоваться устаревшая схема связи, тот руками развел. «Об этом, сынок, мы с тобой можем лишь гадать, — сказал с усмешкой. — Думаю, наши специалисты разберутся. Современные достижения техники столь велики, что возможно самое невероятное использование кабельных каналов, пролегающих по дну океана. Для электронного шпионажа, например... Враги на это денег не жалеют. Дорого, думаю, обошелся нанимателям Тони Якуро, а вышел пшик...»

При виде пограничника лицо Тони Якуро исказилось. Он что-то хрипло крикнул и ужом скользнул в бамбук.

«Не уйдешь,— злорадно подумал Горбатов,— некуда». В несколько прыжков догнав японца, Михаил бросился на него. Бросился прямо на дуло пистолета. Вспышка на миг ослепила. Боль пронзила левый бок. Но он успел-таки достать противника. В привычный боксерский удар вложил всю силу ненависти.

Нарушитель, вскрикнув, упал. Лейтенант навалился на него всем телом и потерял сознание. Но сзади были уже пограничники.

Горбатов шел по знакомому пирсу, направляясь на свой корабль. Солнце заливало бухту. Легкие волны, играя светом, отражали густо замешанную на золоте голубизну неба. В прибрежных камнях глухо рокотал прибой. Парящие над водой чайки с протяжным криком плыли навстречу пропахшему солью ветру.

Горбатов шел и улыбался. За все блага мира не променял бы старший лейтенант это небо, это море, эту бухту — этот свой дом. Потому что на всем белом свете не было для него места лучше, святее, чем палуба родного пограничного корабля.

Курилы — Москва.
1982—1984

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Анатолий Филиппович Полянский

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Редактор **С. И. Дворядкина**
Художник **Л. В. Акулина**
Художественный редактор **А. А Митрофанов**
Технические редакторы **Е. В. Ларина, В. Н. Кошелева**
Корректор **В. Д. Синева**

ИБ № 2215
Сдано в набор 20.07.87 г. Подписано в печать 27.11 87 г. Г-13991. Формат 84×108[1]/32. Бумага глубокой печати. Гарнитура журн.-рубл. Печать высокая. Усл. п. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,81. Уч.-изд. л. 12,78. Заказ № 6456. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1/е-289. Цена 95 к.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР.
129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Типография изд-ва «Омская правда». 644056, г. Омск, пр. Маркса, 39.

95 к

